

Содержание

УДК 37
ББК 74

ОБРАЗОВАНИЕ

КОЛЕСНИКОВ А.С.

Компаративная педагогика и интеркультурная философия образования

(Окончание. Начало в предыдущем номере)

Comparative pedagogic and intercultural philosophy of education

(End. Beginning in the previous issue) 4

КОРОЛЬКОВ А.А.

Образование между культурой и цивилизацией

Education between culture and civilization 9

СОЛОВЬЁВА М.А.

Преображённый человек – образовательный идеал православной цивилизации

The transformed man – educational ideal Orthodox civilization. 15

ПЕТРОВ Е.Н.

Основы этики как вечные ценности

The foundations of ethics as eternal values 21

ХОМУТОВА Н.Н.

О ценностном воспитании человека

About the value of the educational process 24

СМЕШКО О.Г.

ЕВДОКИМОВ К.В.

Анализ организации педагогического взаимодействия в учебном процессе

Analysis of the organization of pedagogical interaction in the learning process. 31

ДВОРЕЦКАЯ Е.В.

Этическое образование взрослых в условиях непрерывного образования: проблемы и перспективы

Ethical adult education in terms of lifelong education: problems and prospects 36

УДК 330
ББК 65

ЭКОНОМИКА

АПОН М.Е.

Проблемы методологии управления карьерой

Problems of methodology career management 43

ВОЙТЮК Е.П.

ГРЫЗЛОВ Д.Б.

Экономическая политика Городской думы дореволюционной Москвы (1862–1917)

The economic policy of the City Duma pre-revolutionary Moscow (1862–1917) 47

ГУСЕЙНОВА У.Я.

Анализ и оценка инновационно-технологического уровня в нефтегазодобыче

Analysis and evaluation of innovative-technological level in oil and gas production 51

КУДРЯВЦЕВА Е.И. Создание организационных условий реализации стратегии Creation of conditions for the implementation of the strategy.....	54
ОГАНЕЗОВ Н.Р. Роль принципа свободы договора в гражданском праве Российской Федерации The role of the principle of freedom of contract in the civil law of the Russian Federation.....	58
ГРЫЗЛОВ Д.Б. От расходов к результатам в работе с персоналом From spending results in work with personnel.....	62
МОКИН В.Н. ПЕРЕВЕРЗЕВА Т.А. Рыночные отношения и диверсификация с трансфертным ценообразованием Market relations and diversification transfer pricing	65

УДК 30
ББК 60

ОБЩЕСТВО

ПУЗАНОВ О.П. Подводные рифы гуманизма Underwater reefs of humanitarism.....	69
ГОЧИЧАЕВА Д. Принцип полного возмещения ущерба в договорном праве стран Европейского союза The principle of full compensation in contract law of the European Union	76
СМИРНОВ Т.А. Роль института семьи в социализации личности The role of the family in the socialization.....	79
БЕЛЯКОВА Л.Ю. Свобода и условия ее ограничения в гражданском обществе эпохи глобализации Freedom and its limitations in civil society in the era of globalization	82
АНИСИМОВА С.Ф. Применение детского труда как социальная проблема The use of child labour as a social problem	88
ГАСАНОВ М.А. Основные признаки и составляющие национальной идеологии в многонациональном государстве начала 21 века The main features and components of the national ideology in the Plurinational state at the beginning of the XXI century.....	92
СИБИРЕВ В.А. Воспроизводство общественных отношений в виртуальной среде The reproduction of social relations in a virtual environment	95

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
ОБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИКА ОБЩЕСТВО**

Председатель редакционного совета, главный редактор
Грызлова Ада Викторовна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Волокобинский Михаил Юрьевич, доктор технических наук, профессор

Дворецкая Екатерина Викторовна, доктор философских наук, профессор

Дорофеев Даниил Юрьевич, доктор философских наук, профессор

Засенко Вилена Евгеньевна, доктор экономических наук, профессор

Мокин Валентин Николаевич, доктор экономических наук, профессор

Сирота Наум Михайлович, доктор политических наук, профессор

Старовойтов Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор

Тарелкин Евгений Петрович, доктор технических наук, профессор

Хрусталева Нелли Сергеевна, доктор психологических наук, профессор

Янкевич Константин Артурович, доктор экономических наук, профессор

Янсон Эдуард Жанович, доктор экономических наук, профессор

Миляев Олег Николаевич, кандидат технических наук, профессор

Потеев Михаил Иванович, кандидат технических наук, профессор

Виноградова Марина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент

Дудник Валерия Михайловна, кандидат технических наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

научные редакторы:

Масленников Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, профессор

Переверзева Татьяна Алексеевна, доктор экономических наук, профессор

Пузанов Олег Петрович, кандидат философских наук, доцент

ответственный секретарь:

Федорова Татьяна Леонидовна

t.fedorova@noironline.ru, +7-921-995-68-09

Дизайн, вёрстка Сазонов Д.И.

Корректор Урбан Т.С.

Адрес редакции и издателя: 197183, г. Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 6, тел.: 8-812-430-07-16 (доб. 224)

www.noironline.ru

ISSN 1992-6103

Подписной индекс «Почта России» 78774

Журнал «Образование, экономика, общество» издается НЧОУ ВПО Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург, при поддержке вузов-партнеров Национального открытого университета России

Учредитель: Негосударственное частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство ПИ № ФС77-21674 от 15.08.2005.

Издание распространяется в действующих в Российской Федерации и зарубежных странах высших и средних профессиональных учебных заведениях, в представительствах федеральных и местных органов законодательной и исполнительной власти.

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Образование, экономика, общество». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка на «Образование, экономика, общество» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за достоверность информации и сведений, содержащихся в рекламных объявлениях.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Цена свободная.

Подписано в печать 02.07.2013

Отпечатано в типографии

ООО «ИКЦ», 197183,

г. Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 6.

Заказ № О.Э.О. – 4/1307.

Тираж 1000 экз.

А.С. КОЛЕСНИКОВ, доктор философских наук, профессор
 Санкт-Петербургского государственного университета
 A. Kolesnikov, doctor of philosophical Sciences, Professor
 St. Petersburg state University

Компаративная педагогика и интеркультурная философия образования (Окончание. Начало в предыдущем номере) Comparative pedagogic and intercultural philosophy of education (End. Beginning in the previous issue)

Аннотация: Компаративная педагогика позволяет адекватно отразить проблемы педагогики одних стран на фоне других, и наоборот. Особая роль в компаративной педагогике и компаративной философии образования принадлежит диалогу культур. Диалог культур имеет многовековой опыт в России и может многому научить. Общее направление эволюции межкультурных связей предстаёт как активизация взаимодействия, расширение и углубление взаимовосприятия. Взаимодействие культур происходило в разных сферах с различной степенью интенсивности. Глобализация межкультурных взаимодействий полагает такую полноту смыслового мира вовлечённых в неё индивидов, которая возникает лишь в точке пересечения всех культурных образов. Индивид выходит за индивидуальные, частные пределы в культурный космос, в принципиальное бесконечное общение и, следовательно, в бесконечное переосмысление того, что такое он сам.

Abstract: the Comparative pedagogic adequately define the problems of pedagogic of one country against the other, and vice versa. A special role in comparative pedagogic and comparative philosophy of education belongs to the dialogue of cultures. The dialogue of cultures has a centuries-long experience in Russia and has much to teach. The general direction of the evolution of intercultural relations appears as activation of cooperation, expansion and deepening of the perception. The interaction of cultures took place in different spheres with different degrees of intensity. Globalization intercultural interactions believes such a fullness of meaning in the world involved individuals that occurs only at the point of intersection of all cultural images. The individual is beyond the individual, private outside in the cultural space, in principle infinite communication and, consequently, in the endless rethinking of what he is.

Ключевые слова: компаративная педагогика, интеграция, образовательная система, философия образования, сравнительная педагогика, педагогические школы, глобализация, национальная культура.

Key words: comparative education, integration, education, philosophy of education, comparative education, educational schools, globalization, national culture.

Стремление образовательных систем отдельных стран и регионов к сближению и сотрудничеству стало объективной реальностью сегодняшнего дня и, несомненно, нуждается в научном осмыслении и анализе. Вопрос о предпосылках, закономерностях и перспективах интеграционных тенденций в современной высшей школе далеко выходит за рамки гуманитарной науки, пре-

вращаясь в крупную философскую, социально-экономическую, культурологическую и психологическую проблему¹.

Интеграции образовательного пространства способствуют не только внутренняя логика развития образования, выявление и реализация его фундаментальных целей и идеалов, но и господствующие в мировой культуре тенденции. Вхождение в единое мировое

образовательное пространство народов предполагает установление глобального диалога культур и ментальностей, религий и педагогических систем. При всей очевидной общности исторических судеб народов разных регионов планеты ещё предстоит уяснить глубинные, идейные основания, которые определяют направление и характер развития культуры и образования.

¹ Антипин Н.А. Мировоззренческие и методологические проблемы разработки философии образования для XXI века // Н.А. Антипин. – Режим доступа: [http://social.philosophy.pu.ru/?cat=publications&izdania=15].

Рассматривая влияние культуры на образование, следует учесть, что даже общепризнанные духовные ценности неодинаково значимы для разных народов. Если коллективная ответственность, уважение к старшим, патриотизм для восточных и мусульманских культур первичны как ценность, то для Запада – вторичны и даже несущественны. Менее, но всё же значимы противоречия восточного и мусульманского духа между собой – высоко оцениваемые буддистами миролюбие, сохранение окружающей среды, святость пахотной земли, карма не столь смыслозначимы для мусульман.

Человек национальной культуры – это человек, сохранивший веру в абсолютное начало бытия и нашедший в ней прочную опору для преодоления своей «необразованной» (И.В. Киреевский) национальности согласно идее просвещения. Стремление к «всемирной отзывчивости» человека национальной культуры позволяло ему стать гостем в иных странах, не теряя собственного национального достоинства и своеобразия.

Образование – это ресурсный источник общественного жизнеобеспечения, поэтому цикл образования включает как процесс производства-накопления, так и инновационность как возрастающую мобильность. Данный подход позволяет рассматривать образование не как своеобразный музей, в котором сохраняется каждый бит информации, а как процессы, постоянно разрушающие и генерирующие новую структуру и информацию.

Являясь процессом изменения возможностей человека, образование культурно обусловлено и социально значимо и по этой причине – культурно разнообразно и цивилизационно однородно, универсально, выступая основой коллективного разума, формируя мощное миропонимание как кросс-

культурный феномен, что проявляется в сходстве и сравнимости структур, форм, технологий, процессов в мировой образовательной практике, в интенции транзитивной спирали: ментальность – образование – ментальность. Следовательно, образование – самый эффективный путь формирования менталитета, благодаря которому новое поколение создаёт общество новой культуры и сохраняет преемственность жизни в цивилизационном развитии, и именно в образовательных практиках формируются навыки социального творчества нового транзитивного цивилизационного пространства.

В условиях современной динамики культуры, социальности науки образованность приобретает функциональный характер, что означает наличие у человека личностной готовности становиться другим, способности и предрасположенности к непрерывной образованности. Однако при иницировании процессов реформирования образования в действие вступает закон транзитивного полиморфизма – перенос качества системы в процессе структуроге-неза на другие сферы.

Современная образовательная система, основное содержание которой составляют культурные и научные достижения всего человечества, осваиваемые в единых организационных формах, на основе общих средств, методических принципов и технологических возможностей педагогической деятельности, является основой того социального феномена, который сегодня получает название единого образовательного пространства. Оно связано с глобализацией судьбоносных проблем человечества, и их интеллектуальное и практическое освоение осуществляется через образование, обретающего таким образом единые цели.²

Розанов в работе «Сумерки просвещения» (1895) подчеркнул

необходимость культурологического подхода при решении образовательных проблем. Идея эта представлена в трудах Ильина, Зеньковского и др. О диалоге культурных традиций говорят и современные представители западно-европейской мысли. Так, П. Козловски полагает, что ограниченность жизни зависит от взаимопроникновения и переплетения культурных областей. Под культурой философ понимает возрастание человеческого достоинства, заботу о человеческом потенциале.

Объединение универсалистской традиции прав человека с культурной самобытностью нации есть способ гарантированной идентификации и самоуверенности человека. В противном случае «комплекс безопасности» современного человека, его стремление к технически обставленной гарантии бытия проявляются в причинной связи с утратой культурного контекста. Так Коммюнике «Создание общеевропейского пространства высшего образования», подписанное в сентябре 2003 года в Берлине, особо подчёркивает необходимость сохранения европейского культурного богатства и языкового разнообразия.

В условиях изолированного развития культур каждая из них вырабатывала свою, специфическую систему ценностей, выражала её при помощи определённых знаков и символов, которые перешли и в образовательный процесс. В случае проживания на одной территории представителей различных культур неизбежны столкновения между ними, которые не всегда разрешаются мирным путём. Однако с усилением интеграционных процессов мы все оказываемся жителями поликультурного, поликонфессионального и многонационального сообщества, в котором нет общей системы ценностей, единой идеологии и единого образования.

² Анжела Хортон. Изучение межкультурного взаимодействия: развитие международного понимания посредством философски-обоснованного исследования в области культуры // Кросс-культурный диалог: компаративные исследования в педагогике и психологии. – Владимир, 1999. – С. 93-103.

Становление новой парадигмы образовательной деятельности адекватной существующей социальной реальности может быть обозначено как переход от преподавания уже готового и проверенного знания к обучению методам его самостоятельного усвоения, рефлексии и оценки.

В условиях современного социокультурного пространства существуют три модели образования – авторитарная, поддерживающая и манипулятивная. Человечество исторически преимущественно ориентировалось на авторитарную модель образования. Манипулятивная модель занимает промежуточное положение. На старте третьего тысячелетия общемировая тенденция становления постиндустриальной цивилизации поставила на повестку дня ориентиры на «самотворчество личности» как образовательный идеал, который в большей мере реализуется педагогикой поддержки.

Целями социокультурной образовательной политики являются обеспечение равных возможностей на получение образования, создание целостных форм общественной жизни людей вокруг образования, построение системы непрерывного образования различных контингентов населения, разработка комплекса мер по сохранению человеческого ресурса и наращиванию его потенциала в регионе за счёт образования.

Тенденция к интеграции западно-европейских государств в сфере образования обусловлена объективными потребностями – интернационализации хозяйственной жизни, углубления международного разделения труда, развития культурных связей. Однако каждая страна ЕС имеет свои особенности образовательного процесса.

В работах французских историков школы «Анналов» развивается представление о том, что социально историческая реальность является «большой совокупностью систем» и онтологически характе-

ризуется слоистостью, ступенчатостью, «эшелонированностью», разнокачественностью иерархических уровней организации и функционирования. Естественно, и динамика социокультурной действительности осуществляется не в виде единообразно ориентированной и синхронизированной эволюции различных структурных уровней, но в форме сосуществования качественной множественности типов времени и временных ритмов, присущих каждому слою социальной реальности. Эти знания необходимы для новой философии образования в новом формирующемся транснациональном культурном пространстве.

Одним из эффектов формирования транснационального культурного пространства выступает культурная гибридизация, которая связана с космополитизмом как формой идентичности, имеющей творческий характер. Для индивидов, вовлечённых в процесс культурной гибридизации, границы историко-культурных регионов утрачивают своё былое значение. На первый план выдвигается идея планетарного патриотизма. Взаимодействия в транснациональном культурном пространстве порождают гибридную в культурном отношении мировую элиту, некую особую общность людей, объединяемых своим участием в международной политике, наднациональных научных, культурных, общественных и иных организациях, работой в средствах массовой коммуникации. Учёные, художники, музыканты, архитекторы, театральные деятели и кинематографисты, чья профессиональная практика протекает преимущественно на международном уровне, становятся центром гибридизации мировидения и культуры. Эти формы гибридизации несут и разрушительные тенденции, угрожающие разрывом с историко-культурным прошлым, социокультурной унификацией и обезличиванием.

Оценки культурной гибридизации в реальной глобализации

культуры и философии разнятся в зависимости от степени вовлечённости субъекта той или иной группы в транснациональное культурное пространство. Противостояние позиции глобальной мобильности и локальной скованности, обоснованное в конкретных характеристиках человеческой деятельности, чревато катастрофическим объёмным разрывом между космополитами и локальными личностями, сохраняющими тесную связь с родными для них культурами, идеями и традициями.

Тенденции развития международного образовательного обмена обнаруживают противоречивый характер формирования транснационального культурного пространства: унифицирующую адаптацию образовательных программ к нуждам глобального бизнеса и неолиберальным «экономическим стратегиям гибкого накопления», заимствование в деятельности высшей школы рыночных практик, сокращение цикла гуманитарных дисциплин, развитие «технонаук», соединяющих прикладные исследования и технологические инновации, и осознание необходимости формирования мультикультурной идентичности в процессе обучения.

Образование в определённой мере пытается снять эту противоречивость, ибо несёт на себе двойную нагрузку – межкультурной передачи культурных ценностей и мировидения и поддержания социальной стабильности в обществе. Хотя основная тенденция развития образования в процессе глобализации выражается в его интеграции в мировой рынок услуг. Большинство мер, направленных на полномасштабное включение образования как сферы бизнеса в сеть глобальных и местных экономических взаимосвязей и взаимозависимостей, подобны приёмам, характерным для экономики постиндустриального общества. Борьба за потребителя образовательной услуги происходит теперь именно в транснациональном

культурном пространстве. Ярким примером диалога европейской культуры с «глобальным контекстом» и призыва содействовать воспитанию у студентов и всех граждан чувства причастности к совместным ценностям и общему культурному пространству является Болонская декларация, когда воспроизводство локального и универсального предлагается решать через содержательное наполнение образовательных программ. Позитивному решению задач в этой сфере будут способствовать и пограничные науки – социолингвистика, лингвофилософия, философская компаративистика, социокультурные исследования и т.п.

Интернационализация и глобализация, интеграция культур различных народов требуют и объединения научно-образовательных ресурсов, мобильности и открытости образовательных систем, расширения культурного взаимодействия. Процесс глобализации интернациональных систем имеет и другую сторону: в таком образовании утрачивается элемент культурно-исторической идентичности, присущей каждому народу, тогда как для космополитической идентичности нет оснований – из-за отсутствия у всех народов «общего исторического опыта и культурной памяти». Образование в современном мире становится основным интегрирующим фактором и условием развития личности и всего мирового сообщества. Специфика личностно-ориентированного подхода в образовательных системах Запада и Востока становится всё больше личностно и интеркультурно ориентированной.

Интеркультурность и глобализация взаимосвязаны и от этих процессов мы взаимозависимы: это два способа или пути создания реального мира, определяющие наше видение настоящего и будущего нашей эпохи. Современную

глобализацию отличает не столько феномен межпространственной и межкультурной взаимосвязи, сколько широта охвата и интенсивность охвата пространств и людей различных наций и регионов. С другой стороны – это процессы универсализации, производства, потребления, досуга, заботы о здоровье, об образовании и т.д., т.е. всего того, что порождает сегодня процессы создания новой реальности, которые являются определяющими в контексте жизни и повседневности. Проводимая под неолиберальными знамёнами глобализация, будучи определённым проектом, несёт и определённый «дух», т.е. горизонт значений, из которых человеческое существо выводит понятие рынка, рыночной деятельности и прибыли, утверждая антропологию «контрактного субъекта» и тиранию жёсткого расписания.

Интеркультурность также носит характер процесса, конструирующего реальность, но отличную от той, что возникает в контексте неолиберализма. В чём суть интеркультурности? Вслед за Раулем Форнет-Бетакуртом можно перечислить её основные черты.³ Во-первых, интеркультурность – это ставка на постепенный процесс универсализации мира, требующий восстановления возраста мира и человека как восстановление памяти от неудобств навязывания определённой цивилизационной модели. Во-вторых, интеркультурность связывает возникновение реальности с повествованием культур, т.е. возможности реального определяются «мифами» и «легендами», в которых культуры повествуют о своих тайнах, предлагая сохранить то, что обосновывает смысл и распространяет равновесие. Основание равновесия коммуникации, как разносторонний диалог памяти культур человечества. В-третьих, интеркультурность может заявить о себе

той реальностью, которая отразит интеркультурную практику и появлением новой культуры интеркоммуникации, тесно связанной с другими культурами. В-четвёртых, постепенный процесс создания новой реальности, инициированной интеркультурностью, с необходимостью должен привести к реорганизации хозяйственно-политических и иных практик и пересмотру сегодняшних культурных соглашений между государствами и межправительственными организациями. Результат появления нового равновесного культурного мира – это справедливое отношение к культурным различиям, отстаивание всеобъемлющего интеркультурного сотрудничества. Интеркультурное в своём выражении и действии становится делом первостепенной важности для каждого культурного сообщества мира.

В соответствии со становлением интеркультурного сообщества становится и интеркультурное образование. Это образование даёт возможность приобщиться к культуре – глобальной, национальной, локальной, ориентироваться в современной жизни, требуя диалога философии и образования. Философская рефлексия, анализ совокупности методов, способов, методологии, лежащих в основе функционирования и развития теории образования, позволяет понять те требования, которые предъявляет время к образованию. Эта новая роль образования в цивилизационном процессе, учитывающая специфику самосознания личности в условиях трансформации ценностей, которые ставят на первое место не столько овладение суммой знаний, сколько понимание метода, методологии образовательного процесса. Все они должны содействовать развитию человека в культурной среде, которая не приветствует однозначных стандартов.

³ Raul Fornet-Betancourt. 1) *Filosofar para nuestro tiempo en clave intercultural*. – Aachen, 2004; 2) *Interculturalidad y Barbarie*. 11 Tesis provisionales para el mejoramiento de las teorías y practicas de la interculturalidad como alternative de otra humanidad // *Philosophica. Revista de cultura*. – 2006. № 27. – P. 17-34.

Интеркультурный процесс в образовании – процесс длительный. Часто страны, находясь на пограничье культур и цивилизаций, в данном процессе прибегают к тактике балансирования, транскультурной чувствительности по типу трикстеров, что даёт им определённое преимущество. В целом ряде регионов и городов Востока и Запада существует особый механизм взаимной адаптации, позволяющий сосуществовать культурной множественности, имеющей и свои образовательные системы. Корни языковой, религиозной, этнической и культурной толерантности глубоко проникли и в систему образования. Именно этот внутренний, транскультурный и интеркультурный, пограничный элемент, всегда открытый к диалогу с миром, может стать выходом из оппозиции интеркультурность / неолиберальная глобализация. Только в сознательной культивации в системе образования логики уважения к другой культуре, религии, языку, истории, логике диалога и справедливости, чьё наследие сохраняется и поныне, несмотря на исторические катаклизмы, лежат возможности интеркультурного диалога в будущем.

Транскультурация, как и интеркультурность, предполагает включение многих, а не одной культурной точки отсчёта, пересечение и обмен культур, особое состояние взаимодействия культур, которое осуществляется в области образования. Интеркультурные процессы в образовании не видят разницы между доминирующей и подавленной культурами, мало откликаются на языковые пристрастия, переосмысливают карикатурные экзотические образы и Востока, и Запада. Интеркультурность проявляется главным образом в сфере науки, техники, эстетики, искусства, литературы, музыки, театра, а вот на политическом и философском уровне часто

отдаётся предпочтение тупиковым моделям этнического национализма и фундаментализма, или слепому повторению западных дискурсов. Только в сфере образования интеркультурный диалог всех сфер бытия приобретает адекватную реализацию, ибо здесь систематическое единство образования уходит в атомы культурной жизни. Будем надеяться, что возможность глобального интеркультурного диалога будет реализована в скором будущем, поскольку культура представляет поприще для становления нового человека.

На что особенно обращают внимание создатели интеркультурной модели образования? Они акцентируют зависимость между образованием и формированием политической идентичности, в итоге либеральное государство посредством образования воспитывает, формирует нужного ей гражданина. Интеркультурное образование не приемлет монокультурного и моноценностного государства. Главное в стратегии образования – не просто дать студентам какую-то сумму фактов, неких абсолютных знаний, а позволить им научиться «быть собой». Это научение напрямую связано не только с овладением современным позитивным знанием, но и с необходимостью его соотношения с личным и общественным непосредственным опытом.

Не следует думать, что интеркультурная система образования является только неким конструктом. Эта плодотворная модель воплощается в Эквадорском университете, и воспроизводится, с некоторыми вариациями, в других концах света. Что же здесь принципиально нового? Эта программа движима идеей критического космополитизма, это модель образования, конечная цель которого воспроизводить одновременно со знанием и критическое понимание. Что достигается в этом случае? Ответ ясен: сбалансируются прин-

ципы эффективности и справедливости, развития и демократии, свободы и одновременно насилия, которое применяется нередко для защиты этой свободы. Другими словами, интеркультурная система образования актуализирует весь тот набор общих понятий, которые совершенно потеряли свой подлинный смысл и стали некими клише. Следовательно, критический вирус гуманитарных наук, отрицающий абсолютное знание, может спасти институт университета в XXI веке. Главное условие реализации проекта – это выход гуманитарных наук из под абсолютного влияния западно-европейской эпистемы и превращение их в пограничное критическое мышление, в котором все традиции равноправны и ни одна не является абсолютной точкой отсчёта или нормой.

Эпистемологический аспект интеркультуральности как практики – это противостояние геополитической гегемонии знания. Таким образом, интеркультуральность не сводима к культурной политике или политике идентичностей, характерной для западного мультикультурализма. Вместо этого она предлагает иные пути мышления и позиционирования с точки зрения колониального различия, необходимые для конструирования более справедливого мироустройства. Интеркультуральность ставит под сомнение социополитическую реальность (нео)колониализма, как она отражается в существующих моделях государства, демократии и нации, и предлагает свой вариант понимания демократии как антикапиталистической, антиколониалистической, антиимпериалистической и антисегрегационной, которая бы обеспечила возможно более полное участие коренных народов в принятии решений и осуществлении политической власти в плюринациональном государстве.

А.А. КОРОЛЬКОВ, доктор философских наук, профессор,
действительный член Российской академии образования
A. Korolkov, doctor of philosophical Sciences, Professor,
full member of the Russian Academy of education

Образование между культурой и цивилизацией Education between culture and civilization

Аннотация: Автор исследует противоречие – между цивилизацией и культурой, где, как во всяком противоречии, касающемся бытия человека, существенно – какая из сторон противоречия возвышается над другой. Поглотит ли цивилизация культуру или сама цивилизация будет подспорьем культурных целей человечества? Драма разрешения этого противоречия разыгрывается ныне на сцене всей системы нашего образования. Останется ли Россия народом собственной культуры, «симфонической личностью», или растворится в безликости – будет зависеть от отношения к собственной культуре, в том числе и нас, педагогов, ответственно или безответственно относящихся к судьбе культуры, переданной нам в дар и сбережение тысячелетней традицией.

Abstract: The author explores the conflict between civilization and culture, where, as in any conflict regarding human existence, essentially – which side of the controversy dominates the other. Will absorb whether civilization, culture, or civilization itself will help the cultural goals of humanity? Drama of resolving this conflict is played out now on stage the whole system of our education. Will Russia people's own culture, «Symphony personality», or will disappear in the anonymity – will depend on the relationship to their own culture, including us, teachers, responsibly or irresponsibly related to the fate of culture, given to us as a gift and saving thousands of years of tradition.

Ключевые слова: культура, цивилизация, образование, религия, народ, духовность, традиции, поколения, преемственность, милосердие, одухотворённость, государство, личность.

Keywords: culture, civilization, education, religion, people, spirituality, traditions, generations, continuity, charity, spirituality, state, personality.

К настоящему дню культура самоопределилась в трёх основных формах: народной, религиозной и светской. Народное творчество в наибольшей степени почвенно. С заменой и с вытеснением народных песен, танцев, музыки, ремёсел, художничества массовой «культурой» происходит угасание своеобразных наций, обезличивание в культуре, а тем самым их погибель. Народная культура – не низовая, она и есть та основа, которая позволяет расцвести усовершенствованным, профессиональным формам светской культуры (последнюю иногда и принимают за собственно культуру). Когда народная культура становится этнографией, сценой, музеем, когда теряется её живой пульс, то уже нет надежд на восхождение к высотам культуры. Народная культура либо живёт в народе, либо становится чем-то внешним для людей, – а это

симптом исчезновения культуры и народа (народ превращается в население, в нечто безродное, бездуховное и среднестатистическое). Оттого-то сверхзадачей сегодняшнего образования становится возвращение народной культуры в души детей, чтобы эта тысячелетняя, родная для многих поколений культура стала неотъемлемой от их личностного развития, чтобы они нашли живое единение с историей.

Образование всегда нацелено в будущее. Когда был запущен первый космический спутник в нашей стране, президент США той поры очень точно поставил диагноз: «Мы, американцы, проиграли на школьной парте». Технически оснащённая страна быстро наверстала упущенное, во всяком случае, за пару десятилетий, доказав тем самым свою цивилизационную мощь и ещё более укрепив иллюзию, что американцы во всех отношениях

занимают лидирующее положение в мире. Вообще-то лидерство пришло к спорту и политике, а культура имеет иные измерения и лексику. По-настоящему культурный американец поостережётся заявлять о своём лидерстве в сфере культуры, ибо он чувствует, что живёт в стране великой цивилизации, но ещё очень молодой культуры, и это чувство побуждает его осваивать плоды развитых культур Европы, России, Азии.

Интуиция подсказывает многим людям, не знакомым с сутью споров о культуре и цивилизации, что можно быть очень развитой цивилизацией и при этом не иметь собственного яркого лица культуры, тем более такое несоответствие явно обнаруживается в отдельных людях, обладателях цивилизационных достижений: они могут оказаться на обочине культуры, вне её, быть враждебны ей. Сами по себе компьютерные игры, пользование

бытовыми новинками, совершеннейшими средствами передвижения не делают обладателя цивилизационных благ приобщённым к миру культуры, не разжигают огонёк человечности.

С этим предощущением различия культуры и цивилизации напомним о классических попытках их развести, порой до степени антиномичности, подобной тезису и анти-тезису в логике. Вряд ли случайна корневая основа слова «культура», культ духовных ценностей всегда составлял основу основ культуры, и духовная сосредоточенность творила культуру. Отказ от мирского у религиозных подвижников самых далёких эпох был уже движением во благо культуры, а презрение к материальному процветанию, сказавшееся в жизни и восточных мудрецов, и многих греческих философов, и аскетов христианства, было первым свидетельством противоречия между культурой и цивилизацией. «Кто не довольствуется малым, тому ничто не будет достаточно». В этом утверждении, свойственном не только эпикуреизму, прочерчивается путь к более глубокому осознанию тщеты приобретательства и возрастания скорби от многознания.

Очеловечивание завершилось не в антропосоциогенезе, а в подлинном одухотворении, в прощании с языческим природным бытием, в осознании целей духовного строительства человека. Святоотеческий опыт учителей церкви, их предельное отвержение тщеты мира – это вечный урок для человечества возможностей духовной жизни. «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит» – этот евангельский завет стал путеводным для формирования всякой христианской души, стремлением приблизиться к Божию образу; в этом был скрыт сокровенный смысл образования как делания всей человеческой жизни. Вся из-

вестная от своих истоков культура Руси и её усвоение в семье, в труде, в школе преодолевала земное тяготение вещного мира и поднимала человека к небесному, идеальному, возвышенному.

То, что, начиная с XIV века, развивалась в Византии, а затем на Руси традиция монашеского сосредоточения на духовном мире, традиция исихазма означало новое понимание задач образования в обозначенном уже смысле слова. Самоценными становятся не внешние предметы, не деятельность по созданию чего-либо вне человека, задачи человека здесь сосредоточены в самом человеке, в построении храма души человека, в «умном делании сокровенного сердца человека», как выражались сами исихасты (исихия, напомним, означает молчание, тишину, покой). Такой молитвенный подвиг противоположен всякой вещной направленности жизни человека, и в этой поляризации жизненных целей скрыты те противоположности, которые позднее будут названы культурой и цивилизацией.

Монастыри на Руси были средоточием культуры и просвещения. Храмовое строительство, летописи, иконопись, музыка – все сферы культуры рождались в храмах, в монастырях, и духовная энергия, таившаяся в монахах, притягивала и просветляла всякого человека, независимо от его звания. Высокомерие нынешней образованности как раз ещё не пришло к осознанию того, что было естественным, бесспорным для самых образованных людей века девятнадцатого.

Известно, что, если в Византии спорили о необходимости книжной мудрости, на Руси всегда книга была высшим авторитетом для монаха. Не оттуда ли исходит почти генетическая тяга русских людей к книге, почитание книжников, тяга, пошатнувшаяся лишь в самое последнее время (будем надеяться, что временно)?!

Монашеский подвиг, казалось бы, удалён от мира и потому обречён на затерянность, безответность. На самом же деле монашество – это не атомарное существование (атомарно как раз часто живут в больших цивилизованных городах, пронизанных отчуждением и эгоизмом), а собирание в себе гигантских духовных сил, где призыв молитвы и служение обращены не к себе лично, а к небу и соборному братству. Всякий, кто бывает в православных монастырях, даже не пообщавшись с иноками, чувствует благодать монастыря, там думается по-другому, чем всюду. Монахи помогают духовно жаждущим людям развить их духовное дарование, совершенствоваться, приближаться к идеалу подвижничества, раскрыть заложенное в них потенциально Божественное начало.¹ «Духовный подвиг живущего вдали от мира киноита или анахорета, даже если он и останется для всех невидимым, имеет значение для всего мира», – отмечает выдающийся знаток восточного догматического богословия.²

Образование в России никогда не ограничивалось школой; средоточием культуры села ли, города ли были храмы. В северных наших землях высота культуры в значительной степени определялась храмовой и монастырской культурой. Атеистическое вероломство XX столетия не стёрло из памяти, из сердец такие Духовные очаги России, как Валаамский, Кирилло-Белозерский, Псково-Печорский монастыри, далёкую обитель в Соловках.

Культура, как её привыкли понимать, оказывалась в оппозиции к религии или, во всяком случае, религия и культура развивались параллельными путями, будто бы не замечая друг друга, не смешиваясь. Епископ Варнава приводит бесспорный вопрос-довод: «Христос жил в век самого блестящего развития греко-римской культуры,

¹ Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. – М., 1993. – С. 59.

² Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М., 1991. – С. 17.

но пользовался ли он её плодами и указывал ли своим последователям на необходимость сближения с нею и работы в пользу дальнейшего её развития?»³ Христос не мог указать на пользу языческой культуры и даже философской мудрости греков, ибо в этой культуре тешили самолюбие и гордыня человека при всех словесных уничтожениях типа «я знаю, что ничего не знаю» или «многознание уму не научает». Пифагор, Гераклит, Эмпедокл не зря уподобляли себя богам, поддерживали мнение о ниспосланности себя с божественного Олимпа. Разумеется, христианство противостояло всем вакхическим, аполлоновским и прометеевским устремлениям античности.

Религия – это вершина, сущностное средоточие и отличительный признак подлинности в культуре, ибо только духовное восхождение приближает писателя, художника, музыканта к вратам Культуры. Если душой человека водителем является религиозный поиск, то кем бы он ни был по своему занятию – он творит, сообразуясь с совершенством, стремясь к божественному идеалу. Культура, созданная топором строителей храмов, кистью иконописца, пером Ф.М. Достоевского, вдохновенными звуками Всеночной Рахманинова или будто сошедшими с небес стареющему Свиридову литургическими песнопениями, – это Культура, идущая от Бога. Не веру приспособлять надо к зверинцу, равно как бессмысленно переписывать на современный лад для наркоманов и металлистов Баха, Пушкина, Достоевского. Лучше всмотреться в себя, в эпоху, взглянуть из бездны нашего падения туда, где ещё живы и звёзды, и небесная синь. В хрестоматийном описании греческой философии сказано, что как-то Фалес засмотрелся на звёзды и свалился в яму: люди хохотали над незадачливым

мыслителем, не подозревая, что сами они не могут упасть в яму, оттого что всегда находятся в ней и не способны поднять взор к небу.

Верование, обретенное народом при его духовном рождении, незаменимо, как незаменимы родители в индивидуальной жизни человека. Племя еретиков, богоборцев, нигилистов, атеистов, обновленцев всегда топтало веру, но это племя, по-разному именуемое, одинаково противостояло свету, добру, милосердию, одинаково отрицало отцов и их веру. Народ назвал такое племя попроче и поточнее: чертями, бесами, оборотнями. Личность, как подметил отец П. Флоренский, тянется либо к Лику, либо к личине. Человеческое лицо просветляется стремлением к высшим идеалам, к Божественному лику и затемняется, обретает гримасы личины в погоне за тщеславными обличьями.

Многим нашим чиновникам от образования, да подчас и деятельным учителям, трудно принять историческую истину образовательной практики, связанной с монашествами и в целом с религией. Слова об автономии церкви и государства действуют столь магически, что утрачивается живое видение реального развития культуры в нашей отечественной истории.

Вернёмся, тем не менее, к европейской философской мысли, которая, как принято думать, первой осознала нетождественность цивилизационных и культурных устремлений человечества.

А.В. Гулыга, германист по образованию, долгое время текстологически и содержательно занимаясь немецкой классической философией, обнаружил, что И. Кант в довольно явной форме открыл различие форм культуры и цивилизации⁴, правда, это различие он определяет в смысловом отношении, называя и то и Другое культурой. Внешний, технический тип культуры он называл цивили-

зацией. По-видимому, Кант, много занимаясь чистыми формами рас-судка и формализмами математического знания, чувствовал, насколько отличаются устремления формальных и творческих занятий, хотя сам он в анализе науки не изменил немецкой рассудочности и был убеждён, что в каждой науке столько истины, сколько математики. При анализе чистых форм мышления, категорий он строил формальную таблицу категорий, в коей нет ещё продуманных принципов её целостности, но при исследовании собственно культуры он показал, в отличие от предшественников в эстетике, что природа (органика, натура) не только противоположна культуре, но имеет с ней глубинное родство. Культура тоже живёт, развивается, обладает свойствами органической системы. Кант подмечал: «При виде произведения искусства надо сознавать, что это искусство, а не природа, но, тем не менее, целесообразность в форме этого произведения должна казаться столь свободной от всякой принудительности произвольных правил, как если бы оно было продуктом одной только природы»⁵.

Органические системы культуры Кант не сводит только к произведениям искусства, такую же органику находит он в нации и государстве, отвергая тем самым механическое видение этих систем, проявившееся позднее у диалектика Ленина (государство есть машина для подавления одного класса другим), и предвосхищая глубину нации как симфонической личности, раскрытой в русской философии (Л.П. Карсавин, Н.С. Трубецкой). Трактативка государства как явления культуры раскрывала глубокий его традиционализм, и в этом Кант оказывается почвенником, глубинно враждебным всякого рода нигилистам и революционерам, обличающим чудовищность, левиафанство

³ Епископ Варнава. Православие. – Коломна, 1993. – С. 143.

⁴ Гулыга А.В. Кант сегодня // Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980.

⁵ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 5. – М., 1965. – С. 321.

государства. Государство хранит культуру нравов, правовых норм, общественных порядков, учит преодолевать противоречия личности и общества; враждебность государства человеку случается, гармония недостижима ни в какой органической системе, тем не менее условием жизни системы всегда был и останется поиск цветения системы, ибо обострение противоречий внутри её грозит самому существованию государства как системы. Эгоизм себялюбия личностей, иллюзия самодостаточности индивидуального бытия отравляют организм общего бытия в государстве, ускоряют гибель последнего.

Ещё более проявилось кантовское предугадывание антиномии культуры и цивилизации в его взгляде на нацию как органическую систему. Нация гибнет, если превращается в механический конгломерат индивидов, не объединённых традицией, органикой культуры, красотой своего неповторимого лица. Не все, живущие в государстве, составляют и представляют нацию, порой и субъективно люди не чувствуют своей неотделимости от нации, они сосуществуют с ней или лишь по формальным признакам причислены, приписаны к ней. Кант опять-таки острым зрением философа увидел, что нацию образуют те люди, которые связаны общностью происхождения, культурных традиций, объединены в гражданское целое. Вряд ли это определение нации удовлетворит дотошного исследователя, но нельзя не видеть, что Кант оставляет за пределами нации как целостности чернь, сброд. Ныне зияет пропасть между нацией и населением, ибо утрата культурного своеобразия втягивает огромные массы в безнациональное пребывание, утрачивающее преемственность культуры, сущностную духовность, без которой нет нации, остаётся существование безродных, безнациональных индивидов, предполагающих, что они – граждане мира,

свободные (от чего? – от отцов, от своей истории, от породившей их культуры, отвергнутой ими) «личности», в действительности же не могущие называться личностями, ибо точка роста личности – это национальное самосознание и творчество (сравните с точки зрения богатства личности национальное лицо Достоевского, Баха, Рублева и безнациональную физиономию любого авангардиста в литературе ли, в музыке ли, в живописи ли). Есть дух нации, как и дух отдельной личности: коль утрачивается дух, то прекращается жизнь нации: неодолимое тело не может сохранить человечность, а тем более отпечаток божественности. Ещё Кант подметил, что ассимиляция племён, народов «мало полезна человеческому роду»⁶.

Более явную дифференциацию культуры и цивилизации находим мы у русских писателей и мыслителей XIX столетия. В художественных образах и размышлениях это выразилось у Достоевского, Толстого, Лескова, у славянофилов, но наиболее определённо – у Константина Леонтьева. Культуру К. Леонтьев связывал прежде всего с национальным своеобразием, потому размытие этого своеобразия означает размытие культуры. Обезличенность жизни, осуществляемая под флагами научно-технического прогресса, вхождения в мировую цивилизацию, ведёт к унифицированной культуре, которую уже нельзя называть культурой, хотя, заметим, в наше время принято говорить о массовой культуре, о субкультурах, не вырастающих из национальных традиций.

Однажды по радио рассуждал о традиции один из участников импровизирующей музыкальной группы, и, порассказав о том, что музыка у них рождается сама собой из сочетания несовместимых прежде инструментов, он заявил: «Мы создаём новую традицию». Ни больше, ни меньше. Экспери-

ментаторство разом превратилось в традицию! Так возникает полнейшая аморфность понятий. Что такое авангардизм, если всякий экспериментатор, не опирающийся на прошлое, объявляет о рождении «новой традиции», не замечая, что само по себе это словосочетание похоже на жёлтый логарифм. Происходит переименование всех смыслов, коль традиция – это не предание, не то, что переходит от поколения к поколению, как это выглядело в толковом словаре В. Даля, а скроенное нечто сегодняшними импровизаторами.

Обособление понятий культуры и цивилизации тем не менее принято связывать с книгой Освальда Шпенглера «Закат Европы», увидевшей свет в 1918 году, ибо в Европе не читали русских мыслителей, даже тех, которые писали о Западе и могли бы предупредить о бедах, грозящих Европе. Надо сказать, что, в отличие от книг цивилизационных (научно-технических), и поныне кругозор европейских и особенно американских образованных людей ограничивается двумя-пятью русскими писателями: Достоевским, Пушкиным, Толстым, Пастернаком, Солженицыным. Хотя русские изгнанники, попавшие во многие страны мира, неустанно писали о русской культуре, в том числе о наших мыслителях, слышали их немногие. Естественно, только специалисты в малотиражных изданиях могли упомянуть об идеях Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, А.С. Хомякова, предостерегавших ещё в середине XIX столетия и Россию, и Запад от цивилизационного наркоза; эти мыслители воспринимались как ретрограды, реакционеры даже, ибо их ужаснула бездумность прогресса, обрушившегося лавиной на национальные культуры. Не в приоритетах дело, а в нашей способности услышать вовремя подлинный социально-культурный прогноз.

Что же обнаруживаем мы в книге Шпенглера, сыгравшей вы-

⁶ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. – М., 1965. – С. 573.

дающуюся роль уже тем, что о ней говорили во всех цивилизованных странах, подразумевая хотя бы смысл двух слов – «Закат Европы» или, как прежде переводили заголовок этой книги, «Гибель Запада»? Шпенглер, как многие наши славянофилы и почвенники, обнаружил пропасть между крестьянином, носителем традиций, а тем самым – культуры, и «цивилизованным столичным мозгляком». Кстати сказать, крестьянин обладает подлинно свободным сознанием, ибо он с детства не замкнут пространством городского двора и в работе он не подчинён конвейеру промышленности, а сам, более свободно, планирует каждый день, совершает больше свободных действий, больше открыт природе, делам, органике ценностей.

Цивилизация, при кажущемся движении вперёд, отбрасывает человечество далеко назад в главном, чем и могло оно возвыситься в мире, – в культуре. «Вместо являющегося многообразия форм сросшегося с землёй человека – новый кочевник, паразит, обитатель большого города, оторванный от традиций, возникающий в бесформенно флюктуирующей массе фактов, иррелигиозный, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокой антипатии к крестьянству (и его высшей форме – поместному дворянству), следовательно, чудовищный шаг к неорганическому, к концу»⁷. Причём Шпенглер, обладая широкими историческими познаниями, показывает, что истребление городом деревни, этот снобизм горожан – не сегодняшнее явление. Рим погибал тоже под улюлюканье пресыщенных цивилизационными утехами горожан.

Далее Шпенглер дополняет образ цивилизации почти публицистическими красками: «Мировой город означает космополитизм вместо «отчизны», холодный практический смысл вместо благоговения перед преданием и старшин-

ством, научную иррелигиозность... Деньги как неорганическая, абстрактная величина, оторванная от всех связей со смыслом плодородной почвы, с ценностями исходного жизненного уклада...»⁸ Такое впечатление, что продолжить цитату мог бы современный русский писатель, мыслитель, гражданин, ответственно всматривающийся в гибельные процессы раскола поколений, ловко обоснованного социологами рассуждениями о «субкультурах», особенно молодёжной субкультуре, которая с подобными научными подпорками укрепляется в своём превосходстве над культурой отцов и всех прошедших поколений, то есть прощается с культурной традицией, провозглашая сезонных кумиров «субкультуры». Без всяких манифестов каждодневно журналистика, телевидение «сбрасывают с парохода современности» культуру, вызревшую в народе столетиями.

Не спасает даже инстинкт самосохранения, ибо сегодняшний юноша, отказавшийся от духовных ценностей родителей, естественным образом получит через два-три десятка лет адекватный ответ от своих детей. Культура во всех её формах – народная, религиозная, профессиональная – перетекала из поколения в поколение живой водой традиции и творчества: дети и молодые люди пели песни вместе со старшими, усваивали их мастерство и обычаи, пока не возвысились над всеми поколениями цивилизованные субкультурные антропиды во главе с теоретизирующими о субкультурах социологами, культурологами и педагогами. Всмотритесь в «субкультуру» рок-исполнителей: как многие, не говоря уж о наркотической пустоте глаз, своими механическими, рублеными движениями, неинтонированным голосом напоминают роботов; обездушенность цивилизационного сообщества сказывается и в бесконечных сериалах

о межпланетных войнах, о любви роботов или с роботами, в унифицированных книжках-боевиках, «классных» и «прикольных» развлечений.

Цивилизация превращает народ в население, то есть в демографическую, исчисляемую статистикой массу, которую прежде именовали чернью, сбродом, стадом, быдлом, но разница в том, что цивилизованное население, лишённое корней, плодородной почвы, свойственных народу, мнит себя венцом человеческого прогресса, неосознанно прикрыв своё дикарство, варварство побрякушками цивилизации. Цивилизованный человек внешне подчас выглядит вполне культурным человеком, он носит галстук, модный костюм, он имеет кажимость развитого человека, но куда устремлена его душа, что стало с его душой, наполнена ли она борениями и огнём, откликающимися на призывы к совершенству, к тому, что составляло цели осмысленной, а не утробной жизни? Раскол поколений в революциях не случайно тянул за собой все остальные производные революции, ибо культура всегда консервативна, она стремится к органической преемственности. Культура, столкнувшись с всесилием цивилизации, повисает в пустоте, у неё нет опоры, она более никому не нужна. Наступает невменяемость культуры. Цивилизация держит Человека в машинной жёсткости, давая разнузданность физиологизму, которую и принимают за свободу не только неокрепшие в культурной почве юные люди, но и пожившие на свете старички; культура тоже деспотична в стремлении к расцвету органики человеческой жизни, культура требует огромной дисциплины, организованности, сосредоточенности, и это становится условием и основой огромной духовной свободы.

Культуре трудно устоять перед бесчувственным натиском цивили-

⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М., 1993. – С. 165.

⁸ Там же. С. 166.

лизации даже в условиях благополучного эволюционного движения страны, но Россия весь XX век сотрясается революциями, радикальными реформами, войнами. «Поклонение революции есть предельная и острая форма смертообожения. Революция есть насильственный обрыв культуры», – печально подводил итоги начала века В.Н. Ильин⁹, не подозревая, что на этом не завершилось прицельное и повсеместное (наподобие недавно изобретённого коврового бомбометания) истребление культуры. Физическое насилие – самый примитивный способ уничтожения чего-либо, а тем более культуры: она – внутреннее качество народа и способна сохраниться даже в случаях расправы над народом. Россия обладала столь мощной корневой системой культуры, что революции, при всём их репрессивном рвении, загубили ветви, поросль, часть корней, но не смогли иссушить само древо культуры.

Последняя радикальная революция, провозгласившая переход от тоталитаризма однопартийной

системы к плюрализму и свободе, сторонится прямых репрессий, но своим «всё дозволено» метит в самое сердце культуры, в её духовное средоточие, ибо Бог умирает в людях не тогда, когда их убивают физически, а когда расстлание разума и чувств самопроизвольно выталкивает из человека святое и светлое.

А как же великие ценности цивилизации? Ведь цивилизация принесла человеку освобождение от тяжких форм физического труда, создала комфорт, коммуникации, расширила возможности информации! Всё это так, и нелепо оспаривать обретения научно-технической цивилизации, хотя столь же очевидны и многочисленные противоречия цивилизационного процесса – от экологических до информационных, поскольку используются новинки техники весьма изобретательно против человека и человечества. Меня интересует в данном случае другое противоречие – между цивилизацией и культурой, где, как во всяком противоречии, касающемся бытия человека, суще-

ственно – какая из сторон противоречия возвышается над другой. Поглотит ли цивилизация культуру или сама цивилизация будет подспорьем культурных целей человечества? Драма разрешения этого противоречия разыгрывается ныне на сцене всей системы нашего образования. Останется ли Россия народом собственной культуры, «симфонической личностью», или растворится в безликости – будет зависеть от отношения к собственной культуре, в том числе и нас, педагогов, ответственно или безответственно относящихся к судьбе культуры, переданной нам в дар и сбережение тысячелетней традицией. Личность интересна другим людям своей неповторимостью, своим лицом, характером, талантом; симфоническая личность, то есть народ, тоже имеет значение для других народов своим, а не заёмным обликом, своей культурой. Поддадимся ли распутству цивилизационных соблазнов, или достойно уберём лицо культуры – это не абстрактный вопрос в никуда, а вопрос каждому из нас.

⁹ Ильин В.Н. Религия революции и гибель культуры. – Париж, 1987. – С. 135.

М.А. СОЛОВЬЁВА, аспирант Санкт-Петербургской академии
постдипломного педагогического образования

M. Solovieva, graduate of the St. Petersburg Academy postgraduate pedagogical education

Преображённый человек – образовательный идеал православной цивилизации

The transformed man – educational ideal Orthodox civilization

Аннотация: В статье раскрывается понятие образовательный идеал православной цивилизации, для достижения которого на территории Византии сложилась образовательная система. Эта система осуществляла не только дисциплинарное образование, но и создала институты, способные осуществлять внутреннее образование, обеспечивающие воспроизводство образовательного идеала. Византия оказала большое влияние на формирование образовательной системы Древней Руси, так как был воспринят образовательный идеал – преобразованный человек и модель образовательной системы, осуществляющая его достижение.

Abstract: In this article the educational ideal of the orthodox civilization opens. There was the educational system formed on the territory of the Byzantine Empire for achievement of this ideal. This system realized not only disciplinary education. It created institutes, that capable of realizing of internal education, that ensures reproduction of the educational ideal. The Byzantine Empire exerted influence on the shaping of educational system of the Old Russia, because the educational ideal was apprehend – the changed man and model of educational system, that realize achievement of this ideal.

Ключевые слова: образовательный идеал, образовательная система культуры, «внутреннее» образование, «внешнее» образование.

Key words: educational ideal, educational system of culture, «outward» education, «inner» education.

Образовательный идеал – общее представление о личностных качествах человека, обеспечивающих устойчивость наиболее ценных элементов культуры. Образовательный идеал как складывающийся в обществе образ оптимальных результатов образовательного процесса выполняет регулятивные функции, являясь не столько моделью, сколько указателем направления к цели. Он играет роль общего ценностного ориентира для всех участников образовательного процесса. Образовательный идеал, так или иначе, неразрывно связан с идеалом личности, выполняющим роль явного или неявного регулятора социокультурных отношений. Э. Дюркгейм называет его «нормативным идеалом» и подчёркивает его опосредующую функцию в осуществлении связи в системе «общественные потребности – образование».

На основе образовательного идеала складывается парадигма образования как способ деятельности конкретного педагогического сообщества в конкретную эпоху. В её рамках через концепции образования, принципы, подходы к формированию его содержания и способов организации, представления о желательных результатах складываются различные образовательные модели – мыслительные конструкции, схематично отображающие образовательный процесс и функции его участников. Образовательный идеал отражает состояние общества, в той или иной мере способствует его дальнейшей динамике. [6]

В рамках парадигмы формируется образовательная система – совокупность элементов, находящихся в связях и отношениях друг с другом, которая обеспечивает возможность осуществления образовательного процесса

и характеризующаяся наличием системообразующего фактора, потенциалом и результативностью функционирования. Элементы этой системы складываются под влиянием образовательного идеала как системообразующего фактора и под влиянием созданной данной цивилизацией культуры.

Образовательная система культуры православной цивилизации организуется на основе культурно-образовательных процессов, происходящих при переходе от античности к христианству. Этот процесс находит отражение в трудах Святых Отцов Церкви: Василия Великого, Макария Египетского, Исаака Сирина и др., которые сами были участниками и вершителями происходящих изменений. Происходит смена образовательного идеала на смену идеалу, включающему такие качества, как добродетельный человек, гражданин, мудрец, теперь приходит идеал

преображённого человека. Переосмысливается проблема устройства «внутреннего человека» и возникает новая сфера в образовании. Работа над внутренним миром становится наиболее важной, и главная перспектива христианского общества связывается с развитием «внутреннего» образования.

В культуре православной цивилизации человек это творение Божие, и поэтому образ человека в ней складывался не только из наблюдения за жизнью, взятой во всех её аспектах, но и из богословских представлений о сущности Бога и Его взаимоотношений с человеком и миром. Эти представления берут начало в Божественном Откровении. Человек стремился раскрыть в себе образ Бога, стать подобием Того, Кто есть истина и суть этого мира, достичь обожения (teosis).

Уже во II веке существует образовательный идеал православной общности и указываются пути его достижения (методы). Христианский апологет св. Феофил Антиохийский говорит о необходимости и возможности Богопознания: «Для созерцания Бога надо очистить зрение души от злых дел. Душа человека должна быть чиста, как блестящее зеркало. Надо исследовать самого себя и очиститься. Всем тем, кто подвержены грехам и порокам, Бог не является».

Воплощением Слова совершается наше обожение (teosis). Св. Афанасий произносит свою классическую формулу – «Слово воочеловечилось, чтобы мы обожились». Эта мысль стала излюбленной для восточного богословского сознания. Она определила всю антропологию Православия.

Григорий Богослов (IV в.) говорит о человеке: «Если будешь низко думать о себе, то напомним тебе, что ты – Христова тварь, Христово дыхание, Христова честная часть, а потому вместе и небесный, и земной, приснопамятное творение. Ты – созданный Бог, через Христовы страдания идущий в нетленную славу». (1, с. 152).

Преп. Макарий Египетский (IV в.) обожение (teosis) понимает не в смысле какого-либо одностороннего человеческого нравственного катарсиса, а как реальное прославление всей психофизической сущности человека, просвещение его Божеством. Преображение – это «христианское событие», акт космического значения. На пути земного подвига совершается воскресение души, а в день суда будет воскресение тела. Для этого надо тело «сотворить жертвенником Божиим». «Душа должна быть ещё здесь жилищем Иисуса Христа, почему христиане, если и искушаются извне, то изнутри полны Божества. Это приближение к Богу не бывает без трудов и подвигов. Душа и тело ещё на земле становятся «домом Божиим» (там же, с. 223).

Но, анализируя человека в его эмпирической данности, св. Исаак Сирий (VI в.) находит, что его органы больны. Зло (лукавство) – это болезнь, поразившая душу. Зло имеет свои органы чувств, это страсти, а «страсти суть болезнь души». Зло и страсти не принадлежат природе души; они – нанос и неестественный прирост души. Больная душа, больной ум, больное сердце, больная воля, – одним словом, больные органы познания могут порождать, создавать, производить лишь больные мысли, больные чувства, больные желания, больное познание. (2, с. 19–20)

Св. Исаак ставит ясный диагноз; но ему точно известно и врачевание, которое он предписывает решительно и со всей убедительностью. Поскольку страсти – болезнь души, то и выздоровление души достигается путём очищения от страстей, от лукавства. Добродетель – это здоровье души, тогда как страсти – это душевный недуг. Добродетели – это средство врачевания, которое постепенно вытесняет болезнь из души, из органов познания; этот процесс протекает медленно и требует много усердия и терпения.

Личность Богочеловека Христа представляет Собой идеальный образец человеческой личности. Богочеловеческий синергизм является существенным отличием деятельности христианина в мире. Здесь человек содействует Богу, и Бог содействует человеку (ср. 1 Кор., 3.9). Действуя в себе самом и вокруг себя, христианин вносит в подвиги всю свою личность, но делает он это и может делать успешно лишь при непрестанном содействии Божественной силы – благодати. Здесь человек представляет волю, а Бог дарует благодать; из их совместного содействия вырабатывается христианская личность.

На долгом пути очищения и исцеления себя от страстей и самой познание становится всё чище и здравомысленнее. Чистое сердце и чистый ум производят чистое познание. Обращённые к Богу исцелённые органы познания способны к чистому и здоровому богопознанию; а обращённые к твари, они дают чистое и здоровое знание о твари.

Убеждённости в высоком предназначении человека подчёркивалась тем, что создан он был «по образу и подобию Божию». Эта мысль была стержнем образовательного идеала, постепенно сложившегося и в древнерусской культуре. Этот образ не всегда соответствовал реальности в современном понимании, чаще всего он отражал некую высшую реальность. Идеальный человек, сходя со страниц книг и икон, формировал вокруг себя идеальный мир.

Огромный материал, чрезвычайно важный для понимания механизмов формирования образа человека в культуре Др. Руси, даёт житийная литература. При всей «стандартности» описания святых, что подчёркивалось В.О. Ключевским и И.П. Ерёминым, изучение «идеальных» произведений важно для любого исторического исследования, поскольку, как доказали современные историки, и в частности Й. Хейзинга, для изучения

культуры эпохи сама иллюзия, в которой пребывали люди, имеет ценность истины. Интерес большинства современных исследователей агиографии привлекает центральная онтологическая и моральная категория святости.

В.О. Ключевский отмечал, что жития разочаровали его, поскольку «Житие... берёт из индивидуальной жизни только то, что подходит под общий тип, то есть в чём непосредственно отразился общий христианский идеал. Житие относится к исторической биографии так, как иконописное изображение к портрету» (соч., т. 6. – М., 1959. – С. 73). По сути, Жития являются нам реализованный образовательный идеал восточно-христианской культуры. [7]

Древнерусские мыслители, так же как и Отцы Церкви, осмысливают механизмы, способствующие достижению идеала. По мнению Никифора Грека (XII в.), для поддержания телесного единства, в основе которого лежат принципы гармонии и иерархии, необходим регулятор телесно-духовных отношений. В качестве него выступает пост. Исаак Сирийский писал: «Спаситель постом начал дело устроения нашего спасения, до поста род человеческий не знал победы, и диавол никогда не испытывал поражение от нашего естества... Кто пребывает в нём, у того ум непоколебим и готов встретить и отразить все лютые страсти». Никифор, решая вопрос о телесной природе человека, рассматривает тело как орган души. Из этого положения следуют этические и психофизиологические выводы. Во-первых, тело послушно душе, во-вторых, все органы тела являются органами душевной деятельности, и о них необходимо помнить и подчинять их себе с помощью поста.

Кирилл Туровский целью учения считает «трезвение» души, установление душевной чистоты, которая является необходимым условием развития умственных и нравственных способностей. Их развитие – условие становления

человека, цель которого – познание божественного.

В «Предисловии» к «Уставу» Нил Сорский указывает, что цель монашеского служения, а значит и смысл жизни человека вообще, «обожение». Основой учения было представление о том, что человеческий ум – образ Божий, но восстановлению разрозненных душевных частей мешают «страсти». Поэтому аскетам для того, чтобы восстановить разум «истинный», необходимо практиковать «усмирение страстей».

С первых строчек предисловия к «Уставу» очевидны антропологические взгляды Нила Сорского, его стремление к целостному видению человека. Нил считает человека в его современном («падшем») состоянии не вполне человеком, и «истинным» человеком для старца является Адам до того, как он «вкусил» с древа познания добра и зла. После изгнания Адама и Евы из рая произошло «слияние» человека и «видимого мира». Их сблизил телесность и рабство. Доминантой нового существования, определяющей всю жизнь людей, становится плоть, но это существование – иллюзия, ведь плоть – лишь покров на теле души. Удел плоти – смерть и тлен. Но духовное преображение должно дополняться телесным. Условием гармоничного существования должно быть не насилие духа над телом, а их союз. Нил пишет, что «телесное упражнение – только лист, внутреннее же плод... Кто молится только устами, не заботясь об уме, тот воздухом молится: Бог внимает уму (см. Кор. 14; 14, 15, 19)... без внутреннего напрасно трудится во внешнем». [7]

Мы видим, что и византийские и древнерусские мыслители за идеал и объект подражания принимают Богочеловека Христа, и образование призвано содействовать богопознанию и уподоблению Христу. Но православная антропология говорит о том, что этому уподоблению (обожению) мешает повреждённая после гре-

хопадения природа человека. Образовательный идеал – преобразованный человек – может быть достигнут, если будет преодолено это повреждение, и цели христианского образования не столько нравственные, сколько онтологические. Основным институтом образования становится Церковь, создавшая свои просвещающие стратегии: таинства, наставничество, книжная культура, взаимодействие в общине, эстетические методы, аскетические практики, уклад жизни, монастырский устав. В Церкви, уже в раннехристианской общине, были заложены главные структурные элементы образовательной системы культуры православной цивилизации: догматика (Св. Писание), этика (жизнь по заповедям) и мистика (Таинства – Богообщение). С течением времени воцерковлялись старые институты – семья, община; в IV веке появился такой институт, как монастырь с его аскетическими и мистическими практиками, сформировался институт старчества. Постепенно воцерковлялось такое достояние античности, как институциональное образование, и вместе с этим постоянно существовала традиция литургического образования, формировавшая и совершенствовавшая ритуал богослужения, гимнографию, церковное пение, иконографию, храмостроительство, развивая эстетический аспект образования. К IX веку, началу славянской миссии, Византия обладала всей полнотой образования, сформировалась образовательная система православной цивилизации.

Стратегии внутреннего образования в Византии исследуют Иоанн (Мейендорф) и С. Хоружий, Иустин (Попович), Киприан (Керн) и др. Одним из исследователей духовности Др. Руси был Г.П. Федотов. Его исследования показали целостное мировидение допетровской эпохи, он положил начало новому направлению – исследованию религиозной и ценностной модели мира.

Опираясь на исследования этих и других авторов, а также на работу М.А. Новосёлова «Догмат и мистика в Православии, Католичестве и Протестантстве», в которой он описывает особенности внутреннего образования [5], мы попытались создать модель образовательной системы культуры Византии, опираясь на современные исследования в области образовательных систем (Лебедев О.Е., Данилюк, Борисенко и др.). Модель включает в себя типологические черты восточно-христианской образовательной системы, что позволяет нам применить её при изучении образования Древней Руси.

С момента своего становления Христианская традиция разводит «внешнего» и «внутреннего» человека и образование разделяется на «внешнее» и «внутреннее» (рис. 1).

«Внешнее» образование, в основе своей дисциплинарное, направлено на социализацию человека, на формирование гражданина общества. «Внутреннее образование» способствует устройству внутренней жизни человека: мировоззрение, ценностные ориентации, духовный опыт.

«Внутреннее образование» состоит из трёх элементов: когнитивно-волевого (догматического), этического, духовного (мистического).

Когнитивно-волевой элемент предполагает осмысление взаимоотношений божественного и человеческого миров, является всеобщей формой описания опыта духовной жизни. Но это осмысление не абстрактное, а предполагающее деятельное осуществление – жизнь по заповедям, то есть переход к этическому элементу, осуществление «стратегии жизнестроительства». Духовный элемент предполагает богообщение: молитва, аскетические практики.

Все эти три элемента должны осуществляться в гармонии, если какая-либо из них начинает доминировать или исчезает, нарушается гармоническая целостность образования. Однако существует

иерархия «внешнего» и «внутреннего» образования. Задачи «внешнего» образования всегда приводились в соответствие со смыслами образования «внутреннего».

И «внешнее» и «внутреннее» образование в Византии подчинены одной главной цели – богопознание (teosis). Только дисциплинарное образование осуществляет богопознание через изучение творения: окружающего мира, его устройства и места в нём человека; а «внутреннее» образование осуществляет богопознание через исполнение заповедей, очищение сердца, открытие в себе Образа Божия. Человеку даны две книги для познания: одна книга природы, другая книга – Библия.

Описанная нами система содержит сущностные характеристики образования. Её структуру составляют такие элементы, как дисциплинарный, когнитивно-волевой, этический и духовный. Гармоничное единство внутри триады «внутреннего» образования дополняется приоритетом «внутреннего» образования над «внешним». Наблюдается некоторая преемственность: от дисциплинарного, через когнитивно-волевой и этический, к духовному. Однако это не жёстко закреплённый путь и, как мы видим из житий святых, к достижению идеала у них были разные пути. Системообразующим фактором является образовательный идеал – преображённый человек. Что касается потенциала системы, то, если говорить современным языком, она имела возможность осуществлять консолидацию общества на основе освоения общих ценностей и способствовать самоопределению личности. Подтверждение результативности этой образовательной системы мы имеем в лице святых, прославленных Православной Церковью, т.е. в лице людей, которые смогли достичь образовательного идеала общества.

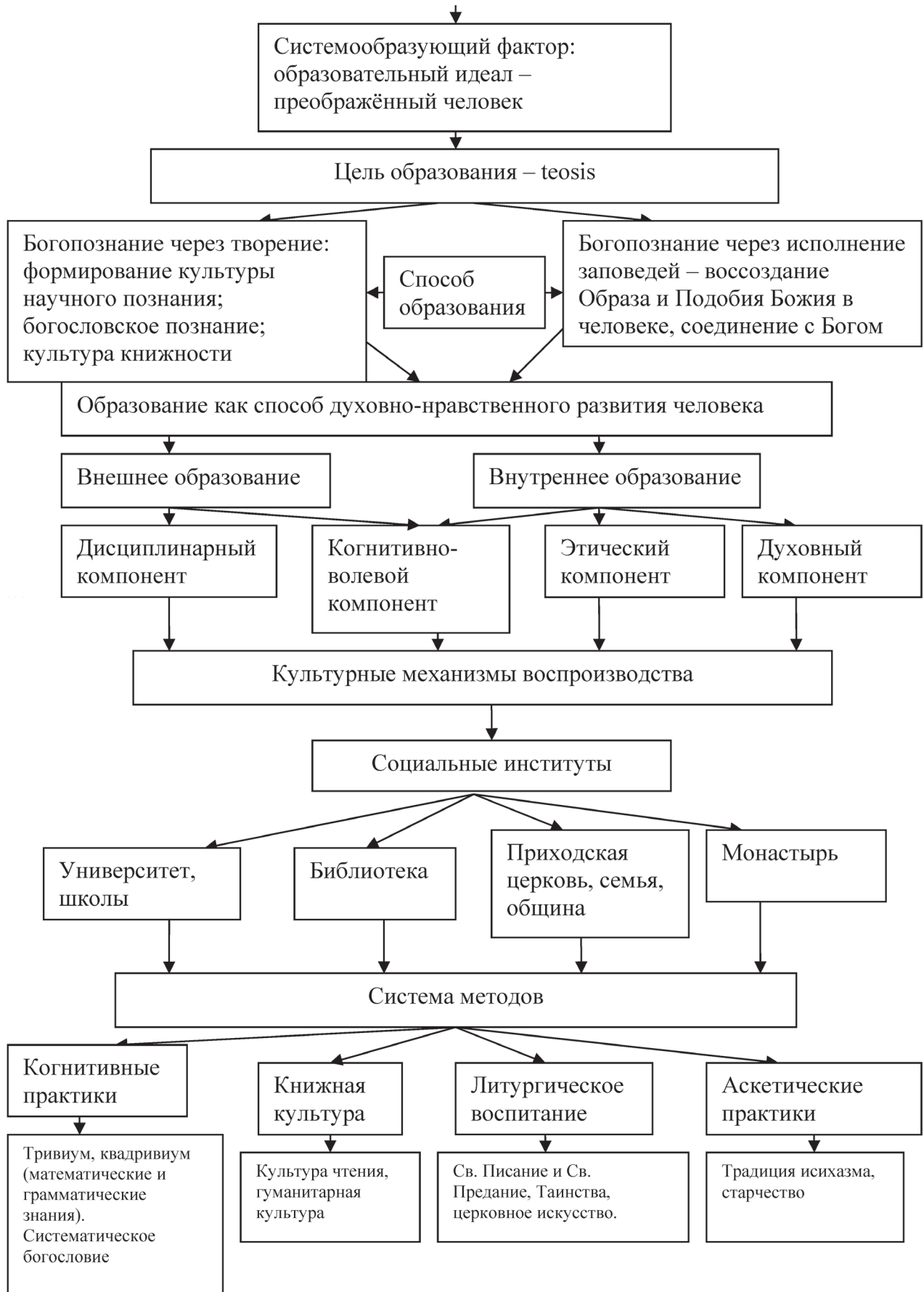
Образовательная система культуры православной цивилизации почти полностью сохраняет

структуру античного образования с её институтами и методами (университет, школа, семья, община, библиотека), и создаёт новые (церковь, монастырь) на новых онтологических и антропологических основаниях. Появляются новые методы, созданные литургическим воспитанием и аскетическими практиками, которые и обеспечивают воспроизводство типа личности, присущего православной цивилизации

Др. Русь, воспринявшая культуру православной цивилизации от Византии, модель образования в полном объёме не воссоздала. Опираясь на исследования Голубинского, Лавровского, Кошелевой, мы можем предположить, что изначально школы дисциплинарного образования были созданы на Руси по инициативе князей и поставляемых на Русь митрополитов. Но не было сформировано устойчивых механизмов возобновления школьного образования, не было привычки к учению у молодого народа. Однако стремление к познанию окружающего мира и к книжному учению привилось, была необходимость в грамотном клире для осуществления богослужбной деятельности, и дисциплинарное образование заменили школы грамоты, мастера грамоты, начётничество. Уровень грамотности сохранялся высоким. Школу заменила книга. Дисциплинарное образование было поглощено личным наставничеством и включённостью в логику деятельности. Сложилась укладно-сословная образованность.

Что касается триады «внутреннего» образования, то она была воспринята полностью, но самой близкой, понятной и востребованной оказалась этическая составляющая, об этом мы можем судить по тематике «Изборников» и другой переводной литературе, имевшей хождение на Руси. «Милосердие» заменяет аскетические практики для мирян. «Милосердие» как дело веры. Сначала дело – потом познание истины. «Милосердие» как

Рис. 1. Образовательная система культуры православной цивилизации

ступень к созерцанию истины. Но уже в XIV веке, в период Паламитских соборов, во времена Сергия Радонежского расцвела мистическая составляющая, которая была письменно оформлена в XVI веке представителем заволжских «нестяжателей» Нилом Сорским, а в XVIII–XIX веках была продолжена и развита Оптинскими старцами. Догматическая составляющая не только осваивалась при помощи начётничества и литургического образования, но и развивалась русскими подвижниками. Так учение о Святом Духе (Православная пневматология) начало создаваться в X веке в трудах Симеона Нового Богослова. Среди богословов, развивающих идеи св. Симеона, мы можем назвать и преподобного Серафима Саровского (первая половина XIX века).

Основание русской образованности, познающей истину через

«живую совокупность высших умственных сил», то есть сформировавшееся под влиянием Церкви и традиции исихазма, Киреевский признаёт необходимым основанием и для мыслящей Европы, где из-за чрезмерного авторитета отвлечённого мышления «всё бытие является человеку прозрачной диалектикой его собственного разума, а его разум – самосознанием всемирного бытия». «Отпадение Рима от Вселенской Церкви лишило Запад чистоты христианского учения, но оно же остановило развитие общественной образованности на Востоке, поскольку воплощение Божественной истины во внешней образованности народа должно было совершиться совокупными усилиями Востока и Запада. Задачей Востока с тех пор стало сохранение Божественной истины в её чистоте и святости». [4] Иван Киреевский впервые по-

ставил вопрос о необходимости осуществления всей полноты образовательной системы культуры, о соединении её «внешней» и «внутренней» составляющих. О необходимости такого соединения находим и у Л.Н. Модзалевского: «Истинный прогресс и истинное воспитание возможны только при гармоничном развитии человечества, как в умственном, научном, так и в религиозно-нравственном отношениях, между которыми необходимо то же равновесие, какое необходимо между умом и чувством каждого отдельного человека». (З, с. 209) Все эти размышления оказываются актуальными, так как существует задача восстановить динамичную образовательную модель. Образовательную систему культуры во всей её полноте, так чтобы она была способна воспроизводить присущий нашей цивилизации тип личности.

Литература:

1. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. – М.: Паломник, 1996.
2. Иустин (Попович). Православная философия истины. – Пермь, 2003.
3. Модзалевский Л.Н. Очерки истории воспитания и обучения. Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2000.
4. Киреевский И.В. Разум на пути к истине. – М., 2002.
5. Новосёлов М.А. Догмат и мистика в Православии, Католичестве и Протестантстве. – М.: Атлас-пресс, 2004.
6. Смирнова Н.В. Структурно-функциональные характеристики образовательного процесса: <http://credonew.ru/content/view/742/26/>
7. Чумакова Т.В. «В человеческом жителстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001с.

Е.Н. ПЕТРОВ, кандидат технических наук, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна
E. Petrov, candidate of technical Sciences, St. Petersburg state University of technology and design

ОСНОВЫ ЭТИКИ КАК ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ The foundations of ethics as eternal values

Аннотация: Автор статьи размышляет о моделях формирования нравственных основ молодых людей в период их учёбы в высшей школе.

Abstract: The author reflects on models of the formation of the moral foundations of young people during their studies at the graduate school.

Ключевые слова: воспитание, мораль, нравственная культура, образовательный процесс, учебное заведение, социальные группы, высшее образование, педагоги, студенты.

Keywords: education, morality, moral culture, the educational process, educational institution, social group, higher education, teachers, students.

Главная практическая задача этики – воспитание достойного гражданина государства путём формирования его нравственных качеств. Основной характеристикой вектора педагогического процесса является воспитательная направленность, выступающая в качестве важнейшего средства активизации познавательной деятельности обучающегося. Между воспитанием, обучением, развитием и психологической подготовкой существует сложная взаимосвязь. Только усиление её под влиянием мотивации обучающегося определяет эффективность учебного процесса.

Учебный процесс – это психический познавательный процесс с включёнными в него более сложными видами психической деятельности. Превалирующую роль здесь должна занимать воспитательная компонента. Другими словами, коллективное обучение и решение проблем, стоящих перед обществом, сопровождается воспитанием индивидов через вхождение в мир прошлого и настоящего, в мир человеческих отношений. Основу воспитательной функции составляют эстетическая, этическая и правовая доминанты, ориентирующие на формирование нравственной культуры человека, что и определяет его поведение в обществе.

На каждом этапе образования существуют свои ступени нравственной культуры, свои ориентиры в направленности её развития, спектр которой безграничен в силу обстоятельств. В этом безбрежном океане мирового социума с его глобальными информационно-коммуникационными сетями и формируются личности преподавателя и студента, причём значительное число преподавателей высших учебных заведений профессионально сформировались ещё в доперестроечный период.

Однако вечные ценности никогда не утратят своего значения. Они не имеют этнических признаков, они объединяют все политические и религиозные течения. На наш взгляд – это доброта, справедливость, совесть, долг, честь, достоинство. Все они наиболее ярко проявляются и формируются в межличностных отношениях.

В университете мы провели социологическое обследование в целях выявления мнения о главных чертах мужчины и женщины с точки зрения женщины и с точки зрения мужчины. В нём приняли участие 127 человек из числа студентов первых трёх курсов и аспирантов первого года обучения.

Женщины в женщинах, как выяснилось, считают главным доброту, на втором месте – ум, на третьем

– женственность, на четвёртом – красота, на пятом – нежность, на шестое место поставили сразу три качества: хитрость, заботливость и обаяние и лишь на последнее седьмое место – чувство юмора.

В мужчинах женщины хотят видеть, прежде всего, ум, затем – мужественность, заботливость, доброту, чувство юмора, обаяние, силу и надёжность.

Мужчины в мужчинах желают видеть в первую очередь уверенность, силу, ум, мужественность, твёрдость характера, доброту и решительность.

Мужчины в женщинах считают главными качествами красоту, любвеобильность, интуицию, чувственность, доброту, ум и женственность.

Удивительно, но и это влияние нашего информационного века, при перечислении качеств были забыты такие, как благородство, честь, галантность, патриотизм, вежливость.

Изучая формирование личности в студенческом возрасте (с учётом гендерного фактора), в первую очередь необходимо рассматривать среду, в которой происходит её становление. Ведь высшее учебное заведение – это, прежде всего, социальный институт, социальная группа и сфера личностного общения, что явля-

ется определяющим в социализации личности.

В высшей школе основу формирования социально-нравственной культуры молодого человека составляют отношения между преподавателем и студентами. Любой объект изучения в дисциплинах программы учебного заведения прямо или косвенно имеет отношение к человеку. Выстраивая, в процессе изучения объекта или процесса, своё отношение к людям через призму гражданско-политических, морально-нравственных качеств, преподаватель опосредовано формирует в сознании учащегося определённую гуманистическую концепцию. Большое значение имеют интеллект и эмоциональность преподавателя, его способность вообразить, представить себе мысленно тот механизм или объект, о котором идёт речь, и с помощью вербальной и невербальной информации выразить своё отношение к этому механизму или объекту, его изобретателю или открывателю, вызвав этим самым такой же эмоциональный отклик у слушателей.

Формированию всесторонне и гармонично развитой личности способствует гуманитаризация учебного процесса, которая наполняет этическим материалом учебный процесс, расширяя и укрепляя основы нравственности. Вся мировая история науки и техники содержит бесчисленное множество примеров героизма, человеколюбия, жертвенности во имя человечества. Все великие открытия сделаны великими людьми, которые, в большинстве своём, могут быть объектом восхищения и подражания. Их деяния и помыслы появляются в учебном процессе в виде кратких умозаключений и уместных для текущей темы цитат.

Большое значение при формировании культуры обучающего оказывают крылатые выражения, латинизмы, пословицы, поговорки, библейские истины фразеологизмы и цитаты, вписывающиеся в содержание читаемой дисципли-

ны, формирующие опосредовано мировоззрение и моральные устои учащегося.

Немаловажную роль играет и личность преподавателя, его имидж. Это обеспечивает должное воздействие на аудиторию с целью пробуждения и поддержания мотивации, постоянного интереса к изучению дисциплины.

Одной из главных задач учебно-педагогического процесса в высшей школе признано создание в каждом студенте ощущение того, что он открывает вместе с преподавателем что-то новое, создаёт пока ещё для себя ранее созданный механизм или объект, но воображение начинает уводить его за рамки известного, а фантазия уже готовит новый, до этого неизвестный вариант решения проблемы. Это и есть наивысшее достижение в учебном процессе, когда этот процесс переходит в творческое русло сознания учащегося.

Достижение такого состояния учащегося обеспечивается высоким уровнем педагогического мастерства преподавателя, который на протяжении всей своей педагогической деятельности неоднократно вместе со своими студентами открывает уже открытые достижения науки и техники, а иногда, к величайшему удовлетворению, констатирует открытие воспитанником чего-то нового. В этой ситуации рождается свободное творчество в свободно выбранной деятельности. Это и есть самая высокая награда педагогу. Только свободный творческий труд может по-настоящему раскрыть потенциал человека и гармонизировать его способности, возможности и цели.

Несмотря на быстрое получение необходимой информации, обеспечиваемой компьютеризацией учебного процесса, нельзя не обратить внимания на то, что наряду с уменьшением времени прямого общения студента и преподавателя сводится до минимума и свободное студенческое творчество. Частые тестирования могут сделать студента придатком компьютера.

Предлагая готовые решения, образы и их альтернативы, мы лишаем учащегося собственного воображения, собственной фантазии, не говоря уже о полном отсутствии положительных эмоций. Отсутствие свободного творчества – одной из главных отличительных прерогатив человека – приводит весь организм и личность обучающегося к дисгармонии, снижает его интерес к учёбе, порождает безразличие, пессимизм. Как никогда сегодня актуально выражение Демокрита: «Разумный человек всегда нравственен, поскольку понимает, что достижение счастья требует здорового состояния души и тела».

Рассматривая вопрос взаимоотношений православия и образования, мы невольно сталкиваемся с противоречиями, возникающими в различных направлениях, подтверждающих материалистические концепции, и проявлениями теократии и консерватизма в религиозных течениях, в том числе и православия. С другой стороны, самые передовые научные исследования не мыслимы без человеческой фантазии, которую пробуждают религиозные представления и верования, особенно в процессе формирования личности. Фантазия способствует более глубокому постижению действительности, а религиозная направленность одухотворяет её.

Немыслимо отделить отечественную историю и историю искусства от истории христианства и православия. Целый ряд других, в том числе и технических, дисциплин не могут быть полноценно представлены без религиозных сюжетов и событий, комментариев к которым под углом зрения отношения к православию даёт преподаватель. Элементы православной этики, безусловно, не должны игнорироваться в диалоге между преподавателем и студентом. Любой преподаватель вуза должен владеть основами религиоведения и отвечать на вопросы студентов, которые возникают в учебном процессе.

Нормы морали и этики не могут быть внедрены никаким насилием над личностью, повелением или приказом. Они формируются в определённой общности межличностных отношений, вживаясь в обычаи, отражая их своим поведением, не всегда даже осмысливая причины, побудившие те или иные действия, сделав их привычкой, своей чертой, нормой своего поведения.

Морали научить невозможно. Однако некоторые из современных педагогов считают, что мораль можно освоить как химию или географию. В это же время путают воспитание с обучением, а моральные убеждения со знанием о мора-

ли. Всё это так же бессмысленно, как пытаться научить любить родителей или Родину с помощью баллов, поощрений и наказаний.

Выпускники вузов, которые должны являться носителями культуры общества, иногда оказываются бездуховными и безнравственными, что порождает дальнейшие морально-нравственные проблемы в арифметической прогрессии.

В заключение хотелось бы процитировать Альберта Швейцера: «Истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами». Всё сказанное выше может остаться только словами, если рассмотренные вопросы воспитания

не станут неременной составляющей высшего образования. Если не будет создана система количественной и качественной оценки морально-нравственного состояния контингента студентов и осуществлён её мониторинг на протяжении всего периода обучения. Если не будет проведена корреляция этой оценки с формой и содержанием учебно-педагогического процесса. И только эти мероприятия, представляющие вседоступные сведения, могут внести правильные коррективы в современные технологии обучения, которые обеспечат воспитание достойного гражданина нашего государства.

Н.Н. ХОМУТОВА, аспирант Волгоградского государственного университета
N. Khomutova, post-graduate student of Volgograd state University

О ценностном воспитании человека About the value of the educational process

Аннотация: *Позиция автора статьи заключается в положении, что активность и целостность личности могут быть сформированы лишь в ценностном становлении человека. Анализ метафизических принципов данного становления определяет логику изучения и исследовательский интерес. Рассматриваются ценностное самосовершенствование личности, взаимосвязь ценностного мира с её поведением и целостностью.*

Abstract: *The position of the author of the article is in the position that the activity and integrity can be formed only in the value formation of the individual. Analysis of the metaphysical principles of the formation determines the logic of the study and research interests. Discusses the value self-improvement personality, the relationship of the value of the world with her behavior and integrity*

Ключевые слова: *личность, общество, индивид, традиции, ценностные ориентации, эгоизм, логика, поведение, индивидуальность, эмоции, сознание, психика, воля, любовь, коммуникации.*

Key words: *identity, society, individual, traditions, values, selfishness, logic, behavior, personality, emotions, consciousness, mind, will, love, and communication.*

О целостности личности можно свидетельствовать, если человек не потерял фундаментальную связь с бытием сущностей – ценностями, «самобытием» – индивидуальностью и пониманием себя как субъекта творческих способностей и рефлексии. В своём исследовании мы рассмотрим неотъемлемую роль ценностных ориентаций в поведении личности. Представим идеи нормативности поведения личности, основание которого исходит из присущего личности ценностного мира, «внутреннего личностного пространства», позволяющего судить о целостности личности. Дадим характеристику ненормированного поведения и отрицание «другого» на примере понятия «индивидуализма». Также рассмотрим понятие индивидуальности, как сферы концентрирования личностного своеобразия и поведения.

Приступая к изложению содержания поставленных положений, проведём чёткое разграничение, свойственное исторически сложившимся позициям, между царством ценностей и рациональным мировидением человека. Этот

исходный пункт позволит более ясно охарактеризовать значение и функционирование ценности в поведении, жизни личности. Итак, рассмотрим ценностные ориентации личности в действиях и как мотивационный компонент поведения.

Сегодня острота темы ценностных ориентаций личности связывается с проблемой самоопределения человека в различных культурологических контекстах, так как в силу подвижности социальных систем полярные нормы и ценности не согласуются между собой в конкретном обществе. Исходя из этого, поведение индивида не соотносится с ценностными категориями. Личность ориентируется на определённые цели, которые и становятся для неё важной ценностью, ведущей к реализации определённых утилитарных интересов.

Согласно общепринятым утверждениям ценностные ориентации способствуют предпочтению или отвержению определённых смыслов, обеспечивают целостность личности. Ценностные ориентации «определяют структуру сознания, программы и стратегию

действия, контролируют и организуют мотивационную сферу» [1].

Из сложной структуры образования в комплексе ценностных ориентаций выделяют 3 основных компонента: когнитивный (как элемент знания об объекте), мотивирующий (эмоциональная составляющая, вытекающая из оценки) и поведенческий (суть воплощения ценностных ориентаций в поступках личности). Традиционно признаётся, что более ранним является эмоциональное отношение к объекту ориентации. При этом считается, что ценностные ориентации осознаваемы, слово «ориентация» уже подразумевает выявление индивидом определённого значения в соотношении с чем-то. Следовательно, осознаваемы и средства реализации поставленных целей, однако есть ситуационные моменты, когда поведение по своему факту не соответствует ценностному в виду отсутствия ценностей как норм поведения в аксиологическом пространстве индивида. При этом важно различить осознанность нормы как образца поведения и восприятие её ценностного содержания на эмоциональном уровне. Из-за отсутствия

этого восприятия норма не функционирует в поведении.

Ценностное содержание, воспринятое личностью, не является всегда осознаваемым ею в каждый момент жизни. Значения ценностной сферы функциональны для человека, если включены в эмоциональную, внутреннюю жизнь. Рационального восприятия и логической согласованности с ценностью недостаточно, чтобы она стала функцией в поведении личности, так как подобное понимание ценности ведёт к осознанному фиксации для себя образца нормы, но не внутреннего мотива действия. Нелогичная по своей природе ценность (а порою и по характеру её восприятия) является для индивида наиболее действенной, так как она воспринята эмоционально и глубоко укоренена в психике, сердце человека.

Примеров в истории философии, свидетельствующих о нелогичном восприятии ценностей, достаточно. Немецкий философ Р.Г. Лотце, основоположник теории ценностей, считал, что ценностное мировосприятие есть «откровение», определяющее ощущение ценностей, которое не менее достоверно для познания ценностного мира, чем рассудочное исследование – для познания вещей. М. Шелер, философствуя о «царстве ценностей», подчёркивал, что ценности логически невыразимы, их можно только чувствовать.

Г. Лебон, исследуя влияние на сознание человека, писал, что человека легче убедить, воздействуя на его эмоциональность, делая свои идеи – его чувствами, формируя веру в идею на «чувственном уровне».

Отсюда и манипуляция рассчитана на «пустую» ценностную сферу человека, а её техника не осознаётся индивидом как алгоритм и механизм, он не логичен для внешнего восприятия. Лишь заполненная ценностями «внутренняя сфера» личности позволяет ей быть не подверженной силе внушения, которая имеет власть

над внутренне «расколотым» человеком. Опасное обезличивание людей возможно через внушение, навязывание идеи, которая «способна превратиться в коллективные образы и действия» [2].

Французский учёный Г. Лебон утверждал, что «толпа – это не просто скопление людей, а определённое новое, некое единое образование, имеющее коллективную душу, определённое духовное единство». «Душа толпы» свидетельствует об исчезновении в ней сознательной личности, индивидуальности, того, что отличает одного человека от другого. Существует представление, что «коллективное поведение не регулируется никакими правилами и традициями, оно связано с круговой реакцией, круговым возбуждением, делающим людей одинаковыми» [3]. Такое поведение людей повышает их внушаемость, позволяет заинтересованному лицу убедить в чём-то. Такое «убеждённое» общество с «душой толпы» философ Х. Ортега-и-Гассет назвал массой.

Х. Ортега-и-Гассет, характеризуя массовую культуру и её представителей, вывел, что у человека-массы право «безлично»: нет уважения и ответственности за свои поступки. Философ указал, что «безличное» право существует само по себе, а личное право требует постоянного закрепления. В основе морали благородного типа людей, как писал исследователь, лежит ощущение потребности подчинения своей жизни высшим принципам, долг перед другими, ответственность, все эти характеристики предполагают культурное сосуществование людей, в противном случае масса может уничтожить все общечеловеческие ценности. Характеризуется благородный тип и тем, что готов к самоусовершенствованию. Для подобного типа людей жить – значит активно действовать, а не отвечать на воздействие.

Другой исследователь состояния человека и общества в индустриальном обществе Г. Маркузе

писал, что для человека необходима «внутренняя свобода» – личное пространство, в котором личность имеет возможность оставаться «собой». Оставаться личностью – это, прежде всего, самостоятельно мыслить. Ведь пока люди лишены автономии, их сознание – объект внушения и манипулирования, их ответ не может считаться принадлежащим им самим.

Личное пространство, пространство свободы и мышления, в нашем исследовании наполнено дополнительным содержанием ценностей и характеризуется «внутренней собранностью» индивидуальной сферы личности.

Итак, личности необходимо свой эмоционально-чувственный уровень подчинить высокому ценностному миру, это позволит ей давать отчёт в своих поступках. Становление в ценностном отношении – одна из возможностей лично отвечать за них, а также понимать внутренние процессы социума. Согласно М. Шелеру, рассмотревшему аксиосферу как восхождение от «низших» гедонистических и витальных ценностей, относящихся к телесной жизни человека, через «духовные ценности культуры» [4] к «высшим религиозным ценностям», человек развивающийся может достигнуть высших ступеней иерархического бытия. Акту сознания, если он направлен на предмет, который может обнаруживать смысловой компонент человеческого бытия, присущи два горизонта – эмпирический, ситуативный, отражающий сопричастность миру, и надэмпирический, объективный – задающий сущностную, независимую от пространства и времени составляющую человека. Сущностная составляющая человека открывает в этом мире трансцендентные ценности. Именно они могут предписывать нормативность человеческому поведению.

Нормативность человеческого поведения, таким образом, обуславливается ценностями осознанными, неосознанными, присутствующими в бессознательной

мотивационной сфере личности, и трансцендентными ценностями, которые связаны с действиями духа в человеке, с действием совокупности разума и чувств. Полагаем, что подобная духовная целостность представлена М. Мамардашвили в описании поступка «личного основания», который характеризует пространство мысли и чувств, «само-бытие» индивидуальной человеческой жизни. Исследователь М. Мамардашвили отмечал, что существуют поступки, «не вытекающие из эмпирических интересов, желаний, удовольствия» [5], так как данный поступок имеет характер личного основания и не обусловлен идеями человека, нравами, нормами, обычаями культуры, интересами.

Философ М. Мамардашвили допускал трансцендентность личности, способность к прорыву к себе самой через акт понимания. Человеку даны закон, культура, норма, всё это упирается в «зазор» [6], отделяющий их от акта понимания, который может выполнить лишь сам человек, по словам философа, он должен совершиться лично. Способность «лично» понять, признать другого, согласиться зависит от активности «внутреннего пространства» индивида. Таким образом, обозначим, что становление «личностного внутреннего пространства» происходит через мышление и понимание.

Учёный не приписывал личности «бытие в самой себе». Определял, что «Я вне самого себя есть личность», так как личность, как особая структура в философии, не совпадает с видимой структурой индивидуальности. Данное положение связано с тем, что учёный допускает трансцендентность личности, способность к прорыву к себе самой через акт понимания.

По М. Шелеру человек способен прорываться к ценностям, быть им сопричастным согласно имманентным «эмоциональным априориям» [7], так как доминирующий разум в культуре и познании не «видит» ценностей, они логиче-

ски не выразимы, их можно только чувствовать.

Таким образом, мы фиксируем некоторые взгляды на возможность «вырваться» из замкнутого круга рациональности, тем самым преодолевая собственный внутренний «раскол» и обретая гармонию и «персональную силу» – способность быть активным, самостоятельно мыслящим человеком. В противоположность можно назвать индивидуалистический подход к миру, отношению к «другому», который выражается в объектных, прагматических отношениях и ведёт к внутреннему «расколу» личности. Рассмотрим значение ценностной составляющей внутреннего мира индивида в коммуникации и диалоге.

Внутренний «раскол» личности выражен современным исследователем Р. Саннетом в понимании взаимоотношений субъектов коммуникации как «чередование масок» [8]. Он указал, что общество проникнуто «энергией игры», а публичное выступление «человека-актёра» происходит в отрыве от индивидуальности. Безлично представляя себя публике, «актёр» приобретает границу между «внутренним» и тем, что он готов играть «внешне». Данная граница делает «игру» эффективнее. В связи с этим существует двойственное разграничение субъекта игры: как деятеля и его социального поступка как деяния. Суть же проблемы в том, что актёр, не обременённый моральными установками, способен абстрагироваться от деятеля и не признать после проигранной роли «некий недостаток или даже порок» [9] сыгранного сценария. Иными словами, личность, выступающая, позиционирующая себя, исходит из набора масок и установок «игры общения», тем самым разрушая самотождественность и личностную целостность. Ситуации набора масок не гарантируют, что личность следует определённым механизмам и нормам в коммуникации с «другими».

Подобная коммуникация ха-

рактеризует ныне достаточно актуальное понятие индивидуализма, которое отражает, прежде всего, отсутствие целостности в системе отношений индивида и общества. При этом отметим, что в своём исследовании мы не отрицаем положительных характеристик индивидуалиста (стремление к материальной независимости, активность). Однако индивидуалист не оправдывает себя, если не прорывает круг, который замыкает его на себе вплоть до отрицания ценности «другого». В современной действительности существование индивидуализма оправдывает себя, если рассматривается в контексте трансформации общества, а также с учётом, что человек вынужден искать в новых, конкурентных условиях новые маски, которые ему помогают выживать. Не случайно Э. Мунье полагал, что маски людей «возникают как ответ на противоречия культуры» [10]. Необходимость защитной функции маски очевидна, вопрос в том, что маска «срастается с человеком» и уже невозможно разглядеть его истинного лица. В «публичной жизни» манеры общения и ритуальные обмены начинают выглядеть в «лучшем случае формальными и сухими, в худшем – фальшивыми» [11].

Из подобных противоречий разумный выход предложил М. Бубер в различении субъект-объектных и субъект-субъектных отношений. Философ писал, что мир как опыт принадлежит основному слову «Я – Оно», слово «Я – Ты» [12] – утверждает мир отношений. Отношение к миру как безличному объекту представлено учёным в «Я – Оно» и служит утилитарным целям.

Тем не менее, в социальной философии существует конкретная постановка вопроса, связанная с данным понятием: как возможно существование общества, в котором носителем всей полноты культуры является автономный индивид? Негативный этический аспект индивидуализма не исче-

зает в объёме содержания данного понятия, даже при условии элементов игры рыночной экономики во взаимоотношениях людей.

Чуждость и отчуждённость от других, являющиеся следствием замкнутости и враждебности к миру, делают жизнь не только бедной, неинтересной, но и фальшивой. Не понимая, не любя ближнего, невозможно его принять, невозможно жить «подлинным» бытием, то есть, как по М. Буберу, «встречая» другого, понимая и распознавая его в бесконечности существования.

В нашем понимании достижение утилитарных целей допускает наличие масок в субъект-объектных отношениях, если не выносит за скобки «особое личностное пространство» индивида, предполагающее интеллектуальные усилия и являющееся основой его самостоятельной активной жизненной позиции и самоощущения. Указанная установка позволяет говорить о возможности ценностной совместной сферы общего и частного, в которой индивиды активно принимают участие в преобразованиях и не руководствуются лишь рациональным расчётом. Если человек стремится к подлинной жизни, то понимание другого как средства становится препятствием. Отношение «Я – Ты» проникнуто любовью, выражающей целостную направленность, устремлённость чьей-либо жизни и воли к собеседнику, единственному и неповторимому существу. В подобной связи каждый остаётся собой и смыслом отношений становится «взаимность» [13].

Задача личности: не превратить сущностные взаимоотношения в безличные. Иначе жизнь, в метафизическом смысле, потеряет своё значение.

Однако отсутствие «другого» в ценностном смысловом поле человека может быть сознательным и неосознанным. Человек, например, занятый внутренней жизнью, а не экономической независимостью, обособленный от обществен-

ных коммуникаций, воспринимает «другого» как помеху для самообоснования в рамках собственной индивидуальности и становится асоциальным. Противоречие это обостряется, если индивид противопоставляет себя внешнему миру как «чуждому» и враждебному.

Н. Элиас связал подобное обособление индивида с возникновением понятий «субъекта» в эпоху Ренессанса. Человек, ощущая себя субъектом, воспринимает мир как «объект», отделённый пропастью, а самого себя – как наблюдателя вне рамок остальной природы. Природа представлена им «ландшафтом», себя полагает как индивида независимого от всех остальных людей.

Люди, в таком понимании, «чужое бытие» [14], изначально не имеющие ничего общего с его «внутренней» сущностью.

Чтобы преодолеть «пропасть», которая может возникнуть вследствие обособления, по мнению автора, человек должен научиться учитывать «связи подвижного человеческого переплетения», а не только исходить из самого себя и смотреть на мир как из «внутреннего помещения» во вне. Ведь в таком случае социальность становится лишь формой, в которой человек фиксирует преобладание индивидуального содержания своего бытия. Отрицание «внешнего мира» может привести (если не откроет некий мистический пласт отношений с Богом) к крайним формам индивидуализма – нарциссизму, скептицизму, анархизму и так далее. В таких формах личностного сокрытия бытия человек практически лишён критического отношения к себе и отчуждён от общества.

Современный исследователь Б.В. Марков видит причину страдания человека в том, что он замкнут в «капсулу собственного существования», а выход – в открытости «другому». Э. Мунье утверждал, что все душевные расстройства связаны с потерей контактов с обществом, человек

оказывается чуждым самому себе, отчуждённым от себя.

Индивидуалист, ориентированный, например, в этическом смысле эгоистически, одним своим присутствием может омрачить общение: «Всюду, где он заявляет о себе, он несёт с собой смуту, расстраивает доверительные отношения, и каждый испытывает это на собственной шкуре...» [15] Должно быть, человеку это нужно просто понять, его страдание от другого не так опасно, как страдание от самого себя. Целостная личность живёт в контексте культуры, она подразумевает, что её самочувствие в обществе напрямую зависит от взаимосвязей, поэтому их нужно не отрицать, а конструировать. Основа настоящего диалога базируется на субстанциональных ценностях, которые являются первостепенными для целостной личности. Отметим, что без общения вообще нельзя говорить о личности, лишь об индивиде «со скрытым лицом».

Личность, признавая право других людей жить соответственно столь же личными основаниями, признаёт это право и за собой. В этом отношении человек «выступает в качестве причины, он держит метафизический и нравственный опыт перед собой же». [16]

М. Бубер сказал о личности, что она «выражена тем полнее, чем сильнее в человеческой двойственности его Я – то, что принадлежит основному слову Я – Ты». [17] В этом смысле верно то, что личность не отделяет себя от другого. М. Бахтин писал, что человеческое бытие хрупко и прихотливо, легко поддаётся деформации, ощутить себя можно через «отклик бытия» [18], состоящий из голосов других. Привнося в бытие мира бытие собственное, личное, неповторимое и самоценное, тем самым личность «способствует становлению бытия вообще в его конкретных формах» [19]. И данное становление конкретных форм бытия происходит в зависимости от непрерывной ориентации личности на мир ценностей.

Итак, рассмотрев смысл нашей позиции по отношению к нормативности поведения личности, выделим принципы коммуникации целостной личности:

Стремление быть личностью подразумевает стремление к человечности (поступать гуманно).

Поиск волевых структур духа (мышление, чувство, понимание – основа диалогичности)

Быть смелым, поступать и чувствовать без маскировки в определённых ситуациях (не бояться собственного своеобразия).

Играть свою роль (быть индивидуальным).

Стремиться к открытию ценностей другому, а не сокрытию и присвоению.

Как мы уже отмечали, основа диалога базируется на субстанциональных ценностях, которые являются первостепенными для целостной личности (понимание, мышление, доброта, любовь и так далее). Если коммуникация индивидуалиста направлена на сосредоточение внимания на себя, то у личности она направлена за собственные пределы, так как взгляд, рассредоточивающий внимание с себя, позволяет увидеть те ценности, которые до этого не были включены в личностное пространство. «Другой» есть бытие иной индивидуальности, взгляд на него позволяет раскрыть перспективу собственного личностного существования. Следовательно, другой становится залогом «моего» развития.

Т. Мунье писал, что «я существую в той мере, в какой я существую для «другого», и в конечном итоге существовать – значит любить». [20] Любовь признаётся мыслителем критерием существования личности. Поэтому мы исходим из того, что первым принципом личности в коммуникации является любовь. Она, в смысле эмоциональной вселенской взаимосвязанности, позволяет видеть ценности, заботиться об их сохранности, принимать их, а значит, существовать в подлинности.

Осознание наличествующего «другого» в процессе коммуникации позволяет человеку ориентироваться на соглашение, созидать себя в ценностном отношении.

При этом следует обратить внимание на такое сложное понятие, как индивидуальность, так как именно оно характеризует своеобразие личности.

Понятие индивидуальности, входящее в объём содержания понятия личность, позволяет философам интерпретировать её как уникальную «самоценность». Однако один из важнейших вопросов, связанный с заявленной категорией, – о взаимовлиянии «внешнего мира» на «внутреннего человека». Позиции исследователей отражают все возможные варианты ответов на существующую задачу. Одни считают, что влияние внешнего невелико, всё зависит от внутренней закономерности существования человека, другие, что влияния извне велико и определяет внутреннюю жизнь индивида, третья позиция – определённый компромисс между «психическими» и «социальными» факторами, склоняющими человека то в одну сторону, то в другую. Попробуем представить собственную позицию по данному вопросу.

Данное понятие в философской традиции является описательным и исследуется через жизнедеятельность человека, в которой переплетены внутренние механизмы его становления. «Индивидуальность» предполагает, что через неё отдельный человек преодолевает свою «атомарность», трансформируя общественное благо в форму собственной самореализации. Индивидуальность является источником становления личности, а также возможной характеристикой её поведения и активности.

Тем не менее, источник уникальности человека не определён чёткими рамками. По словам М.С. Кагана, научное и теоретическое познание не приспособлено к тому, чтобы познавать уникальное. Данное замечание свидетельствует

об отсутствии чёткого подхода к изучению структуры индивидуальности. «Внеобщественным» элементом называет индивидуальность Н. Элиас, так как она не типична для всех, отличает людей друг от друга. По его мнению, индивидуальности приписывают либо естественно-биологический, либо метафизический источник. «Внеобщественное» ядро внутренней жизни человека рассматривается часто как душевная жизнь каждого. Поэтому данное понятие даёт возможность понять человека, например, в ситуации выбора или принятия решения, так как именно через социальные и индивидуальные действия и поступки прослеживается внутреннее состояние человека, его характер и жизненные приоритеты.

Понятно, что становление человека во многих аспектах отражает функционирование и развитие социокультурных систем, поэтому правомерно говорить о ситуативном факторе в поведении индивида. Собственная воля человека представлена им как свободная возможность поступить в соответствии с собственными позициями, а не внешними. И этот ситуативный момент фактически характеризует выбор между ценностями, которые осознает человек. И, как итог, выбор из необходимости и того, что он предпочитает, совершается в соответствии его интересам, и его пониманию.

Наша позиция заключается в том, что внешнее воздействие велико, если личность не завершила своего ценностного становления. Формирование индивидуальности зависит не столько от общества, сколько от способностей и предпочтений человека, как следствие, от его жизненной позиции, исходя из которой, он воспринимает общество, себя. Социальное целое воздействует на индивидуальное через ожидания индивида и реальное положение вещей. Уникальное и частное задаёт становление личности. Ценности, включённые в жизнь индивида, также обо-

снованы его индивидуальностью, образом жизни, стремлениями, воспитанием, средой. Однако «внесоциальное» является особым миром для субъекта и может быть подвержено динамике, поэтому предполагает и изменение через переосмысление человеком своих позиций и самого себя. Можно отметить, что «индивидуальность», внутренние характеристики человека находят корреляционную зависимость с человеческой волей. От волеизъявления индивида зависит характер его взаимосвязи с социальным миром и его способность к автономии. Автономность есть способность индивидуальной личности к выбору, самоопределению.

Резюмируя анализ категории «индивидуальность», мы можем сказать, что вопрос о пространстве индивидуальных решений остаётся открытым, так как оно определяется структурой общества и самим человеком. Интересным остаётся и то положение, что человека можно понять как индивидуальность и ценность, только анализируя его в совместной жизни с другими людьми. Если убрать отношения между людьми, индивидуальность потеряет своё значение для общества, ибо только через межличностные отношения личность выражает свою уникальность, развивая творческие способности, расширяя границы своего ценностного мира. Полноценность мира зависит от содержательности жизни каждой личности. По мнению исследователей, содержательная жизнь характеризуется реализацией способностей, контекстом жизнедеятельности человека, а именно культурой, идеалами общества. Иначе индивидуальность может быть смыслообразующим компонентом жизни личности, если только человек включает в своё личностное пространство общепризнанные ценности.

Ценности, ставшие личным основанием поведения личности, включённые в эмоциональный, чувственный уровень, обуслов-

ливают её культурное существование. Но при этом мы должны представить своё понимание совместной сферы общего и частного интереса. При этом мы исходим из того, что общая сфера формируется потребностью личности в самоактуализации в коммуникации с «другими». Индивид наделён важными функциями по отношению к целому, поэтому личностью нельзя назвать человека, который не участвует в «публичной» жизни, ведь он не реализовывает себя.

Обратимся к истории мысли. Рассмотрев социум, социолог Ф. Тённис обозначил общность «как живой организм» и общество «как механический агрегат и артефакт» [21] и дал характеристику общинному типу социальных действий и связей и типу социальных действий, характерных для общества. Достаточно тривиальна предпосылка, способствующая переходу из «живого» общества в «механистическое» – несовпадение общего интереса и частного. При этом социолог исходил из допущения, что всеединство человеческих волей – изначальное и естественное состояние, что обусловлено «происхождением и родовой принадлежностью» людей. Взаимонаправленность и общая для всех связующая настроенность есть, по мнению исследователя, взаимопонимание, связанное с разумом и мышлением. Общество, определённое волевым взаимодействием людей, согласно Ф. Тённису, характеризуется публичностью, так как в «общество мы отправляемся как на чужбину». Поэтому общая ценность в обществе должна быть представлена контактной основой, «общей сферой», в которую вовлечены и устремлены субъекты.

Исходя из этого, контактная основа общества представлена в нашем исследовании как социальное поле актуализации личности, где позиция субъектов взаимодействия основана на представлении частного и общественного интересов – как диалога, в котором символическое взаимодействие на-

правлено на принятие целостного решения.

Общество «масок» атомарно и внутренне разрозненно лишь в контексте упразднения подлинной общественной коммуникации и внутреннего ценностного пространства индивида. Для того чтобы личное основание и ценностное пространство имели место в жизни человека, он должен развивать свой внутренний, личный мир, который является доминантой поведения человека. При этом мир ценностей формирует ответственность за деяния. В этом контексте диалог, как поступок, соотносённый не с интересом и расчётом, а миром ценностей, позволяет индивидам создавать социальное поле актуализации целостных решений.

Таким образом, взаимоотношение с «другим» является ценностью для личности и задаёт её собственное становление. Ценности не могут быть всегда поняты и осознаны, но они играют немаловажную роль в организации активности человека, а также в определении приоритетов. Человек не всегда может рационально управлять своими чувствами, если же чувства подчинены высшим идеалам, то на уровне бессознательного они организуют поведение человека как социального существа и не выходят за рамки общечеловеческих норм. Социальный характер, как пишет современный исследователь В. Барышков, чрезвычайно трудно преломить в человеке. Данный факт обусловлен тем, что основа ценностной направленности человека определяется не столько возникающими социальными условиями и обстоятельствами жизни, сколько «внутренними предпосылками, аккумулятивными предшествующий социальный и личный опыт» [22]. Ценность диалога отвечает той направленности личности, которая не усугубляет социальный характер, а является принципом дополнения собственного личностного аксиологического пространства.

Резюмируя данные положения, можно констатировать, что в коммуникации с «другими», в соотношении себя с «другими» ценностями личность корректирует своё поведение, тем самым не усугубляет наличие возможных противоречий, а разрешает их. «Иное в другом», в данном контексте, выступает как своеобразие, а не причина отчуждения.

Открытие же «другого» возможно только через его признание и понимание, которое может осуществить целостная личность. Ценностное самоусовершенствование личности как образующее начало её целостности, таким образом, проистекает в процессе диалога, коммуникации личности. Диалог понимается нами по М. Бахтину как «универсальное

общение, как державный принцип не только культуры, но и человеческого существования» [23]. Ценностно ориентированная личность способна преодолевать противоречия между социальным и индивидуальным. Основание ценностного отношения к миру – это чувствование, осмысление культуры и понимание «другого».

Литература:

1. Абушенко В.Л. Ценностный ориентации // Всемирная энциклопедия. Философия / Под ред. А. А. Грицанова. – М.; Минск, 2001. – С. 1200.
2. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1995. – С. 156.
3. Там же, с. 235.
4. Шелер М. Положение человека в космосе / Шелер. М. Избранные произведения. – М., 1994. – С. 137.
5. Мамардашвили М. Трансценденция и бытие / Мамардашвили М. Философские чтения. – СПб., 2002. – С. 33.
6. Там же, с. 37.
7. Шелер М. Положение человека в космосе / Шелер. М. Избранные произведения. – С. 152.
8. См.: Сеннет Р. Падение публичного человека. – М., 2002.
9. Сеннет Р. Падение публичного человека. – С. 122.
10. Мунье Т.Э. Манифест персонализма. – М., 1999. – С. 478.
11. Сеннет Р. Падение публичного человека. – С. 10.
12. Бубер М. Я и Ты. – М., 1993. – С. 7.
13. Там же, с. 9.
14. Элиас Н. Общество индивидов. – М., 2001. – С. 89.
15. Мунье Т.Э. Манифест персонализма. – С. 478.
16. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. – М., 2000. – С. 8.
17. Бубер М. Я и Ты. – С. 9.
18. Гуревич П.С. Проблема Другого в философии антропологии М.М. Бахтина / М. М. Бахтин как философ. – М., 1992. – С. 86.
19. Барышков В.П. Аксиология личностного бытия. – Саратов, 2001. – С. 86.
20. Мунье Т.Э. Манифест персонализма. – С. 478.
21. Теннис Ф. Общность и общество. – СПб., 2002. – С. 12.
22. Барышков В.П. Аксиология личностного бытия. – С. 86.
23. Гуревич П.С. Проблема Другого в философии антропологии М. М. Бахтина / М.М. Бахтин как философ. – С. 90

О.Г. СМЕШКО, кандидат экономических наук, доцент
К.В. ЕВДОКИМОВ, кандидат экономических наук, доцент
O. Smeshko, candidate of economic Sciences, associate Professor
K. Evdokimov, candidate of economic Sciences, associate Professor

Анализ организации педагогического взаимодействия в учебном процессе

Analysis of the organization of pedagogical interaction in the learning process

Аннотация: Авторы исследуют организацию взаимодействия между преподавателем и обучаемыми, в зависимости от вида, целей и методов проведения всех видов занятий. В статье обоснована связь правильной организации такого взаимодействия с повышением качества учебного процесса и воспитания студентов.

Abstract: The authors investigate the interaction between teacher and learners, depending on the types, purposes and methods of conducting all kinds of studies. The article considers the connections are correct organization of such interaction with to improve the quality of teaching and education of students

Ключевые слова: образовательный процесс, преподаватель, обучаемый, студент, педагогические методы, учебная группа, методологизация обучения, гуманизация образования, знаково-контекстный подход, критерии эффективности обучения.

Key words: educational process, the teacher, the learner, student, teaching methods, educational group, methodological education, humanization of education, sign-in-context approach, criteria of effectiveness of training.

Анализ структуры и системы образовательного процесса, как одно из направлений повышения его эффективности, требует глубокого всестороннего рассмотрения взаимодействия основных его субъектов.

Для проникновения в сущность этого феномена особенно важно различать взаимодействие по направленности:

- преподавателя с обучаемыми, или предметное (преобразующее) педагогическое взаимодействие
- обучаемых с преподавателем, или педагогически организованное познавательное взаимодействие;
- взаимодействие обучаемых друг с другом, или взаимодействие субъектов в работе рядом.

Взаимодействие преподавателя с обучаемыми – это преобразующее педагогическое взаимодействие – необходимое условие, форма и функция, присущие процессу педагогической деятельности в любом учебном заведении, будь то школа, колледж или университет.

Вне взаимодействия педагогическая деятельность практически невозможна.

Еще один аспект рассматриваемой проблемы, который необходимо отметить, – это предметная суть взаимодействия, в качестве которой выступает культурное преобразование субъекта, образование, обучение и воспитание. То есть причиной возникновения педагогического взаимодействия является не потребность во взаимодействии с конкретным лицом, не потребность в общении, а специфика любой преобразующей деятельности, требующей прямого контакта с преобразуемым объектом: в высшем учебном заведении – со студентами.

Изначально предметом взаимодействия преподавателя с обучаемым выступает потребность в культурном преобразовании личности каждого обучаемого в соответствии с идеальными представлениями, потребность, транслируемая преподавателю об-

ществом. Другое дело – когда преобразующее педагогическое взаимодействие, как любое другое, в силу возникающих и устанавливающихся отношений между субъектами может развиваться в общение, в особую деятельность общения, в которой предметом выступает один субъект для другого. То есть если в преобразующем педагогическом взаимодействии устанавливаются дружеские, доброжелательные отношения между субъектами, возможно возникновение особого вида взаимодействия, которое называется общением.

В общении как деятельности, наряду с преобразованием во взаимодействии, возникает уже иной, особый предмет взаимодействия – человек как притягательная ценность для другого человека. Но часто складывается так, что преобразующее педагогическое взаимодействие в общение не развивается. Часто у начинающего, молодого преподавателя, например, не складываются отношения

со студентами старших курсов или со слушателями программ повышения квалификации. В этом случае преподаватель вынужден взаимодействовать, всякий раз страшась встречи с учебной группой, идя на занятие с тяжёлым сердцем.

Люди иногда бывают вынуждены взаимодействовать, не только не испытывая потребности в общении, то есть друг в друге, а напротив, испытывая желание, потребность избежать встречи, разговора, взгляда и т.п. Это в равной мере может проследиваться и в субъект-субъектных связях в образовательном процессе.

Подобное знание очень важно для преподавателя-профессионала. Взаимодействие преподавателя с обучаемыми в образовательном процессе должно получить развитие с предметного уровня преобразующей деятельности во взаимодействии на уровне преобразующего общения. Другими словами, в образовательном процессе важно стремиться вынужденное взаимодействие развивать в потребность во взаимодействии на основе доброжелательности, взаимных симпатий, развивать в общении. Недопустима стагнация взаимодействия, что потенциально может развиться в борьбу противоположностей – преподавателя и обучаемых.

Преобразующее педагогическое общение – это цель или одна из фундаментальных целей преподавателя высшего учебного заведения как субъекта педагогической деятельности, именуемая в практике передовых преподавателей сотрудничеством. Такая цель достигается в процессе реализации целого ряда промежуточных, процессуально-педагогических целей в педагогическом процессе, в аудитории на занятии, а именно:

- хорошее настроение обучаемых;
- эмоциональный положительный настрой, чувство успеха;
- интерес к происходящему на занятии, к предмету;
- вера обучаемого в преподавателя;

- вера в себя, в свои силы;
- вдохновение;
- свободное, непринуждённое обращение в образовательном процессе;
- возможность высказываться, размышлять вслух, оспаривать;
- взаимопонимание между преподавателем и обучаемым;
- содружество преподавателя с обучаемыми;
- психологическая комфортность;
- доброжелательная атмосфера, атмосфера успеха;
- деловая обстановка;
- снятие утомлённости обучаемых, обеспечение возможности проявить себя каждому обучаемому;
- духовный контакт участников образовательного процесса;
- готовность к сотрудничеству с преподавателем.

В образовательном взаимодействии на занятии можно наблюдать разнообразные формы предметного преобразующего взаимодействия преподавателя с обучаемыми. Рассмотрим основные из них.

Основными формами инструментальной педагогической деятельности являются:

- прямое обращение с точным указанием действий, с требованием, замечаниями, что делать, как себя вести, как выполнять, обращение к мыслительным способностям, к здравому смыслу;
- специальная последовательность действий преподавателя (например, сообщается всей учебной группе условие задания и лишь после этого один из обучаемых вызывается к доске);
- опора на мнение обучаемых, на их практический опыт;
- точное указание времени, отводимого для самостоятельной работы;
- перевод индивидуального ответа обучаемого в объяснение и уточнение материала для всего учебного отделения;
- актуализация, установка на важность, мотивирование деятельности обучаемых;

- согласование преподавателем своих действий с учебной группой;
 - импровизация в процессе проведения всех форм учебных занятий;
 - аудиовизуальное взаимодействие со всей аудиторией во время ответов отдельных обучаемых;
 - обращение с обучаемыми на «вы»; местоимение «мы» во взаимодействии обучаемого с обучаемыми на занятии;
 - тихий опрос;
 - демонстрация экспериментов;
 - демонстративное огорчение ленью, неудачами обучаемого;
 - направление непроизвольно возникающих ситуаций на педагогические цели;
 - создание ситуации неожиданности, новизны;
 - лексическая смысловая инструментальность;
 - лексическая и интонационная инструментальность внушения;
 - интригующая инструментальность;
 - «нашёптывание на ухо»;
 - «задания в темноте»;
 - опора на положительное в личности обучаемого, на индивидуальные особенности;
 - опора на специфические особенности учебной группы, курса, коллектива обучаемых;
 - опора на актуальный психологический, интеллектуальный и моральный потенциал учебной группы, на настроение, темперамент;
 - свободный выбор индивидуального задания;
 - последовательная постановка вопросов (таким образом «слабые» получают алгоритм ответов);
 - работа обучаемых «по желанию»;
 - чередование, смена содержания деятельности (разрядка, снятие напряжения у обучаемых).
- Формы организационно-предметного взаимодействия следующие:
- объяснительное взаимодействие с обучаемым у доски по за-

трудняющему всех вопросу, с опорой на аудиторию;

- уточняющее, дополнительное объяснение вопроса учебной группе через отвечающего у доски (или с места) обучаемого с дополнениями и корректировкой преподавателем

Наводящее или доказательное взаимодействие при решении практических задач, ситуаций, примеров с пояснением на доске;

- совместный просмотр и анализ слайдов;

- индивидуальная работа с обучаемыми у доски;

- совместное планирование предстоящей работы на занятии;

- совместное придумывание деловой или ситуационной игры.

Формы оценки взаимодействия преподавателя с обучаемыми:

- устное поощрение, похвала, одобрительная улыбка;

- сообщение вслух об индивидуальных успехах отдельных обучаемых в процессе выполнения заданий;

- доброжелательное удивление или восхищение отличным или хорошим ответом;

- аргументация оценок;

- открытый учёт знаний (группирование обучаемых по успеваемости: 5-4; 4-3; 3-2);

- оценка работы и результатов деятельности группы обучаемых (например, по рядам: в процессе занятия накапливаются оценки за индивидуальные ответы, а учебной группе выводится общая оценка).

Другой вектор в анализе образовательного процесса – это взаимодействие обучаемых с преподавателем. Исходно для обучаемых это формальный аспект (форма), это вынужденное взаимодействие, особенно при поточно-групповом методе обучения, единственным мотивом которого выступает образование – как неперсонифицированная культурная необходимость.

В поточно-групповой системе образования обучаемый не выбирает преподавателя. Обучаемый вынужден взаимодействовать с

тем преподавателем, который «достанется». Вне взаимодействия с преподавателем в аудитории на занятии деятельность учебного познания не происходит. Особенность состоит в том, что перспективы ценностного развития поточно-группового, познавательного взаимодействия полностью зависят от преподавателя. Обучаемые, даже не испытывая потребности во взаимодействии с преподавателем, скажем, в силу его личностных характеристик, объективно, по форме поточно-группового обучения стоят перед необходимостью взаимодействия. А это значит, что обучаемые всегда испытывают потребность в психологически комфортном и профессионально адекватном взаимодействии преподавателя с ними.

Продвижение в познании обучаемых всецело зависит от профессиональных качеств преподавателя, способного (или не способного) обеспечить познавательное взаимодействие. Высокий профессионал всегда стремится к скорейшему переводу взаимодействия по мотивам неперсонифицированной культурной необходимости во взаимодействие по мотивам познавательного общения обучаемых с преподавателем, к взаиморазвивающему и взаимоусиливающему познанию и общению. Вот почему преподаватели-новаторы так настаивают на сотрудничестве как основополагающем принципе педагогической деятельности, который заложен в основу функционирования европейской модели образовательного процесса, к которой со временем должна перейти и Россия.

К сожалению, в образовательном процессе некоторых учебных заведений часто наблюдается деградирующее взаимодействие обучаемых с преподавателем. В одних случаях обучаемые оказываются не включёнными в учебное познание, а в других, испытывая волевое или иное давление со стороны преподавателя и участвуя в познании, приобретают устойчивое негативное отношение к учебной деятельно-

сти, к конкретной учебной дисциплине. Отсюда потребность обучаемых в общении с преподавателем в учебном познании – есть другая, не менее важная цель преобразующей педагогической деятельности, цель, достижение которой происходит в развитии взаимодействия по обстоятельствам через мотивы познавательного общения и сотрудничества с преподавателем.

Взаимодействие обучаемых друг с другом – это еще одна форма взаимодействия, которая оказывает существенное воздействие на эффективность учебного процесса. Этот вектор также чрезвычайно важен для анализа, потому что оказывается фактором, опосредующим как педагогическую преобразующую деятельность, так и учебное познание обучаемых.

Дело в том, что анализируемое взаимодействие вызвано к жизни особенностями поточно-группового образования и выступает его обязательным системным звеном. Взаимодействие обучаемых в учебном познании в аудитории на занятии является следствием массовой культуры современного образования. Каждый обучаемый в иных обстоятельствах предпочел бы и, возможно, обнаружил более высокие успехи, например, в индивидуальном взаимодействии с преподавателем.

Познание исходно не предполагает взаимных действий обучаемых. Признака поточно-группового обучения еще недостаточно, чтобы, например, вести речь о познавательном взаимодействии обучаемых, а тем более о познавательном общении. Другое дело – познавательное взаимодействие обучаемых может быть предусмотрено специальной методикой. Кроме того, «работа обучаемых рядом» потенциально возникновением познавательного взаимодействия по мотивам личного свойства:

- отзывчивости на затруднения других в познании;

- взаимовыручки на основе симпатий друг к другу и т.п. Здесь

кроются потенциалы перевода мотивов общения в мотивы обучения.

Поскольку культура современного массового образования предполагает исходно «работу рядом» большой группы обучаемых, постольку объективно возникают взаимные действия в познании, в том числе и на разнообразных инопредметных основаниях, а не только на основании познания. Преобразующая педагогическая деятельность учебного познания значительно обуславливается складывающимися межличностными отношениями обучаемых. В не сложившихся отношениях в ходе учебного процесса обучаемые, тем не менее, вынуждены взаимодействовать, когда этого требуют формы работы, задаваемые преподавателем. В этом случае познавательное взаимодействие будет подавляться межличностным противодействием. Поэтому для преподавателей важной целью педагогической деятельности становится развитие поточно-группового системного взаимодействия из формы в качество общения как вида взаимодействия, как деятельности, мотивами которой становятся симпатии друг к другу, приятельские отношения, дружба, интерес к другому человеку и т.п.

Не существует каких-то особых форм взаимодействия обучаемых с преподавателем или обучаемых друг с другом в ходе занятия, которые бы не были заданы методическим замыслом преподавателя. То есть дело не в формах взаимодействия, а в отношениях субъектов педагогического и образовательного процессов.

Можно привести некоторые примеры форм взаимодействия субъектов образовательного процесса с вектором от обучаемых к преподавателю или обучаемых друг к другу:

– одновременное выполнение задания одним обучаемым у доски с комментированием, а всей учебной группой – в рабочих тетрадях или на компьютерах;

– взаимное редактирование, рецензирование выполненных работ, заданий, проектов, расчётов;

– взаимопроверка работ обучаемыми;

– работа парами, группами;

– коллективное принятие управленческих решений по игровым ситуациям;

– выполнение всей учебной группой заданий, подготовленных отдельным обучаемым на соответствующую тему (предвосхищается консультацией преподавателя);

– соревнования, инсценировки;

– дискуссии, диспуты, диалоги, игры: интервью, пресс-конференции, аукционы;

– собеседования;

– самооценка (например, по результатам взаимного опроса);

– общественная оценка (учебное отделение оценивает работу отдельных учащихся).

Организация педагогического взаимодействия базируется на ряде известных теоретических подходов к проблеме процесса обучения:

теория учебной деятельности как попытка реализации принципа деятельностного подхода к самостоятельной учёбе и всему процессу изучения (Н.Н. Нечаев, Б.Ц. Бадмаев и др.);

проблемно-деятельностный подход – стремление решить проблему за счёт использования форм и методов активного взаимодействия с обучаемым, обеспечивающим развитие творческого мышления, профессиональных знаний, навыков и умений обучающихся (А.Б. Барабанщиков, Э.Н. Коротков, А.М. Воробьев и др.);

знаково-контекстный подход – разработка учебно-воспитательной системы взаимодействия, способной моделировать и воспроизводить в сфере образования действительное богатство жизненных связей и отношений личности (А.А. Вербицкий);

методологизация обучения – совершенствование педагогического процесса за счёт при-

влечения специальных средств методологического анализа деятельности и мышления, форм игрового моделирования, способных развивать профессиональные качества (Г.П. Щедровицкий, О.С. Анисимов и др.);

гуманизация образования – развитие профессионально значимых качеств обучающихся за счёт соединения процесса усвоения знаний с процессом их смыслового накопления во время педагогического взаимодействия (В.П. Зинченко, А.Г. Асмолов, В.Ф. Перевалов и др.).

Анализ данных подходов позволяет выделить следующие тенденции к развитию процесса педагогического взаимодействия

во-первых, осуществляется переход на «инновационный» тип обучения, которому присущи обучение предвидению, т.е. подготовка его к использованию методов прогнозирования, моделирования и проектирования в жизни и профессиональной деятельности; включённость педагогического сотрудничества в процессе принятия решений о преднамеренных изменениях личности;

во-вторых, основанная на принципе «педагогической целесообразности» последовательная трансформация одной формы учения в другую всё более приближается к формам организации деятельности. Отбор форм и содержания, идя в двух встречных направлениях – со стороны науки и со стороны практической деятельности, структурируется по логике развёртывания учебного предмета, как предмета профессионального труда и подготовки к нему личности;

в-третьих, качеством адекватности обладает не какой-либо подход, отдельный метод обучения, а вся совокупность форм – традиционных и новых; адекватность теоретических оснований любого метода или их группы связана с определением области их использования, целей и эффективности применения.

Исходя из содержательного анализа дидактических концепций и научных подходов к организации педагогического взаимодействия, мы считаем целесообразным построение системно-ситуативной модели педагогического взаимодействия позиций теории управления. Концептуальная основа сформулированной В.Я. Якуниным модели базируется на идеях и теоретических взглядах Б.Г. Афаньева, П.К. Анохина, Б.Ф. Ломова, Н.В. Кузминой, В.Д. Шадрикова и других отечественных учёных.

Содержание данного подхода можно свести к следующему ряду положений:

1. Если воспитание и обучение рассматривать как организованную форму социальных воздействий, то тогда они могут быть описаны с позиций теории управления. Признание управления в качестве механизма обучения позволяет рассматривать его как процесс управления развитием человека.

2. В процессуальном плане педагогическое взаимодействие может быть представлено как единство основных функций, последовательно и циклично сменяющих друг друга, тем самым образующих определённую педагогическую технологию. Она складывается из процессов целеполагания, информации, прогно-

зирования, принятия решения, организации исполнения, коммуникации, контроля и коррекции при ведущей роли целеполагания.

3. Циклический характер управления в педагогическом взаимодействии связан с последовательным переводом обучающихся из одного психологического состояния в другое, что предопределяет постоянный и поступательный процесс их развития.

Деятельность обучающегося и обучающего может быть описана единой функциональной схемой, поскольку в обучении каждый из них

1. Выступает в качестве субъекта управления по отношению к другим или к самому себе.

2. Позиция обучающегося в качестве субъекта педагогического взаимодействия, а именно субъекта управления и самоуправления, является фактором развития и саморазвития его личности.

3. Критериями эффективности обучения, воспитания и педагогического взаимодействия могут быть содержание и уровень сформированности у обучающихся основных функций управления, выступающих в их устойчивых формах как социально и профессионально значимые качества. При этом социальное и профессиональное становление личности рассма-

тривается как форма его психического развития.

Таким образом, исходя из принципов «дополнительности» и «педагогической целесообразности», на основе модели управления педагогическим взаимодействием можно выделить взаимосвязанные научно-практические подходы при превалировании тех или иных на соответствующем этапе педагогического процесса (исходя из критериев их адекватности).

В свою очередь это требует применения критерия «обоснованности использования данных психолого-педагогической диагностики, их достоверности» при разработке и адаптации модели педагогического взаимодействия. При этом основными интегральными показателями, характеризующими результирующие и процессуальные проявления системных объектов в процессе педагогического взаимодействия, являются: эффективность, качество и надёжность функционирования.

В заключение хотелось бы отметить, что правильно организованное взаимодействие между преподавателем и обучаемыми, в зависимости от вида, целей и методов проведения всех видов занятий, способствует повышению качества учебного процесса и воспитания студентов.

Е.В. ДВОРЕЦКАЯ, доктор философских наук, профессор НОИР
E. Dvoretzkaya, doctor of philosophical Sciences, Professor NOIR

Этическое образование взрослых в условиях непрерывного образования: проблемы и перспективы

Ethical adult education in terms of lifelong education: problems and prospects

Аннотация: Автор размышляет о проблемах и трудностях современного этического образования, о формах, методах и неоднозначности образовательных подходов. Но, несмотря на обозначенные трудности, этическое образование является необходимым для духовно-нравственного возрождения общества.

Abstract: the Author reflects on the problems and difficulties of modern ethical education, forms, methods and ambiguity of educational approaches. But, despite the identified challenges, ethical education is necessary for the spiritual and moral revival of society

Ключевые слова: этика, мораль, уровень жизни, педагогика, нравственность, образование, политика, формирование личности, добро, зло, взрослое население, этическая ориентация личности, моральное поведение, моральный поступок.

Key words: ethics, morals, standards of living, education, morality, education, politics, personality formation, good, evil, adult population, the ethical orientation of personality, moral behavior, moral thing to do.

Необходимость в образовании взрослого населения во многом продиктована стремительными изменениями в экономической и социальной сферах жизнедеятельности современного человека. Без цифровых технологий и биотехнологий современное производство уже невозможно. Даже высококвалифицированные специалисты оказываются неконкурентоспособными, если не овладели компьютерной грамотностью, не приобрели новых знаний, не освоили принципы высоких технологий и т.д. Экономический успех во многом зависит от степени образованности основной массы трудоспособного населения, то есть взрослых. Во-первых, по оценкам экономистов, за счёт совершенствования образования США, Германия, Япония получают 40-60% прироста национального дохода. Во-вторых, введенный ЮНЕСКО «индекс человеческого развития», позволяющий сравнить развитие

стран, включает в себя три основных показателя:

1) уровень жизни, измеряемый доходом на душу населения с учётом уровня внутренних цен на товары и услуги;

2) продолжительность жизни, которая свидетельствует о состоянии здоровья населения;

3) уровень образования населения. Таким образом, от уровня образования во многом зависит, входит страна в разряд развитых стран или же разделяет участь бедных стран «третьего мира».

В 1970 году, по данным ЮНЕСКО, СССР с индексом 0,842 находился на двадцатом месте в мире, пропуская вперёд развитые страны Запада и Японию. В 1992 году Россия занимала уже 52 место, пропуская вперёд многие страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, Польшу, Чехию, Словакию и прибалтийские страны. На начало 1995 года, по расчётам проф. В.И. Жукова, существующий «индекс челове-

ческого развития» существенно уменьшился и Россия «очутилась» во второй сотне государств, то есть среди стран «третьего мира». В стремительно меняющемся обществе, в конечном итоге, во многом именно от образованности взрослого населения зависит степень развития страны и её конкурентоспособности на мировом рынке, точнее, от качества образовательных услуг, предоставляемых взрослому населению, и от количества задействованных в образовательном процессе взрослых.

Можно найти различные трактовки понятия «взрослость» в современной литературе: с точки зрения психофизиологической, социальной, гражданственно-правовой, экономической, философской и т.д. Наиболее обоснованным предстаёт подход В.П. Лаврентьева к определению взрослости через меру ответственности, где каждая ступень социальной взрослости, желание

и способность «нести перед кем-то ответственность, подкрепляется узаконенным «допуском» к этой ответственности со стороны общества на уровне Конституции» [1]. Итак, 18-летние (первая ступень социальной зрелости) могут «самостоятельно осуществлять в полном объёме свои права и обязанности» (статья 60); не только «заботиться о нетрудоспособных родителях, находясь в трудоспособном состоянии» (статья 38), но и «избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления» (статья 32). 21 год – вторая ступень социальной зрелости. Достижение этого возраста молодые люди уже достаточно взрослые, чтобы не только взять на себя ответственность, но и действительно заботиться о благосостоянии российского народа, а, следовательно, могут быть избраны в депутаты Государственной Думы (статья 97). И, наконец, третья ступень социальной зрелости – 35 лет. Именно в этом возрасте взрослый человек достигает вершины социальной зрелости, и полнота ответственности насыщена определённым сформированным мировоззрением, что открывает возможность стать Президентом Российской Федерации (статья 81 Конституции) [2].

Таким образом, образование взрослых по своей сути должно быть ориентировано, во-первых, на разработку и внедрение таких образовательных дисциплин, которые, помимо обучения прагматическим навыкам, могут способствовать успешному становлению социальной зрелости, то есть помогать молодым людям от 18 до 35 лет обрести социальную зрелость. Во-вторых, образование взрослого населения после 35 лет также крайне необходимо, так как именно эта масса населения является экономической и социальной опорой любого государства. Методы и цели данного образования иные, ведь развитие уже сформирова-

ровавшейся личности, пожалуй, труднее, чем формирование ещё не окрепшей, не созревшей личности.

В начале 90-х не только Россия, но и Европа столкнулась с серьёзными экономическими проблемами, вызванными изменениями в производственных, торговых и инвестиционных моделях. Это привело к росту структурной безработицы и большому разрыву в профессиональных навыках и умениях. Основу экономики современного развитого общества составляют нематериальные товары и услуги, поэтому знания и умения приобретают первостепенное значение. Всё сильнее увеличивается разрыв между теми, кто преуспевает на рынке труда, постоянно поддерживая и обновляя свои навыки, и теми, кто безнадежно отстаёт, не поспевая за стремительно растущими профессиональными требованиями. Умение учиться, умение адаптироваться к переменам и умение ориентироваться в потоке информации становятся необходимыми навыками для адаптации к потребностям рынка труда. Решение этих проблем возлагают на реформы в системе образования.

В современной России, как и во всём мире, система образования переживает глобальные изменения от «образования на всю жизнь» к «образованию через всю жизнь». Приоритеты в дидактических и методологических подходах к образованию в педагогике конца XX столетия в основном обусловлены нарастанием потока информации во всех областях знания и необходимостью для специалиста достаточно свободно ориентироваться в этом потоке. Цель образования не сводится к набору определённых навыков и умений, которые помогут личности обрести своё место в жизни, быть полезной обществу. Скорее цель образования – развитие и совершенствование личности. Социально-экономические перемены требуют нового набора не-

обходимых базовых знаний, умений и навыков, обеспечивающих активное участие в профессиональной, семейной и общественной жизни. Такими навыками признаны: *компьютерная грамотность, знание иностранных языков, технологическая культура, предпринимательство и социальные навыки*. Социальные навыки, например, такие, как уверенность в себе, ответственность за свою судьбу, умение рисковать, – становятся всё более важными в современном мире. При этом формирование и развитие социальных навыков, в том числе и социальной ответственности, являются приоритетными направлениями в образовании.

Общепризнано, что процесс формирования личности во многом совпадает с процессом социализации личности, хотя и не сводится к нему. Эмиль Дюркгейм в начале 20-го столетия, анализируя взаимозависимость между «воспитанием обществом» и «воспитанием общества», приходит к выводу, что выживание общества целиком зависит от совершенствования системы образования. Он писал: «Когда моральные силы общества остаются латентными, когда оно не занято достижением какой-либо новой цели, оно теряет чувство правильного пути, а его силы используются ужасным и вредным образом. Точно так же, как человеку необходима трудная работа тем больше, чем более он образован, культурен, цивилизован, так же, чем более продвинута и сложна умственная и нравственная организация общества, тем более необходима ему духовная пища, цель, направление деятельности. Всегда новые, всё более новые и новые! Еще раз – новые» [3].

В настоящее время ориентация Европейского Союза на формирование «общества, основанного на знаниях» (*knowledge based society*) становится весьма популярной целью построения будущего общества во всём мире.

Однако осуществление этой цели сталкивается с серьёзными проблемами. Дело в том, что совершенствование коммуникационных технологий приводит к тому, что личность «насильственно» погружается во всё возрастающие информационные потоки, сталкиваясь с альтернативными стилями жизни и смыслообразующими ценностями, что действует отрицательно на личность, разрушает её целостность. Механизм подражания трансформируется в процесс идентификации при социализации личности. Поль Рикер проанализировал этимологию понятия «идентичность». Согласно его исследованию, данное понятие имеет происхождение от слова «idem» (лат.) – «идентичный», которое является синонимом «в высшей степени сходного», «аналогичного», и от слова «ipse» (лат.) – «идентичный», связан с понятием «самости» («ipse-ite»), «себя самого» [4]. Проблема как раз заключается в том, что взрослый, сформировавшийся индивид должен измениться сообразно изменяющемуся миру. При этом именно его «самость» ставится под вопрос. В «социально насыщенном мире» [5], каким является наш мир с всё возрастающими столкновениями с Другими, с их «правдой» жизни, современный человек «перегружен» разнообразием моделей и стилей жизни. И, как следствие, он утрачивает основы осмысления, поскольку для настоящего времени характерны неясность отношений между выражением, экспрессией и их психологическим происхождением. Выражение, как отмечал Лакан, действительно становится свободно плавающим означающим без специфически означенного.

Рост коммуникационных возможностей увеличивает и ускоряет круговорот свободно плавающих означающих, подвергая сомнению само существование «внутреннего мира» человека, наличие некоего субъективного центра человеческого существования,

которые дают возможность чётко обозначить контекст выражения на основе своих собственных ментальных переживаний. Знаменитая деконструкция собственного Я, провозглашенная Дерридой, или «исчезновение автора» Фуко выступают ярким свидетельством данного процесса. Ценностные предпочтения личности подвергаются разрушительному воздействию, они ставятся под сомнение ценностными ориентирами других сообществ, в окружении и на фоне которых личности предстоит существовать. Следствием этого является растерянность и неуверенность личности, неспособность к плодотворному существованию в новых условиях. Особенно это заметно в среде иммиграции. Учитывая, что в современной России миграционные процессы приобретают всё больший и больший размах, этическое образование взрослых, которое может способствовать переосмыслению ценностных предпочтений, выбору приемлемых нравственных ориентиров, становится необходимым. Нравственная позиция личности «собирает» личность воедино, придаёт ей цельность и уверенность в себе, в правильности своего поступания, наполняя жизненной мощью все сферы бытия личности.

Особенностью коммуникации является то, что личность учреждается в качестве частности, ей приписывается логический статус третьего лица – он, она. То есть личность не утверждается в качестве сущности, способной обозначить себя, а скорее выступает в качестве одной из сущностей, о которых мы говорим или на которую ссылаемся. Поэтому в основе идентификации коммуникативной личности лежит не «это – я или моё», а «это – относится ко мне». Это ставит под сомнение существование собственного Я личности, как основы самоидентификации и источника автономии личности. Если личность не автономна, то мы не можем го-

ворить о моральном поступании как таковом, так как в этом случае личности не может быть вменено совершаемое ею действие и личность не несёт моральной ответственности. Как убедительно аргументировал Гегель, «хотя все изменения как *таковые*, поскольку они положены деятельностью субъекта, являются его *делом*, однако из-за этого он ещё не признаёт их за свой *поступок*, но действительно признаёт своей *виной* только то наличное бытие в действительности, которое заключалось в его *знании и воле*, только то, что было его *умыслом*, было *ему принадлежащим*» [6].

Конечно, чётко артикулированные в обществе моральные ценности являются не только основанием сплочённости общества, как отмечали ещё О. Конт и Э. Дюркгейм, но и выступают нравственными ориентирами для индивидов, способствуя их более нравственному поведению. Однако следует помнить, что без свободного волеизъявления автономной личности моральный поступок невозможен. Поэтому этические рецепты Скиннера по «созданию такого типа социального окружения, который *принуждает* (выделено мною. – Е.Д.) человека поступать морально» [3] не могут быть действенными. Скорее они приведут к наличию «двойной» морали в обществе, что и наблюдалось в советский период в России, несмотря на хорошо прописанный «Моральный кодекс строителя коммунизма». Следствием подобного развития современного общества может быть лишь моральный коллапс, который и наблюдается повсеместно, что находит своё выражение и в кинопродукции, и в литературе, и в средствах массовой информации.

Духовно-нравственное возрождение общества возможно путём преобразования самой личности. Становление социальной ответственности предполагает возрастание моральной ответ-

ственности личности. В своём труде «К философии поступка» М. Бахтин убедительно доказывает, что ответственность невозможна без некоей должной установки сознания, нравственно значимой и ответственно активной. Именно это ответственно осознанное движение сознания превращает возможность в действительность осуществлённого поступка, поступка-мысли, чувства, желания и пр. При этом Бахтин подчёркивал, что нет определённых и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определённой структурой (конечно, не психологической или физической). Этическое образование взрослых призвано способствовать совершенствованию нравственных субъектов посредством осознания ими своих ценностных предпочтений, ориентации на «высшие» ценности для достижения полноты существования, способности осмысленно перестроить иерархию ценности материальных и духовных благ, умению рефлексировать и контролировать свои душевные и духовные порывы. Иными словами, усвоение нравственного опыта, накопленного человечеством, будет способствовать повышению нравственности поведения личности.

Образование взрослых в России на сегодняшний момент в основном прагматически ориентировано. Предполагается, что достаточно освоить новую специализацию или повысить квалификацию для того, чтобы успешно адаптироваться к требованиям современного общества. При этом забывается, что сам процесс адаптации (как и вся жизнедеятельность человека) подвержен моральной оценке «хорошо» – «плохо». Моральная оценка человеческого поведения зависит не только от результатов, видимых постороннему наблюдателю, но и от мотивов, внутренних, личностных побуждений к деятельности: потребностей, ин-

тересов, желаний, целей и т.д. Поступок, совершённый личностью, при соотнесении мотивов и результатов всегда оценивается по шкале «добро»-«зло». При этом учитывается и то напряжение воли, которое потребовалось для совершения морального поступка и формирования добродетели. Как справедливо подметил Марк Твен, «когда люди определённого типа совершают доброе деяние, мы оцениваем его в тысячу раз выше, чем то же деяние, но совершённое хорошим человеком, – принимая во внимание огромные усилия, которых оно стоило» [8]. Кант был ещё более категоричен, считая, что «суть дела не в поступках, которые мы видим, а во внутренних принципах их, которые мы не видим» и ценность поведения зависит «не от действительности объекта поступка, а только от *принципа волеия*, согласно которому поступок был совершён безотносительно ко всем объектам способности желания» [9].

Воспитание воли возможно лишь через обряд инициации, что хорошо было прочувствовано ещё на заре существования человечества. В «примитивных» обществах обряд инициации является неотъемлемым атрибутом. Значению обряда инициации посвящены не только работы Леви-Стросса, но и многих современных антропологов. Мощь воли усиливается, когда личность свободно избирает учреждение себя в нечеловеческие условия существования, осознанно идёт на риск, подвергая себя опасности быть физически уничтоженной. В цивилизованных обществах с ориентацией на «безопасность и комфорт» данные обряды аннулированы, они сохраняются только в асоциальных сообществах. Хотя можно отметить, что обряды инициации проявляются и в цивилизованных сообществах. В некоторых американских университетах обряд «посвящения в студенты» является крайне опасным для жизни, как отмечают специ-

алисты, но, несмотря на попытки администрации его упразднить, он всё же продолжает существовать.

Воспитание воли, воспитание мужества, умения превозмочь свои страхи и фобии – сугубо личностный процесс, причём основанием может быть лишь свободное волеизъявление. Личность свободна и независима от «механизма всей природы» [10], и подчиняется лишь данным собственным разумом «чистым практическим законом» [11]. Как лаконично определил Кант: «... лицо, как принадлежащее чувственно воспринимаемому миру, подчинено собственной личности, поскольку оно принадлежит и к умопостижаемому миру» [12]. Именно поэтому личность является целью сама по себе. Свобода личности и подчинение только закону, который она даёт сама себе разумом, а не подчинение условиям времени, и даёт возможность говорить о каждом нарушающем закон поступке, что его можно было бы и не совершать, хотя как явление этот поступок вполне предопределён. На этом основании базируется совесть, призывая к моральной ответственности за совершённый поступок вне зависимости от времени совершения

В воле разум является побудительной причиной поступка, что открывает возможность действительности желаемых предметов, так как благодаря разуму нечто становится объектом. Желаемое предстает таковым потому, что мы представляем его себе как добро, вследствие идеи Добра. Добрым или злым может быть или поступок, или образ действий, максима воли, а, следовательно, действующее лицо как добрый или злой человек, а не вещь или представление о ней. «Различие между законами такой природы, которой *подчинена воля*, и такой *природы, которая подчинена воле* (касательно отношения воли к её свободным поступкам), покоится на том, – убедительно аргументи-

ровал Кант, – что в первом случае объекты должны быть причиной представлений, которые определяют волю, а во втором воля должна быть причиной объектов, так что причинность этой воли имеет своё основание определения исключительно в способности чистого разума, которая может быть поэтому названа также чистым практическим разумом... и законом возможного, вовсе не эмпирически познаваемого естественного порядка» [13].

Этот возможный порядок и может выступать в качестве должностования. Этический долг, или «мораль внутри нас», по меткому определению Канта, отличается от юридических законов, призывающих к определённому допустимым действиям, которые очень часто нарушаются, так как не являются «внутренними» законами личности. Михаил Бахтин, со свойственной ему тщательностью в определении понятий, дал следующее определение понятия долга: «Долженствование впервые возможно там, где есть признание факта бытия единственной личности изнутри её, где этот факт становится ответственным центром, там, где я принимаю ответственность за свою единственность, за своё бытие» [14]. Долженствование – это осознанное движение сознания, превращающее возможность в действительность, это нравственно значимая и ответственно активная установка сознания. Иными словами, говоря современным языком, для должного поступания необходимо приобрести определённые навыки и умения, которые могут быть даны лишь посредством этического образования. Этическое формирование личности действительно позволяет изменить мир к лучшему, так как этика имеет скорее дело с тем, чему следует прозойти, а не с тем, что случилось.

Конечно, основание долженствования по-разному аргументируется в различных этических концепциях, которые зачастую

противоположны как эмотивизм и формализм в этике. Но, тем не менее, следует согласиться с определением этики, данным Николаем Бердяевым. «Этика, – писал Бердяев, – не есть социологическая и психологическая наука, отыскивающая законы сущего, это – философская дисциплина, устанавливающая нормы должного. Этика начинается противоположением *сущего* и *должного*, только вследствие этого противоположения она возможна. Отрицание должного, как самостоятельной категории, независимой от эмпирического сущего и не выводимой из него, ведёт к упразднению не только этики, но и самой нравственной проблемы» [15]. Этическая ориентация личности способствует сохранению общества, задавая развитию общества должную направленность, то есть нацеленность на осуществление блага. Это является определяющим фактором при построении нового «общества, основанного на знании», поэтому проблема этического образования становится насущной потребностью во всём мире.

В современной образовательной системе можно выделить три основных направления в преподавании этики: прагматическое, воплощённое, т.е. через прочувствование, и теоретическое. Прагматический подход нацелен на преподавание определённых правил поведения, продиктованных этическими стандартами той или иной практической деятельности. В основном это сводится к усвоению этических кодексов профессиональной деятельности. Например, этика управления, этика бизнеса, журналистская этика, юридическая этика и т.д. Несмотря на свою полезность, прагматический подход не очень эффективен, так как в меньшей степени, чем остальные направления, способствует развитию морального сознания.

Воплощённое прочувствование моральных норм и стандар-

тов достигается через углубление самоидентичности студентов. Отвечая на вопрос «Кто я?», «Какой я?», студенты постигают этические требования не прагматически, а холистически. Такое преподавание требует интердисциплинарного подхода. Этико-аксиологический дискурс основывается на актах, непосредственно связанных с удовольствием, желаниями, целями, признанием благ в качестве избранных, заслуживающих высокой оценки, похвалы и пр. Поэтому во многих этических концепциях размышления о Благе включали в себя не только подробное описание различных видов добродетелей, но и детальную классификацию удовольствий, имеющих отношение к раскрытию понятия «блага». Апелляция к нравственному опыту и критическое осмысление собственных ценностных ориентиров способствует нравственному самосовершенствованию личности. Возможно, что данное направление в этическом образовании взрослых наиболее приемлемо.

В преподавании этики в основном преобладает теоретическое направление. Через изучение этических концепций, моральных теорий и принципов морали студенты научаются критическому анализу морального поведения, что способствует углублению и становлению их собственных моральных установок. Изучение этики Аристотеля, Канта, Спинозы и т.д. преобразует сознание студентов, изменяет структуру сознания и помогает понимать, какое поведение должно быть, что есть Добро и Зло. Эти два направления в преподавании этики влияют на формирование морального сознания и этичность поведения, так как развивают степень осознанного отношения к своему поведению.

Теоретическое направление в преподавании этики было и остаётся наиболее распространённым, так как согласно исследованиям многих философов, начиная

от античности и до наших дней, именно рассуждение способно из многих представлений составить одно, которое является большим благом. Аристотель полагал, что в процессе рассуждения о том, какое благо предпочтительно, следует предпочитать более длительное и более прочное основание, то, что желательно ради него самого, а не ради другого, но следует принимать во внимание и то, что полезно для данного случая [16]. По мнению Аристотеля, лучше и предпочтительнее то, что согласуется с лучшим знанием, а для отдельного человека – то, что согласно с его собственным знанием.

Однако определение того, что есть высшее благо, даётся не на основании того, что известно каждому, а на основании того, что известно вообще. Известное вообще не может быть известно всем, а только тем, у кого хорошие умственные способности. Аристотель пришёл к выводу, что при определении большего блага хорошие умственные способности позволяют использовать все средства построения умозаключения. А именно: 1) принятие положения; 2) умение разобрать в скольких значениях употребляется каждое из них; 3) нахождение различий; 4) рассмотрение сходства. При принятии положения следует приводить или мнения всех, или мнения большинства людей, или мнения мудрых. Аристотель был уверен, что именно знания мнения мудрых способствуют определению большего блага. Скорее всего, данный постулат можно взять за основу при составлении программы этического образования.

Помимо этого, этическое образование сталкивается с тем, что понимание добра и зла не может быть формализовано, да и полностью вербализировано. М. Полани в своей работе «Личностное знание» убедительно доказал, что символические обобщения и концептуальные модели передаются

в виде текстов, могут быть эксплицированы в виде явного знания, однако существует и неявное знание, без которого практическое освоение мира невозможно. «В самом сердце науки, – писал Полани, – существуют области практического знания, которые через формулировки передать невозможно» [17]. Ценностные ориентации принадлежат к разряду неявного знания. В основном они усваиваются по непосредственным образцам, передаются от поколения к поколению как родной язык, логические формы мышления и базовые категориальные структуры на уровне непосредственной демонстрации образцов деятельности.

Тем не менее, неявное знание «вплетено» в явное знание. То есть образцы решения конкретных задач, которые составляют основу образования как такового, без которых приобретение определённых навыков и умений просто невозможно, могут быть эксплицированы и существовать в виде текстов. Но эти тексты следует воспринимать именно как образцы, а не как словесные предписания или правила. Изучение математических теорем, способность их воспроизвести позволяет приобрести навыки математического рассуждения вообще, так как доказательство математической теоремы, помимо явного знания конкретной теоремы, содержит и неявное знание того, как следует строить математическое доказательство как таковое, что способствует формированию математического мышления. Этические концепции также содержат неявное знание, которое формирует моральное сознание и влияет на практическое поведение. В качестве образца этические концепции позволяют приобрести навыки этического рассуждения вообще, умение различать добро и зло, понимание высшего блага. Данные навыки помогут принять этически верное решение

Этическое образование взрослых посредством усвоения этических концепций сталкивается с серьёзными проблемами. Во-первых, для того чтобы осмысление этических концепций действительно способствовало нравственному совершенствованию личности, необходимо тщательно изучать «первоисточники», что зачастую весьма сложно из-за стиля изложения и категориального аппарата, с трудом усвояемого «обыденным сознанием». Во-вторых, «экономичность» современного образования, направленность на получение образования в максимально сжатые сроки не предоставляет достаточного времени для изучения и осмысления этической проблематики. Но, несмотря на обозначенные трудности, этическое образование является необходимым для духовно-нравственного возрождения общества.

Более того, как справедливо заметил Петер Козловски, «простое суммирование индивидуальных предпочтений и простое сложение особых волей в единое политическое или социально-экономическое решение не обеспечивает разумную всеобщность, если всеобщая воля не превосходит уже в индивидуальных предпочтениях или не совпадает с ними» [18]. По его мнению, в современном социуме лишь два выхода возможны из существующего положения: «1. Однажды индивиды должны постараться предвосхитить в своих предпочтениях всеобщее, т.е. поступать морально. 2. Политическое руководство и парламент как полномочные органы общества должны предвосхитить всеобщий интерес как результат возможного идеального дискурса и «самоотверженно» выступить в его защиту» [19].

Проблема соотношения этики и политики или морали в политике – одна из наиболее актуальных тем современности. Моральность поступка, предвосхищение всеобщего

в своих предпочтениях, базируется на правильной ценностной ориентации. Для этого этические нормы, существовавшие и существующие, обозначенные в этических теориях, должны быть субъективно признаны и освоены. Что ещё раз свидетельствует о важности этического

образования для нравственного самосовершенствования личности, ведь человек – это возможность стать человеком, как тонко подметил М. Мамардашвили. Этическое образование способствует раскрытию в человеке сущностных сил и обнаружению их взаимопроник-

новения (воля и разум). И в этом случае действительно «речь идёт уже не столько о приспособлении к существующему социальному опыту, о воспроизводстве знаний, сколько о выработке в процессе образования личной экзистенциальной позиции» [20].

Литература:

1. В.П. Лаврентьев «Онтология образования взрослых». Часть 1. – СПб., 2002. – С. 63.
2. Там же, с. 62.
3. Цит. По: Б.М. Бим-Бад. «Педагогические течения в начале двадцатого столетия». – М., 1994. – С. 41.
4. Поль Рикер. Герменевтика, Этика, Политика. – М., 1995. – С. 19.
5. Gergen, K.J. The saturated self. New York: Basic Books, 1991, p. 37.
6. Гегель. Сочинения. Т. 3. – М., 1956. – С. 302.
7. Skinner В.Ф. Beyond Freedom and Dignity. N.Y., 1971, p. 198.
8. Марк Твен. Письма с Земаи. – М., 1963. – С. 155.
9. Кант И., Сочинения. Т. 4, часть 1. – М., 1965. – С. 244, 235.
10. Кант И. Лекции по этике. – М., 2000. – С. 321.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же, с. 317.
14. Бахтин М. М. К философии поступка. <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html>
15. Бердяев Н. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма. – СПб., 1902. – С. 92.
16. Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 1. – М., 1976.
17. Полани М. Личностное знание. – М., 1985. – С. 89.
18. Козловски Петер. Очерки персоналистической философии. – СПб., 1997. – С. 206.
19. Там же.
20. Сенько Ю. Образование: обращённость в будущее // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2006, № 3. – С. 6.

М.Е. АПОН, кандидат исторических наук, зав. кафедрой НОИР
 M. Upon, candidate of historical Sciences, head. the Department NOIR

Проблемы методологии управления карьерой Problems of methodology career management

Аннотация: Проведение любого исследования предполагает уточнение его базовых понятий. К таковым относится и понятие «карьера». В настоящее время проблема успешной организации деловой карьеры подробно исследуется как зарубежными, так и отечественными специалистами в области управления персоналом. Значительный вклад в разработку общих и прикладных вопросов управления карьерой внесли: А.С. Гусева, С.И. Сотникова, А.В. Макаров, И.С. Мангутов, В.Ю. Иванов и др., среди зарубежных авторов известны работы Л. Яккока, Р. Уотерман, Б. Швальбе, А. Трейсон, Т. Питерс и др. Однако эти работы отражают лишь отдельные аспекты проблемы. В итоге сложилась ситуация, когда каждый из специалистов, используя данное понятие, выделяет в нём тот аспект содержания, который необходим с позиций его профессионального анализа.

Summary: Conducting any research suggests the refinement of its basic concepts. These include the notion of «career». At present the problem of successful business career detail analysis of both foreign and domestic experts in the field of personnel management. A significant contribution to the development of General and applied questions of career management was made by: ALEXANDER Gusev, S.I. Sotnikova, A.V. Makarov, I.S. Mangutov, V.Y. Ivanov and others, among the foreign authors of famous works of L. Iaccoca, R. Waterman, B. Shvalbe, A. Treason, T. Peters and others. However, these works reflect only some aspects of the problem. In the end, there is a situation when each of specialists, using this concept, highlights in it the aspect of content, which is required by its professional analysis.

Ключевые слова: карьера, профессия, статус, полномочия, навыки, деятельность, работник, мотивация, целенаправленное действие, самореализация, социальное признание, профессиональное обучение, личные интересы, текучесть кадров.

Keywords: career, profession, status, powers, skills, activities, worker motivation, goal-directed action, self-realization, social recognition, professional training, personal interests, employee turnover.

Обратимся к рассмотрению понятия – карьера. Термин «карьера» имеет много значений. Он происходит от латинского *carrus* – телега, повозка и итальянского *carriera* – бег, жизненный путь, поприще. Словарь иностранных слов определяет карьеру как:

1) успешное продвижение в области общественной, служебной, научной и пр. деятельности;

2) род занятий, профессию¹.

Приступая к рассмотрению данной проблемы, следует отметить, что среди специалистов по управлению персоналом наиболее популярным является определение карьеры как продвижение впе-

рёд по однажды выбранной линии работы. Это продвижение предполагает приобретение больших полномочий, более высокого статуса, престижа, власти. «Сделать карьеру», для нас, прежде всего, означает – добиться престижного положения в обществе и высокого уровня дохода. Такое понимание карьеры излагается во многих общетеоретических словарях и энциклопедиях. Так, в трактовку понятия «карьера» (фр. *carriere*) «Энциклопедический словарь работника кадровой службы» включает: продвижение в какой-либо сфере деятельности, достижение известности, славы, выгоды; род занятий, деятельности².

В словаре русского языка С.И. Ожегова слово «карьера» определяется как путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще, а также само достижение такого результата³. При этом отмечается необходимость разграничения понятий «деловая карьера» и «карьеризм». В первом случае речь идёт о людях, профессионально и лучше других делающих своё дело и получающих заслуженное повышение, во втором – занимающихся продвижением по службе в «личных, корыстных интересах».

Е.Ф. Яськов⁴ определяет карьеру как продвижение работника в профессиональном или должност-

¹ Словарь иностранных слов / Под. общ. ред. К.К. Радченко. – СПб.: Владес, 2004. – С. 115

² Энциклопедический словарь работника кадровой службы / Под общ. ред. В.М. Анисгова. – М., 1999

³ Ожегов СИ. Словарь русского языка. 13-е изд., 1981

⁴ Яськов Е.Ф. Теория и практика социального управления. Словарь-справочник. – М.: Академия управления МВД РФ, 1997. – С. 79

ном отношении от момента вступления его в сферу трудовой деятельности до момента выхода из неё. По его мнению, карьера включает в себя два аспекта: внешний и внутренний. Внешний аспект отражает общую последовательность профессий, видов труда и должностей, занимаемых работником на протяжении всей его трудовой деятельности. С точки зрения внутреннего аспекта, карьера выражается в динамике профессиональной мотивации и способностей, реализуемых в индивидуальных профессиональных решениях и поступках.

В.А. Дроздов⁵ понимает под служебной карьерой процесс успешного продвижения по ступеням служебной лестницы (вертикальная карьера), а также рост профессионального мастерства.

Ю.Г. Ожегов считает, что карьера – это результат осознанной позиции и поведения человека в области трудовой деятельности, связанный с должностным и профессиональным ростом⁶. По его мнению, карьера – это индивидуальная последовательность важнейших перемен труда, связанных с изменением положения работника по вертикальной шкале сложности труда или социальной лестнице рабочих мест⁷.

В своей статье «Управление карьерой» Е. Комаров карьеру определяет как совокупность должностей, которые занимал и занимает в данный момент времени работник (фактическая карьера) и/или может занимать (плановая карьера)⁸.

Д.М. Иванцевич и А.А. Лобанов рассматривают карьеру как индивидуальную осознанную последовательность изменений во взглядах, познании и поведении, связанных с опытом работы и дея-

тельности в течение трудовой жизни. По мнению названных авторов, главенствующую роль в осмыслении карьеры занимает субъективная оценка, а именно – индивидуальное осознание изменений во взглядах. Поэтому основой построения является «Я-концепция» личности как относительно целостное образование, постепенно изменяющееся по мере взросления человека⁹.

В.Н. Бушкевич, исследуя данную проблему, сформулировал понятие карьеры как «продвижение человека в освоении и совершенствовании способа жизнедеятельности, с целью достижения определённых преимуществ в социальной иерархии общества»¹⁰.

Таким образом, главным в понимании карьеры является то, что продвижение по служебной лестнице сопровождается определёнными последствиями. Для того чтобы более полно раскрыть исследуемое понятие, важно рассмотреть его отличительные признаки. Исходным здесь является то, что карьера служащего связана с его профессиональной деятельностью.

Данный признак (профессионализм) позволяет отличить рассматриваемый вид карьеры от других возможных успехов работника. Например, это могут быть личные успехи в спорте, занятии творчеством и т.д.

Однако понятие карьеры нельзя связывать только с работой, так как жизнь человека вне работы и роль, которую он играет в этой жизни, имеет существенное влияние на карьеру, являясь её частью. Так, например, Ли Якокка, находясь на самых высоких постах своей службы, оставался верен принципу – выходные дни посвящать семье.

Трактовка карьеры в ряде недавно изданных работ отечественных авторов также выходит за рамки собственно профессиональной деятельности. К примеру, Д.М. Иванцевич и А.А. Лобанов в своём учебнике применяют понятие карьеры не только к профессиональной деятельности, но и к другим жизненным ситуациям, считая, что «можно говорить о карьере домохозяйек, матерей, временных и сезонных рабочих», «поскольку они тоже продвигаются вперёд, в том смысле, что их таланты растут вместе с прибавлением опыта и ответственности». А.И. Турчинов считает, что основной смысл карьеры применительно к практике работы с персоналом выражен в том, что карьера – это успешное движение вперёд. А в узком смысле карьера отражает индивидуальный трудовой путь человека, способ достижения целей и результатов в основной форме его личностного самовыражения. При этом форм личностного самовыражения может быть много – это и воспитание детей в семье, и занятие спортом, и пристрастие к музыке, спортивным мероприятиям, и увлечение живописью, путешествиями и т.д.¹¹.

Как представляется, такая позиция позволяет значительно расширить границы исследования по проблемам карьеры. Но, вместе с тем, с точки зрения отечественных исследователей происходит существенное размывание термина «карьера» как научного понятия.

Проведённый анализ понятия «карьера» позволяет сделать вывод о том, что в литературе довольно полно описаны понятия карьеры. Разнообразие подходов объясняется, прежде всего, тем, что карьера – сложное явление, имеющее множество не совпадаю-

⁵ Дроздов В.А. Резерв кадров для выдвижения. Проблемы планирования служебной карьеры и формирования команды руководителя. – М., Академия МВД РФ, 2003

⁶ Ожегов Ю.Г. Управление персоналом в структурно-логических схемах: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Альфа-Пресс, 2008. – С. 682

⁷ Ожегов Ю.Г. Управление персоналом в структурно-логических схемах: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Альфа-Пресс, 2008. С. 685

⁸ Комаров Е. Управление карьерой // Управление персоналом. – 1999. № 1. – С. 37

⁹ Москаленко О.В. Психология профессиональной карьеры государственного служащего. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – С. 3

¹⁰ Бушкевич В.Н. Проблемы карьеры в работе с кадрами органов внутренних дел (организационно-правовые аспекты): Монография. – М., 1999. – С. 18

¹¹ Управление персоналом: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Под общ. ред. А.И. Турчинова. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – С. 420

щих оснований. В результате принято различать широкое и узкое понимание карьеры.

В широком смысле под карьерой понимается профессиональное продвижение, профессиональный рост, переход от одних ступеней профессионализма к другим (в таком толковании карьера близка понятию вершины профессионализма).

В узком смысле карьера рассматривается как должностное продвижение, где на первый план выступает достижение определённого социального статуса, занятие должности¹².

Обобщая вышесказанное, дадим следующее определение карьеры.

Карьера работника (руководителя или специалиста) – это процесс его успешной профессиональной самореализации при социальном признании и в результате продвижения по служебной лестнице, что обеспечивает взаимный интерес организации и работника.

Следовательно, сущностной характеристикой карьеры является процесс реализации человеком себя, своих возможностей в условиях профессиональной деятельности¹³.

Таким образом, особенность карьерного роста состоит в том, что в этой плоскости пересекаются интересы и работодателя, и исполнителя¹⁴.

Безусловно, для успешного карьерного роста мало одних пожеланий работника, даже если они принимают форму хорошо продуманного плана. Ему необходима внешняя помощь, которую человек должен получить в той организации, где работает. Поэтому возникает насущная потребность целенаправленного воздействия на все виды должностной мобильности персонала. Важное место в решении данной проблемы занимает

разработка и внедрение системы должностного продвижения. Организации, в которых карьера является процессом управляемым, получают:

1. Мотивированных и лояльных сотрудников, связывающих свою профессиональную деятельность с данной организацией, что повышает производительность труда и сокращает текучесть кадров.

2. Возможность планировать профессиональное развитие работников с учётом их личных интересов.

3. Планы развития карьеры отдельных сотрудников в качестве источника определения потребностей в профессиональном обучении.

4. Группу заинтересованных в профессиональном росте, подготовленных, мотивированных сотрудников для продвижения на руководящие должности.

Для сотрудника это означает:

1) более высокую степень удовлетворённости от работы в организации, которая предоставляет ему возможности профессионального роста и повышения уровня жизни;

2) более чёткое видение личных профессиональных перспектив и возможность планировать другие аспекты жизни;

3) возможность целенаправленной подготовки к будущей профессиональной деятельности;

4) повышение конкурентоспособности на рынке труда¹⁵.

Налицо взаимная заинтересованность в развитии карьеры, как организации, так и самого сотрудника.

При составлении планов карьеры отдел управления персоналом может действовать согласно следующим двум направлениям:

Для новых или относительно новых сотрудников (до года работы), которые могут в зависимости

от их успехов пройти через исполнение всех важных функций для получения необходимой квалификации. Такую группу можно определить, анализируя полугодовые отчёты по контролю за результатами деятельности.

Для более опытных сотрудников (ниже управленческого звена) до трёх лет работы, которые определяются путём анализа отчётов по контролю за результатами деятельности как имеющие потенциал для продвижения по карьерной лестнице. Целью при этом является определённая управленческая позиция, а итог будет зависеть от проявленных ими успехов.

Таким образом, узловым механизмом карьерного движения является «сцепка» интересов сотрудника (удовлетворение потребностей в жизнеобеспечении, социальном признании, самореализации) и организации (эффективное решение служебных задач). Карьера в организации может быть реализована в трёх основных направлениях:

– вертикальное – подъём на более высокую ступень структурной иерархии (с должности на должность);

– горизонтальное – перемещение в другую функциональную область деятельности; выполнение служебной роли на ступени, не имеющей жёсткого формального закрепления в организационной структуре (например, руководитель временной целевой программы); расширение или усложнение задач в рамках занимаемой ступени);

– центростремительное – движение к руководству организации (редко встречающееся, хотя наиболее привлекательное для работника).

Управление карьерой состоит в организации планомерного горизонтального и вертикального про-

¹² Управление персоналом: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Под общ. ред. А.И. Турчинова. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – С. 3

¹³ Москаленко О.В. Психология профессиональной карьеры... – С. 4

¹⁴ Зайцева Т.В., Зуб А.Т. Управление персоналом: Учебник. – М.: ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2006. – С. 249

¹⁵ Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации. – М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2000. – С. 170-171

движения сотрудника по системе должностей, начиная с момента принятия его в организацию и кончая предполагаемым увольнением.

Наиболее полно возможности и вертикального, и горизонтального продвижения использованы в японской системе управления и развития карьеры персонала. Система перемещений в японских фирмах обеспечивает продвижение всех работников: имеющие потенциал руководителя продвигаются по вертикали, не имеющие его – по горизонтали («ранговое продвижение по службе»). Каждая из систем продвижения является престижной, в обоих случаях у работников существует карьерная перспектива¹⁶.

Итак, карьера должна быть управляемым процессом, а значит плановым.

Планирование карьеры состоит в определении целей развития карьеры и путей, ведущих к их достижению. Целью карьеры является не область деятельности, не определённая работа, не конкретная должность. Цели карьеры проявляются в причине, по которой человек хотел бы иметь конкретную работу, занимать определённую должность (например, должность, которая соответствует его самооценке, а следовательно, доставляет моральное удовлетворение, или должность, которая позволяет заниматься воспитанием детей и т.п.). Цели карьеры меняются с возрастом, их формирование – процесс постоянный. Пути реализации целей карьеры – это набор средств, необходимых для приобретения требуемой квалификации (например, курсы по профессиональному обучению, стажировки и т.п.), и последова-

тельность должностей, на которых необходимо поработать для приобретения опыта, прежде чем занять целевую должность.

Развитие карьеры сотрудника в организации – это комплекс мероприятий, направленных, во-первых, на планомерное заполнение вакантных мест не столько за счёт приёма работников со стороны, сколько посредством подготовки и внутрипроизводственного перемещения собственного персонала; во-вторых – на формирование относительно стабильного трудового коллектива, пути развития у него способности сохранять и накапливать человеческий капитал. Иными словами, это серия поступательных перемещений по различным должностям, способствующих развитию как организации, так и личности¹⁷.

К элементам развития карьеры можно отнести: планомерное перемещение и продвижение сотрудника, стоящего в кадровом резерве, на вышестоящие и руководящие должности с целью практической проверки и приобретения необходимых знаний и опыта работы в должности, на которую он рекомендуется; назначение исполняющим обязанности на должности, на которую рекомендуется кандидат, на период отпусков основного работника, если это не противоречит законодательству; привлечение кандидатов для глубокого изучения отдельных практических вопросов с подготовкой соответствующих выводов и рекомендаций; направление на учёбу в системе повышения квалификации и т.д.

Алгоритм планирования карьеры сотрудника должен включать следующие этапы: подготовительный, непосредственное плани-

рование, решение руководителя организации о введении плана в действие.

Подготовительный этап заключается в определении сотрудника, для которого должен быть составлен план развития карьеры; определении планируемого периода его трудовой деятельности; психодиагностике сотрудника с выработкой заключения о целесообразности планирования карьеры (исходя из потребности организации, направленности и мотивов личности и соответствия требованиям, предъявляемых должностью). Непосредственное планирование карьеры сотрудника должно предусматривать:

а) исходные данные – возраст, образование, занимаемую должность и стаж работы в ней;

б) временные периоды и должностные продвижения по работе (через сколько лет, на какие должности планируются сотрудники в ходе развития карьеры);

в) формы и методы обеспечения развития карьеры (курсы повышения квалификации, зачисление в резерв на замещение руководящих должностей, стажировка и т.д.);

г) виды контроля за реализацией плана и формы контроля ответственности должностных лиц;

д) систему стимулирования развития карьеры (рост заработной платы, получение новых привилегий и т.д.).

Таким образом, управление деловой карьерой – это сложный процесс, основной целью которого является согласование интересов каждого конкретного работника и организации в направлении накопления и использования человеческого капитала¹⁸.

¹⁶ Москаленко О.В. Психология профессиональной карьеры. – С. 7

¹⁷ Зайцева Т.В., Зуб А.Т. Управление персоналом: Учебник. – С. 251

¹⁸ Зайцева Т.В., Зуб А.Т. Управление персоналом: Учебник. – С. 251

Е.П. ВОЙТЮК, ст. преподаватель НОИР,

Д.Б. ГРЫЗЛОВ, ст. преподаватель НОИР

E. Voytyuk, senior lecturer NOIR,

D. Gryzlov, senior lecturer NOIR

Экономическая политика Городской думы дореволюционной Москвы (1862–1917) The economic policy of the City Duma pre-revolutionary Moscow (1862–1917)

Аннотация: На основе исторических материалов показаны основные экономические и социально-экономические задачи первых органов самоуправления Москвы второй половины XIX века.

Abstract: On the basis of historical materials shows the main economic and socio-economic tasks of the first government of Moscow the second half of the XIX century.

Ключевые слова: самоуправление, общественное управление, сословия, выборы, имущественный ценз, городской голова, право выбора, санитарное состояние, содержание больниц и приютов.

Key words: governance, public governance, bar, elections, property qualification, the mayor, the right of choice, sanitary condition, hospitals and orphanages.

Реформы городского самоуправления в рамках всей пореформенной России имели своей предпосылкой опыт изменений в системе самоуправления Москвы, предшествовавший принятию Городового положения 1870 г. А именно: 20 марта 1862 г. Высочайше утверждено «Положение об общественном управлении города Москвы»¹, введившее всеобщий принцип в организации Городской думы, и приспособившая её деятельность к потребностям новых экономических отношений. Этот закон разрабатывался на основе петербургского Положения 1846 г., но существенно отличался от своего образца.

Положение 1862 г. отвергло записанное в петербургском Положении 1845 г. ограничение круга лиц для выбора городского головы определёнными сословиями и разрешило выбирать его из лиц всех сословий, однако имущественный ценз для городского головы в 15 тыс. руб. серебром остался. Тем самым правительство ограничивало

круг кандидатов в городские головы наиболее состоятельными лицами. Выборы в органы московского городского управления по Положению 1862 г. были двухстепенные (по Положению 1846 г. гласные избирались непосредственно на избирательных собраниях). Лица, владевшие правом голоса, должны были из каждого сословия избрать по 100 выборных, которые составляли пять сословных выборных собраний, избиравших уже из своей среды как гласных Общей думы, так и должностных лиц в городские учреждения. Собрания выборных, по Положению, собирались по распоряжению начальника губернии; место и время собрания определялось городским головой, который вообще распоряжался выборами. Собрание выборных считалось состоявшимся, если являлась, по крайней мере, одна треть избирателей. Собрания выборных были очень важными органами самоуправления, так как в течение известного срока (3-4 года) из 500 выборных формировался весь со-

став общественного управления и выбирался городской голова.

В Москве все сословия одновременно обсуждали дела городского хозяйства, сообща принимали решения, которые затем передавались в Распорядительную думу для исполнения. Распорядительная дума под председательством городского головы состояла из 10 членов, выбиравшихся поровну от каждого из пяти сословий. В этом заключалось принципиальное отличие от петербургской Распорядительной думы, в которой 9 членов были из первых трёх сословий и только 3 члена из двух последних сословий. Другим существенным отличием являлось отсутствие в московской Распорядительной думе «члена от короны», который, по замыслу правительства, должен был «оживотворять» деятельность Думы, а по существу – быть товарищем городского головы.

Компетенция органов московского городского самоуправления ограничивалась по Положению чисто местными хозяйственными

¹ ПСЗ. Собрание второе. Том XXXII. Отделение первое. 1862, № 38078. – С. 220-231

делами. Никаких общественно-политических дел обе Думы касаться не могли. Распорядительная дума в общем порядке управления была подчинена Сенату, в порядке местного управления – главному начальнику губернии, находилась в непосредственном ведении гражданского губернатора, который подписывал журналы Распорядительной думы по всем вопросам, подлежащим ведению губернских властей. На неё также распространялся надзор губернского прокурора.

В 1870 году было введено новое Городовое положение во всех городах, в том числе и в Москве. В этом положении царское правительство отбросило сословный принцип и в основу городских выборов положило имущественный ценз, определяемый участием избирателей в платежах городских сборов. Право выбора гласных, по новому Положению, было предоставлено тому, кто «владеет в пределах города недвижимым имуществом, подлежащим обложению в пользу города, или содержит торговое или промышленное заведение, или уплачивает в пользу города сбор со свидетельств, купеческого или промышленного, на право мелочного торгового приказычного первого разряда, или с билетов на содержание промышленных заведений».

Разумеется, изучение процесса утверждения в Москве системы городского самоуправления требует специального анализа. Отметим лишь, что политическое и практическое значение Москвы подтверждается выделением её из состава губернии и предоставлением ей особого статуса – градоначальства, то есть усилением местной администрации в полицейском отношении. Но Москва – как крупный промышленный центр Российского государства – имела и другие особенности. В городе были сосредоточены крупные государственные учреждения, проживали высо-

копоставленные государственные лица и видные общественные деятели, а также уровень правовой культуры московского общества был значительно выше, чем в провинциальных городах, что само по себе вынуждало градоначальство строить взаимоотношения с органами городского самоуправления корректно, строго на законных основаниях. Отдельное место в системе управления Москвы занимало особое по городским делам присутствие, о чём мы говорили выше. Это был коллегиальный орган, состоящий из представителей местных и государственных учреждений. Присутствие являлось тем звеном местного управления, которое вносило равновесие, снимало противоречия между местным самоуправлением и влиянием центральной государственной власти, расположенной в столице империи – Санкт-Петербурге.

Кроме того, законодательство предусматривало различия между крупными и мелкими городами по вопросу о порядке взаимодействия городского самоуправления и государственной власти, детали которого мы считаем излишним рассматривать в данном исследовании. Заметим лишь, что ряд видных юристов того времени видели здесь определённую несправедливость, проявленную по отношению к малым городам, для устранения которой предлагалось даже организовать специальный совет по земским и городским делам при комитете министров².

По Городовому положению 1892 года Москва была разделена на 6 избирательных участков. В каждом из них избиралось от 25 до 28 гласных (то есть членов Думы). В гласные могли баллотироваться только избиратели, которые проживали в данном избирательном участке. Статья 42 Положения разрешала приступать к выборам даже тогда, когда избиратели придут на выборы в числе, превышающем хотя бы на одного число подлежа-

щих избранию гласных. Так как в Москве предстояло избрать 160 гласных и 36 кандидатов к ним, то для выборов в Думу достаточно было явиться 200 избирателям, и выборы считались действительными. Это наглядно показывает, в какой степени гласные являлись «избранниками народа».

Возрастной ценз для избирателей был высок: голосовали и могли быть избраны в гласные только лица, достигшие 25 лет. Для городского головы возраст был повышен до 30 лет, а имущественный ценз – до 15 тысяч рублей оценочной стоимости дома. Гласные-нехристиане, по Положению 1862 г., могли быть избранными в Думу в количестве до одной трети общего состава Думы. В 1892 году эта цифра понижается до одной пятой.

Ограничения касались не только избирательных прав, но и агитации за кандидатов. Широкая предвыборная агитация совсем не допускалась. Ознакомление с кандидатами проходило лишь среди избирателей данного участка. Несколько позднее, с 1905 года, при выборах гласных было разрешено устраивать особые предварительные собрания для совещания о кандидатах в гласные. Но эти собрания обставлялись целым рядом таких ограничений, что ни о какой свободе предвыборной агитации речи быть не могло. Председателем таких собраний являлось лицо, назначенное городским головой, о чём предварительно извещался губернатор. На собрании имели право присутствовать только избиратели данного участка. Председатель обязан был закрыть собрание, «если на нём будут происходить суждения, не относящиеся к целям собраний». Последние два пункта совершенно ясны: правительство боялось, что на избирательные собрания проникнут с целью агитации революционеры. Избиравшаяся по Положению 1892 года Городская дума состоя-

² Коркунов Н.М. Комитет министров как орган надзора за земскими учреждениями // Юридическая Летопись. – 1890. № 12

ла из 160 гласных. Она выбирала из своей среды исполнительный орган – Городскую управу, в составе городского головы, нескольких членов управы и товарища (то есть заместителя) городского головы. При Городской управе были отдельные отраслевые комиссии, которые возглавлялись членами управы или гласными. Круг ведения дел, как Городской думы, так и Городской управы, был ограничен лишь мелкими хозяйственными вопросами и вопросами городского благоустройства.

Городовое положение 1892 года не только резко сузило круг избирателей, но и ввело самую придирчивую опеку государственной администрации над всей деятельностью Городской думы и управы. Выбор городского головы, членов управы, всего состава городских комиссий подлежал утверждению городской администрацией. Даже приём вольнонаёмных служащих при управе и во всех городских предприятиях должен был предварительно утверждаться администрацией. Раньше администрация имела право только наблюдать за законностью постановлений Думы. Теперь местные представители царского правительства получили право следить за их целесообразностью. Ни одно постановление Городской думы не могло приводиться в исполнение до тех пор, пока оно не получало утверждения губернатора. Отныне московскому губернатору (а позднее градоначальнику) были предоставлены самые широкие полномочия для отмены постановлений Городской думы, и губернаторы и градоначальники широко пользовались этим правом. В одном только 1913 году московский градоначальник приостановил 58 постановлений Думы.

Москва росла и развивалась, превращаясь в крупнейший город не только всероссийского, но и европейского значения. Московская промышленная элита были заинтере-

ресованы в том, чтобы благоустроить центр города, где жили сами крупные промышленники. Нужно было улучшить санитарное состояние города, чтобы предотвратить эпидемии, наконец, Москва должна была наладить школьное дело – развивающаяся экономика нуждались в грамотных рабочих. На все эти мероприятия нужны были деньги.

Вместе с естественным ростом города росли и городские расходы. В 1890 году бюджет Москвы был по тем временам довольно значительным: почти 8 миллионов рублей. В 1894 году московский бюджет превысил 9 миллионов рублей. Но этих сумм было явно недостаточно. Нужны были новые ассигнования и для благоустройства города, и для санитарных нужд, и для школ, и для покрытия тех обязательных и всё возрастающих расходов, которые требовало городское управление (содержание полиции, расквартирование войск и т.д.).

Оценочный сбор по закону того времени мог быть установлен в 10 процентов с доходности недвижимого имущества или в 1 процент с его стоимости. Выбор предоставлялся самой Думе, и на её собраниях иногда раздавались редкие голоса о том, что для городской кассы выгоднее сбор в 1 процент со стоимости, чем 10 процентов с доходности имущества. Но Городская дума к этому способу обложения ни разу не прибегла. Объясняется это тем, что исчисление расходов и установление чистой доходности недвижимого имущества было в руках «своих» гласных Думы, и это давало владельцам широкую возможность скрыть чистую доходность владения путём преувеличения фактических расходов.

Финансовая политика Московской городской думы служила, таким образом, интересам тех депутатов, которые имели в городском управлении подавляющее большинство. Всякого рода предложения, связанные с новыми расхода-

ми (особенно при ассигнованиях на школы), проваливались в Думе под тем предлогом, что городская касса пуста и её нечем пополнить. А между тем несколько лет владельцы недвижимого имущества уплачивали вместо 10 только 9 процентов с чистого дохода имущества. В 1900 г., в связи с производимой переоценкой имущества, когда в Думе стоял вопрос о введении новых ставок сбора, выяснилось, что благодаря повышению цен на недвижимое имущество процент налога ещё более понизился. Он достигал фактически всего 7 процентов подлинной доходности. Но, конечно, это не заставило Думу повысить налог на богатей.

Абсолютная цифра налогов также возрастала. Но она отставала и от роста населения, и от роста ценности, имущества, а удельный вес налогов и пошлин в городском бюджете падал из года в год: в 1863 г. за счёт налогов покрывается 92 процента бюджета, в 1897 г. – 70 процентов, в 1901-м – 52 процента, а в 1911 г. всего только 27 процентов³.

Выход из положения нашли в косвенном налоге на широкие слои населения; в установлении высокой платы за проезд в трамвае, в повышении платы за воду, канализацию и т.д. Водопровод, газ, ломбард, бойни, канализация, конка, а потом электрический трамвай – все эти предприятия постепенно выкупаются городом у прежних владельцев или заново создаются городским управлением. Эти предприятия являются «золотым дном» Московской думы. Налоги на потребителей коммунальных услуг – то есть главным образом на рабочих и служащих – позволяли Думе покрывать большую часть бюджета Москвы.

Эта финансовая политика Думы неуклонно продолжала развиваться во всё время существования буржуазной Городской думы – вплоть до Октябрьской революции: постепенно, год за годом,

³ Журнал «Городовое дело», 1914 г., № 13-14

из четырёхлетия в четырёхлетие, растёт удельный вес «выгодных» городских предприятий. В 1863 г. таких предприятий ещё нет. Зато уже через три года доходы этих предприятий составляют 7,6 процента общего бюджета. В 1902 г. косвенные налоги с населения покрывают почти третью часть бюджета, а в 1911 г. уже половина городского бюджета покрывается пятачками, полученными в виде платы за трамвайный проезд, гривенниками за пользование водопроводом и т.д.

Абсолютные цифры этих сборов с населения были очень велики. Например, за пользование водопроводом в 1911 г. получено чистой прибыли 377 тысяч рублей, а в 1913 г. – уже 893 тысячи, от боен в 1911 г. – 184 тысячи, а в 1913 году – 213 тысяч рублей⁴. Но особенно был велик и всё возрастал «чистый доход» с трамвая: в 1908 г. он составлял 594 тысячи, в 1909-м – 1330 тысяч, а в 1912 г. – 3296 тысяч рублей.

Даже из таких предприятий, как прачечные, хлебопекарни и ассенизационный обоз, Московская городская управа ухитрялась извлекать чистую прибыль: в 1901 г. – 45 тысяч, в 1911 году – 67 тысяч рублей⁵.

В числе «доходных статей» Московской городской думы из года в год бытовали даже такие прямые налоги на бедноту, как больничный и паспортный. Больничный сбор собирался с «прислуги» (горничных, кухарок и т.д.), а также с сезонников –этим категориям трудящихся Дума никак не хотела предоставлять бесплатного лечения. Меняется состав Думы, меняются городские головы, а сбор неуклонно взимается с того самого населения, которое сама Дума именует «наиболее нуждающимся». В результате в бюджет Думы притекают не какие-нибудь гроши, а крупные суммы, выражавшиеся в сотнях тысяч рублей: в

1901 г. – 666 тысяч, в 1909 и в 1910 гг. – по 398 тысяч⁶. Доходы эти в некоторые годы уменьшаются, но вовсе не потому, что кухарки или сезонные рабочие от них освобождаются, а потому лишь, что техника их собирания с многотысячного отряда бедноты была затруднительна.

Из приведённых выше фактов становится очевидным: хозяйственная политика Московской городской думы как можно меньше прямых налогов возлагала на развивающуюся промышленность

и как можно больше на потребителей воды, угля, электричества, владельцев частных транспортных средств.

Прежде чем завершить изложение экономической деятельности Московской городской думы, необходимо сказать об одном крупном проекте. Это – проект проведения в Москве метрополитена. Он был предложен группой лиц во главе с Александром Гучковым при поддержке московских банков.

Гучков ограничивал метрополитен линией от центра города до теперешней Комсомольской площади, а для пассажирской и товарной станций метро намечали отчуждение по пониженной казённой расценке (как под железные дороги) большого участка земли под зданиями между Театральным проездом и Пушечной улицей, между Охотным рядом и современной Театральной площадью. Предлагалось снести здания и построить на их месте центральный вокзал. Другие линии метро предполагалось провести в недалёком будущем⁷.

1917 г. открыл иную страницу в экономической политике московской власти.

⁴ «Московская городская дума. 1913-1916». М., 1916 г., стр. 118

⁵ «Городовое дело», 1914 г., № 11-12

⁶ «Современное хозяйство гор. Москвы». М., 1913 г., стр. 277

⁷ «Московская городская дума. 1913-1916». М., 1916 г., стр. 11-16

У.Я. ГУСЕЙНОВА, Сумгаитский государственный университет (Азербайджанская Республика)
U.HUSEYNOVA, Sumgayit state University (Azerbaijan Republic)

Анализ и оценка инновационно-технологического уровня в нефтегазодобыче

Analysis and evaluation of innovative-technological level in oil and gas production

Аннотация: Автор исследует результативность внедрения инновационных технологий в нефтегазодобывающей промышленности Республики Азербайджан.

Abstract: The author investigates the effectiveness of implementation of innovative technologies in oil and gas industry of the Republic of Azerbaijan.

Ключевые слова: нефть, газ, месторождение, нефтяная промышленность, рентабельность, экономика, инвестиции, инновации, ресурсы, истощение запасов, экономическая политика, эффективность.

Keywords: oil, gas, mine, petroleum industry, efficiency, economy, investments, innovations, resources, depletion, economic policy, efficiency.

Нефтегазодобывающая промышленность Азербайджана имеет более чем столетнюю историю развития, и является одной из базовых отраслей экономики республики. Развитие экономики республики в условиях рыночных отношений обуславливает необходимость дальнейшего роста объёмов добычи нефти и газа, что, в свою очередь, ставит перед нефтяной промышленностью новые практические задачи. Основной задачей нефтяной промышленности Азербайджана является удовлетворение растущих потребностей на нефть и нефтепродукты, обеспечение необходимых условий развития других отраслей экономики. Всё это требует, с одной стороны, выявления новых месторождений и вовлечения в их разработку средств, а с другой – рационального использования разрабатываемых запасов с учётом внедрения новейшей техники и инновационной технологии.

Промышленная разработка нефтяных месторождений в Азербайджане началась в семидесятых годах XIX века. К началу XX века бакинская нефть составляла 48% всей мировой добычи нефти. За

истекший период в республике были открыты десятки месторождений нефти и газа на Апшероне, в Прикаспийско-Кубинской области, в Куринской впадине и в Каспийском море. За период существования нефтегазовой промышленности в республике было добыто более чем 1,4 млрд. тонн нефти с конденсатом и около 490 млрд. м³ газа. Отметим, что на долю месторождений суши республики приходится соответственно 0,9 млрд. тонн нефти и 130 млрд. м³ газа.

Надо заметить, что в современных условиях, в условиях рыночных отношений экономики республики, когда многие нефтяные месторождения, эксплуатируемые на суше и в море, вступили либо вступают в позднюю стадию разработки, а новые крупные месторождения не открываются, следует по новому оценить проблему полностью использования уже открытых запасов нефти и газа. Основное направление повышения экономичности нефтяного производства на современном этапе, как известно, – его интенсификация. Интенсификация предполагает производство и применение самых современных, воплощающих в себе новейшие до-

стижения науки и техники, машин, механизмов, оборудования; технологических процессов, методов и форм управления и организации общественного производства, обеспечивающих повышение производительности труда, экономное расходование материалов, энергии и других ресурсов. Дело в том, что широкое использование технологий увеличения нефтеотдачи пластов и интенсификации добычи обусловлено как дефицитом средств для крупных инвестиций с целью поддержания снижающегося уровня добычи, так и их малой капиталоемкостью при быстром достижении технологических результатов.

Уровень использования разведанных и извлекаемых запасов, как известно, определяет эффективность внедрения новой техники и технологии. Нефтяная промышленность относится к большим системам, которым присущ вероятностный и неопределённый характер. Из-за отсутствия точных данных о величине запасов затрудняется точное определение технико-экономических показателей, что сдерживает планирование и прогнозирование внедрения

достижений научно-технического прогресса. Установлено, что основные показатели развития нефтяной промышленности, а также внедрение результатов научно-технического прогресса тем или иным образом обуславливается именно этими особенностями, которые должны учитываться при принятии решений в разработке нефтяных месторождений. В этой связи, по нашему мнению, экономическая оценка научно-технического прогресса в разработке нефтяных месторождений предусматривает решение следующих основных задач и методических подходов:

– определение увеличения объёмов добычи нефти в результате внедрения новой технологии, эксплуатации нефтяных месторождений и выявления экономики, непосредственно связанной с улучшением среднеотраслевых показателей под влиянием научно-технического прогресса;

– установление увеличения объёмов добычи нефти, повышение нефтеотдачи пластов и снижение добычи нефти в среднем с ранее применяемыми системами разработки, т.е. определение сравнительной эффективности.

Развитие нефтяной промышленности характеризуется следующими особенностями: длительностью производственного цикла, который, как правило, превышает плановый период; эшелонированием производственного процесса во времени (разведка запасов, проектирование разработки месторождений, их разбуривание и обустройство, собственно добыча нефти, транспортировка нефти и газа до потребителей); наличием запаздываний и временных лаговых смещений между затратами и результатами производства; динамичностью и неравномерностью используемых ресурсов и получаемых результатов; уменьшением действующих производственных мощностей вследствие истощения запасов.

Уместно отметить, что количество выявленных месторождений

в Азербайджане в настоящее время составляет 71, из них 57 находится в разработке [5]. Из них 37 или 54,1% месторождений разрабатывается на суше республики. Месторождения, эксплуатируемые на Апшеронском полуострове, составляют 20 % и характеризуются сильным обводнением добываемой жидкости, а оборудование – частыми ремонтами и т.д. Кроме того, месторождения характеризуются сложностью геологического строения, многопластовостью, неоднородностью продуктивных пластов, различием типов и режимов залежей, многообразием условий разработки, различной степенью истощённости пластовой энергии, выработанностью. Так, обводнёность продукции по ГНКАР составляет 74%.

Известно, что стабилизация и интенсификация объёма добычи нефти и газа в основном зависят от объёмов буровых работ, т.е. от скважин, введённых в эксплуатацию из бурения, а также от эффективности использования эксплуатационного фонда скважин. Изношенность, неудовлетворительное техническое состояние большинства скважин, особенно на старых площадях, увеличивают трудоёмкость их обслуживания и ремонтность.

Одной из характерных черт современной мировой экономики является усиление интеграционных процессов [1-3], обусловленных международным разделением труда и научно-технического прогресса, ориентированных на удовлетворение потребностей внешнего, международного рынка. Преодоление трудностей измерения затрат и результатов в части эффективности капитальных вложений в развитии добывающих отраслей, в частности добычи нефти и газа, а также реализация экономической политики долгосрочного развития этой промышленности приводит к концепции оценки инвестиционных проектов и инновационных процессов с учётом интересов общественного производства и внешнеэкономических факторов.

Так, Й. Шумпетер [4], исследуя вопросы экономического развития, отмечал, что стимулом к инновационной деятельности является предпринимательская прибыль. Суть утверждения Й. Шумпетера заключалась в том, что экономического роста можно добиться не только путём манипулирования сырьём и ценами, но и путём введения новой продукции, обновляя производство и управление производством.

Происходящие перемены во всей системе производственных отношений Азербайджанской Республики связаны с новым этапом реформирования экономики, с экономическим ростом на основе инновационного развития промышленности. В этой связи для экономической науки изучение инновационных процессов становится принципиально важным, так как динамика и качество экономического роста всё сильнее зависят от технологических сдвигов на базе инноваций. Чтобы в полной мере использовать научно-технический потенциал для инновационно-технологического развития промышленности, в том числе в нефтегазодобыче, повышения его эффективности и успешного решения на этой основе социально-экономических задач общества, необходима дальнейшая разработка научно обоснованной системы управления научно-техническим прогрессом. Инновационно-технологическое развитие промышленности выступает в качестве одного из ключевых факторов устойчивого экономического роста страны и оказывает комплексное влияние на развитие других отраслей экономики. Обновление производственного аппарата путём создания, выпуска и распространения передовой техники, наиболее прогрессивных технологических процессов, выступающих как материализация достижений научно-технического прогресса, является для общества не самоцелью, а важнейшим средством решения стоящих перед

обществом социальных и экономических задач.

Стратегия социально-экономического развития Азербайджана предполагает инновационное развитие экономики, что требует создания инновационных производственных систем на различных уровнях менеджмента, которым должна быть присуща рыночная ориентированность на интенсивный путь развития. Также она связана с высоким уровнем инвестиционной активности, т.е. интенсивности деятельности по созданию и использованию новшеств в различных сферах экономики. Последнее непосредственно связано с проблемой повышения качества выпускаемой продукции в республике, оказываемых услуг, роста их конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, как важнейших факторов экономической устойчивости предприятий.

Отметим, что нефтяная промышленность Азербайджана интегрируется в мировую экономику, происходит совершенствование её организационной структуры, создаются специализированные предприятия. Результатом этого стало создание на базе АзГосНИПИнефть Института научных исследований (ИНИ), который специализируется на выполнении научных исследований, и на базе Гипроморнефтьгаза – института Нефтегазпроекта, который специализируется на проектировании гидротехнических сооружений.

Становление развитой экономики, отвечающей принципам рыночных отношений, возможно в первую очередь путём развития производственной сферы, производящей продукцию, конкурентоспо-

собную на внутреннем и внешнем рынках. Такие конкурентоспособные продукты возможно производить только на основе наукоёмких технологических процессов с использованием технологических инноваций. Всё это в условиях нефтяной промышленности наталкивается на определённые трудности, которые в основном связаны с большим риском, капиталовложениями. Также их внедрение требует большого отрезка времени. Тем не менее, в ИНИ за период его существования разработан ряд установок, оборудования, технологий, которые представляют интерес с точки зрения инновации.

Повышение технико-экономических показателей использования природных ресурсов, соответствующих современным требованиям в области рациональной разработки нефтяных и газовых месторождений, требует внедрения в практику новых технологий. Процессы, происходящие в залежах при разработке нефтяных и газовых месторождений, отмечаются многообразием физико-геологических, гидро- и термодинамических факторов, последовательностью ввода в эксплуатацию скважин из бурения, обоснованием выбора объектов разработки, оптимизацией дебитов скважин и др. В связи с этим в ИНИ разработаны эффективные технологии по стимулированию притоков нефти, газа и конденсата, изоляции и ограничению притока воды в добывающие скважины, и много других методов по интенсификации работы нефтяных, газовых и газоконденсатных месторождений инновационного характера.

Всю совокупность методов воздействия на пласты в преде-

лах месторождений суши республики для интенсификации добычи нефти помимо традиционного водного воздействия можно условно подразделить на тепловые (движущие внутри очаг горения (ВДОГ), паротеплового воздействия, вытеснения нефти отборочного теплоносителя); физико-химические (вытеснение полимерными растворами, поверхностно-активными веществами, щелочными отходами, использование ценных и пеновоздушных систем); микробиологического воздействия (с использованием молочной сыворотки, активного ила); комбинированные (водогазовое воздействие, термохимическое и др.) и мероприятия по реализации технических и технологических программ в рамках внедрения плана реализации новой техники и технологии на объектах суши республики.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что инновационно-технологическое развитие нефтедобывающей промышленности – это веление времени, так как в условиях рыночных отношений каждая фирма стремится учитывать результаты внедрения того или иного мероприятия. Чтобы стать конкурентоспособным предприятием, одним из необходимых условий является (при прочих равных условиях) снижение издержек производства. Интенсификация добычи нефти и внедрения различных мероприятий с этой целью в конечном итоге направлены на выполнение данных условий. В этой связи экономическая эффективность внедрения новой техники и технологии становится очевидной.

Литература:

1. Грачева М.В. Инновационная деятельность промышленности: Теория и практика. – М.: МИЭМО, 1994.
- Дракер П.Ф. Инновации и предпринимательство. – М., 1992.
- Инновационный менеджмент / Под ред. Л.Н. Завалина, А.А. Казанцева, Л.Э. Миндели. – СПб.: Наука, 1997.
- Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М., 1982.
- Юсифзаде Х.Б. Состояние и перспективы развития нефтегазодобычи в Азербайджане // Азербайджанское нефтяное хозяйство. – 2009, № 11-12. – С. 29-34.

Е.И. КУДРЯВЦЕВА, кандидат психологических наук, Северо-Западная академия государственной службы
E. Kudryavtseva, candidate of psychological Sciences, North-Western Academy of state service

Создание организационных условий реализации стратегии Creation of conditions for the implementation of the strategy

Аннотация: Успешная реализация стратегии невозможна, если эту стратегию не поддержат люди на всех организационных уровнях. Именно поэтому все мероприятия по созданию организационных условий, направленных на конкретную стратегию, должны быть оформлены инструментами деятельного включения, социально-психологического интегрирования, роста интереса и повышения мотивации сотрудников. Важно определить не только управленческие задачи, но и решить вопрос о конкретных формах проведения тех или иных мероприятий и процедур. Практика показывает, что правильно сформированная стратегия, хорошая управленческая подготовка (планирование, определение структуры, определение критериев, составление бюджетов) могут не дать результатов. Готовность персонала является высшей задачей реализации любой стратегии

Abstract: The successful implementation of the strategy is impossible, if this strategy will not support people at all organizational levels. Therefore, all activities on creation of organizational conditions aimed at a specific strategy should be designed instruments of effective inclusion, social and psychological integration, growth of interest and motivation of employees. It is important to determine not only managerial tasks, but also to decide on the specific forms of conduct certain activities and procedures. Practice shows that a well-formed strategy, good managerial training (planning, structure, definition of criteria, budgeting) may not yield results. The readiness of the personnel is the highest task of implementing any strategy

Ключевые слова: стратегическая идея, результаты, потенциал, лидерская позиция, инфляция, эффективность организации, мотивация, система труда, контролинг, принятие решений, конкурентоспособность, реализация стратегических задач.

Key words: strategic idea, results, potential, leadership position, inflation, efficiency, organization, motivation, labor system, controlling, decision making, competitiveness, implementation of strategic tasks.

Стратегическая концепция вне зависимости от масштаба (стратегия бизнеса, стратегия развития организации, стратегия развития ресурса) представляет собой мощный энергетический заряд. Стратегическая идея несёт функцию аналогичную той, которую выполняют деньги. Деньги аккумулируют энергетику прошлого, произведённых действий, стратегия представляет энергетику будущего, тех результатов, которые могут быть получены. Очевидно, что деньги сами не могут передать накопленную в них энергию, преобразовать и приумножить её. Для этого необходимы действия. Эти действия могут принести как позитивный результат (положительная обратная связь), так и привести

к нежелательным последствиям, суть которых – в растрате попусту, потере той энергии, которая была накоплена предыдущими действиями многих людей.

То же самое может произойти и со стратегической идеей. Сама она будет нести хороший потенциал, но стратегия в лучшем случае – документ, а в большинстве ситуаций – набор предположений, требующих фактической реализации. Как и в ситуациях с деньгами, стратегические идеи могут быть подвержены инфляции, могут быть потеряны, вложены в пустые мероприятия, отданы мошенникам...

Реализация стратегии развития как проблема и как предмет усилий топ-менеджмента детально описана как в классических работах (доста-

точно упомянуть хрестоматийные «Основы менеджмента» Мескона, Альберта и Хе-доури [4]), так и в недавних публикациях. Среди последних следует особо выделить статью М. Мэнкинса и Р. Стила [3] и работу В. Марковского [2]. Автор последней показывает, что реализация стратегии невозможна, если не учитываются следующие факторы. Во-первых, таким фактором является наличие лидера. Лидерская позиция заставляет работать энергию стратегических замыслов, но только в том случае, если харизматический потенциал лидера подкрепляется его способностью к самообразованию, умению учиться. В этом предлагаемая позиция созвучна модели повышения эффективности организации,

предложенной В. Ниссиеном [5]. Финский исследователь показывает, как постоянная практика самонаучения формирует эффективное управленческое поведение и приводит к повышению доверия и развитию мотивации со стороны подчинённых.

Во-вторых, при воплощении стратегических замыслов необходимо верно оценивать важность и срочность конкретных действий. Эти показатели, в свою очередь, зависят от стартовой точки формулирования стратегии (конкурентное преимущество или видение).

В качестве следующих факторов, определяющих успешность реализации стратегии, необходимо назвать корпоративную культуру, кадры, условия труда, систему оплаты труда, знания и навыки (компетенции), структуру организации. Фактически, речь идёт именно об организационных условиях реализации стратегии.

Для того чтобы создать эти условия и быть уверенными в их адекватности стратегическому замыслу, необходимо определить основные направления менеджерской поддержки стратегии, основные управленческие задачи по реализации стратегии в организационной действительности. С этой целью воспользуемся методом системного анализа, предложенным В.А. Ганзеном [1]. Использование данного подхода правомерно, так как организация (особенно в период изменений) должна соответствовать характеристикам целостного объекта управления, а персонал организации – стать целостным субъектом деятельности.

Базовой характеристикой является единство – согласование структуры и функции, цели и средства. Для этого организация должна удовлетворять признакам соразмерности, соподчинённости, уравновешенности и подобия. Процессы, происходящие в организации, соответственно должны оцениваться с точки зрения их временной протяжённости, пространственной фиксации,

содержательной загруженности и энергоёмкости. Исходя из данных положений, в качестве основных направлений менеджмента при создании организационных условий реализации стратегии выступают такие, как тайм-менеджмент, организация взаимодействия, контроллинг, ресурсная оценка. Перечисленные направления менеджерской активности очевидны, однако в любой организации каждое из этих направлений содержит риски, значимые для успешности реализации конкретной стратегии.

Прежде всего, в качестве базового риска выступает цейтнот. Известно, что никакое самое тщательное планирование не позволяет избежать этого обстоятельства. Для преодоления цейтнота существуют два пути – ускорение действий и ускорение принятия решений. Следовательно, в качестве организационных условий блокировки цейтнота будут выступать средства деятельности и правила принятия решений. Именно их разработке и необходимо уделить внимание в первую очередь.

Следующим значимым риском является система организационных коммуникаций, в особенности – роль неформальных коммуникаций в организации деятельности сотрудников и организации в целом. Неформальные коммуникации фактически не поддаются контролю, их содержание мало структурировано, в то же время именно они оказывают основное эмоциональное воздействие на сотрудников, принципиально меняя их состояние. Таким образом, любая стратегическая инновация может утонуть в этой пучине в том случае, если не будут сформированы инструменты структурирования содержания и направленности неформальных коммуникаций. Этого можно достичь только через использование механизмов обратной связи.

Третий организационный риск – стереотипы решений, действий, оценок. Корпоративная культура заставляет сотрудников, имеющих

различный статус в организации, применять единые стереотипы для развития интеграции и консолидации, без которых совместная работа невозможна. Риск стереотипа заключается в том, что новые идеи в рамках принятой стратегии будут подгоняться под имеющиеся шаблоны, а это, в свою очередь, до неузнаваемости исказит смысл новаций. Соответственно, важным организационным условием станет обучение, так как только оно может противостоять стереотипу.

Четвёртый организационный риск – ресурсный дефицит. Часто так случается, что в процессе реализации стратегии урезаются бюджеты отдельных направлений, сотрудники перебрасываются в другие проектные группы, помещения начинают использоваться по иному назначению, процедуры, подготовленные для определённых решений, применяются совершенно для других решений и так далее. Преодолению этих явлений может способствовать жёсткое бюджетирование, которое легко организовать только через привлечение «внешней силы» Именно поэтому ресурсный дефицит является главным погубителем стратегии в ситуации, когда владелец и генеральный директор – одно и то же лицо. Выход один – разделение власти, как одно из важнейших условий успешной реализации стратегии. Проведённый анализ показывает, что в качестве основных организационных условий при внедрении стратегии выступают: создание новых средств деятельности и процедур, формирование механизма обратной связи, обучение на всех уровнях и разделение власти (полномочий и ответственности). Этим искусственно создаваемым условиям противостоят естественные механизмы сопротивления, поведенческие барьеры, преодоление которых становится самостоятельной задачей. В качестве основных поведенческих барьеров можно назвать некомпетентность, недоверие, непонимание и нежелание. Преодоление этих препятствий

возможно только через создание дополнительных организационных условий, позволяющих сработать линии «снизу – вверх», в то время как остальные организационные условия ориентированы на реализацию «сверху-вниз».

Для формирования организационных условий, адекватных избранной стратегии, необходимо иметь в виду, что эти условия должны быть адресованы различным группам сотрудников: руководителям подразделений, специалистам, линейному персоналу. Ориентируясь на приведённый выше перечень субъективных препятствий, определим ключевые препятствия для каждой группы сотрудников.

Линейные сотрудники своей работой создают основной поток деятельности организации. Именно они могут образовывать базовый цейтнот при выполнении внешних заказов. Именно для них в наибольшей степени важно создание и предоставление в их распоряжение средств, гарантирующих необходимое качество исполнения деятельности. Линейные сотрудники при инновациях больше всего нуждаются в обновлении алгоритмов работы, а идеологическая составляющая должна служить только фоном при работе с этой категорией.

Специалисты являются «золотым фондом» организации. Каждая компания в состоянии делать то, что она декларирует, только в том случае, если в её составе находятся профессионалы, способные решать профильные задачи. Специалисты (в отличие от линейных сотрудников) «сражаются» за соблюдение своих интересов «тихими» способами, часто до последнего пытаясь донести свою позицию с использованием легитимных организационных процедур. Именно для специалистов важным аспектом деятельности является неформальный статус, именно они в большей степени, чем остальные сотрудники, нуждаются в легитимных процедурах обратной связи, которые создали бы продвижение

их позиции, идей, отношений в управленческие структуры.

Руководители подразделений и служб – наиболее сложная персонал-группа. В силу традиции назначения в качестве таких руководителей хороших специалистов наиболее уязвимой в их деятельности является задача управления людьми. Фактически каждый руководитель (как специалист) в состоянии управлять процессом в зоне собственной профессиональной компетенции, но не всегда может управлять структурой деятельности других людей, так как его этому никто не учит. Указанные обстоятельства позволяют определить в качестве приоритета для руководителей подразделений борьбу со стереотипами, на которых во многом держится их индивидуальная практика непосредственного управления персоналом. Соответственно, если в организации и вводить обучение как одно из условий реализации стратегии, то это обучение должно быть адресовано, прежде всего, руководителям подразделений и служб.

Топ-менеджмент компании, несмотря на то что является инициатором стратегических перемен, также нуждается в особом обеспечении условиями реализации стратегии. Эти условия имеют отношение к сущности управления на уровне топ-менеджмента, а именно – к проблеме управления ресурсами. Основное сопротивление топ-менеджеров заключается в сражении за неприкосновенность того ресурса организации, которым управляет данный топ-менеджер. Блокировка «своего» ресурса проявляется в нежелании конкретного топ-менеджера нести ответственность за риски, связанные с реализацией как отдельных проектов, так и стратегии в целом. Следовательно, на уровне топ-менеджмента важно жёстко определить зоны ответственности и допустимые способы влияния на процессы, связанные с реализацией стратегии. Наиболее радикальным решением здесь является

введение альтернативной системы управления реализацией стратегических задач (по сравнению с имеющейся системой управления текущей деятельностью). В этом и будет состоять разделение власти.

Успешная реализация стратегии невозможна, если эту стратегию не поддержат люди на всех организационных уровнях. Именно поэтому все мероприятия по созданию организационных условий, направленных на конкретную стратегию, должны быть оформлены инструментами деятельного включения, социально-психологического интегрирования, роста интереса и повышения мотивации сотрудников. Важно определить не только управленческие задачи, но и решить вопрос о конкретных формах проведения тех или иных мероприятий и процедур. Практика показывает, что правильно сформированная стратегия, хорошая управленческая подготовка (планирование, определение структуры, определение критериев, составление бюджетов) могут не дать результатов. Готовность персонала является высшей задачей реализации любой стратегии.

Именно поэтому главные достижения практики стратегического менеджмента лежат в плоскости технологий работы с персоналом.

Наш опыт показывает, насколько важны все правила создания организационных условий, описанные выше. Так, например, крупное производство пищевой промышленности не смогло реализовать ни один из 4 стратегических сценариев, разработанных совместно с консалтинговыми компаниями, из-за того, что не был решён вопрос о разделении власти и определении ответственности за ресурсы на уровне топ-менеджмента. В результате процветающая компания была продана в крупный холдинг с потерей ключевыми специалистами своих позиций. Другая компания оказалась вынужденной изменять стратегию развития по причине падения её конкуренто-

способности на рынке труда (на уровне линейного персонала). Не была проведена работа по изменению системы оценки текущей деятельности персонала и системы оплаты труда, из-за чего оказалось невозможным наращивать потенциал компании в области основного конкурентного преимущества – работе с клиентами.

Позитивный опыт реализации стратегии в организации может быть проиллюстрирован несколькими высказываниями сотрудников разных уровней, активно вовлечённых в новые для компании формы работы с персоналом. Крупная компания нефтяной промышленности, проводя работу по систематизации обучения работников различных уровней, включила в план работы обучение руководителей второго уровня (начальники служб и подразделений). Первый опыт проведения подобных занятий дал неожиданный результат. Участники учебных групп отметили, что у них, оказывается, примерно одни и те же проблемы в управлении своими подразделениями и одни и те же препятствия повышения эффективности. Раньше каждому казалось, что трудности, с которыми они сталкиваются, связаны в большей степени с их индивидуальными особенностями, персональным опытом и уровнем авторитета. Это заставляло многих руководителей скрывать собственные трудности от других, «сражаться» с ними своими средствами, чтобы не выглядеть в глазах коллег некомпетентным. Проведённое обучение показало, что трудности у всех во многом схожи, они связаны в большей степени с организационными особенностями, а в меньшей – с индивидуальными характеристиками. Это позволило создать большую

открытость во взаимодействии на рассматриваемом уровне управления и интегрировать усилия специалистов этого уровня. «Мы давно работаем вместе, многие из нас дружат между собой, часто проводят вместе досуг, но ни разу до этого мы вот так откровенно не говорили о том, что нас действительно волнует», – подвёл итог занятий один из участников. «Теперь мы больше доверяем друг другу и нам легче решать проблемы, ориентируясь на взаимопомощь».

В небольших компаниях работа с персоналом в рамках реализации стратегии даёт ещё более заметный и более непосредственный результат. К примеру, в одной из компаний по изготовлению и продаже оптики (сеть салонов) было проведено исследование для оценки готовности персонала к реализации новой стратегической доктрины. По результатам исследования была выделена группа специалистов – лидеров мнения. Эти специалисты принадлежали к разным профессиональным группам и представляли разные уровни управления. Для разработки мероприятий по реализации новой стратегии развития компании данная группа была преобразована в экспертный совет, который помогал руководителям оценить реальное состояние дел в подразделениях, предусмотреть возможные препятствия и внести коррекцию в план текущей работы. Участники экспертного совета после первого заседания повторяли идею, высказанную одним из администраторов торгового зала, так же ставшего членом этой рабочей группы: «Нам стало понятно, зачем мы нужны компании, мы видим, что руководство действительно заинтересовано лично в нас, а не в том, чтобы кто-то просто занимал наши рабочие места».

Подводя итог рассуждениям на тему организационных условий, отметим, что самым главным является соблюдение последовательности создания этих условий. А она (эта последовательность) такова. В первую очередь необходимо определиться со временем, которое есть в распоряжении компании. Это и критические сроки преобразований в связи с изменениями рынка, и средняя продолжительность работы в организации сотрудников различных уровней, и привычная для организации продолжительность управленческого цикла. Во-вторых, надо оценить систему коммуникаций, корреспондирующую заявленной стратегии. В этой системе следует предусмотреть и доступ к фактам, и механизмы управленческого воздействия, и обратную связь на всех уровнях. Третьей составляющей является перевод заявленных стратегических критериев в понятные для всех сотрудников показатели – достижимые, измеримые, уместные и конкретные (то, что соответствует механизму SMART). Четвёртая составляющая – инструменты энергообеспечения реализации стратегии. К этим инструментам относится комплекс, включающий в себя процедуры выводов из фактических оценок, система мотивации (прежде всего – система оплаты труда), инструменты бюджетирования и механизмы принятия решений.

Соблюдение перечисленных условий – огромная текущая работа менеджмента компании. Её результатом будет не только реализация самой стратегии, выраженная достижениями фактических показателей, но и повышения имиджа компании, прежде всего – на самом капризном профильном рынке, рынке труда.

Литература:

1. Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Системные описания в психологии. – СПб., LMFR, 2007.
2. Марковский В. Реализация стратегии // Top-manager. – 2007. № 3. – С. 32-38.
3. Мэнкинс М., Стиг Р. Реализация стратегии // ITeam – технологии корпоративного управления / <http://www.iteam.ru>
4. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – М.: Дело, 1998.
5. V. Nissinen. Military leadership. – Helsinki, University Pb, 2004.

Н.Р. ОГАНЕЗОВ, кандидат философских наук,
Торгово-промышленная палата Ростовской области
N. Oganezov, candidate of philosophical Sciences,
Chamber of Commerce and industry of the Rostov region

Роль принципа свободы договора в гражданском праве Российской Федерации

The role of the principle of freedom of contract in the civil law of the Russian Federation

Аннотация: Работа в торгово-промышленной палате Ростовской области позволяет автору с позиции своего профессионального опыта оценить роль принципа свободы в гражданском праве Российской Федерации.

Abstract: Work in the trade-industrial chamber of the Rostov region allows the author to position their expertise to assess the role of the principle of freedom in the civil law of the Russian Federation.

Ключевые слова: гражданское право, экономика, международное право, римское право, участники договора, условия договора, договорное право, предпринимательство, взаимоотношения субъектов гражданского оборота.

Key words: civil law, Economics, international law, Roman law, the parties to the Treaty, the terms of the contract, contract law, business, relations between subjects of civil turnover.

Договор является одним из наиболее распространённых элементов гражданско-правовых отношений, который применяется во всех областях жизни общества и обслуживает разнообразные имущественные связи, как предпринимателей, так и граждан. Интернационализация производства, стремительное развитие системы международного разделения труда и форм транснационального управления экономикой в условиях глобализации выдвигают на первый план вопросы гармонизации и унификации норм и принципов правового регулирования экономических процессов в обществе, начиная с общеконцептуального уровня и заканчивая вопросами формирования специального правового режима применения норм международного права и юрисдикции национальных правовых норм на территории другого государства.

В этих условиях становятся очевидны юридические преимущества договорной формы взаимоотношений, которые проявляются в их гибкости и сравнительной просто-

те, когда первоначальные условия договора могут быть в дальнейшем дополнены контрагентами и даже изменены, права участников договора – уступлены третьим лицам и т.п. Вместе с тем нельзя упускать из виду интенсивное развитие сферы экономических отношений во второй половине XX столетия и главным образом на его исходе. Оно имело одним из непосредственных следствий усложнение гражданского оборота, включая появление новых и расширение числа смешанных договорных форм, распространения сложных договоров, связанных с производством и передачей know how, и особенно информационных технологий. Всё это требует дополнительной разработки вопросов, которые связаны с их правовым регулированием, поскольку современное гражданское законодательство насчитывает достаточно большое количество пробелов в области договорного регулирования, которые требуют восполнения.

Исторически общеконцептуальные основы договора и дого-

ворных отношений разрабатывались не только на уровне теории гражданского права, но и в рамках философско-правовых отношений, что указывает на наличие глубоких смысловых пластов этой темы. Так, Гегель в своей «Философии права» – в разделе «Абстрактное право» – трактовал договор как внешнее выражение взаимного признания лиц как субъектов правовых отношений. По мнению учёного, такими субъектами их делает именно закреплённое в договоре отношение друг к другу как к лицам, обладающим свободой воли: «Право заключается в том, чтобы с каждым в отдельности другой считался и обращался как со свободным существом. Каждый, поскольку его признают свободным существом, есть лицо. Поэтому принцип права можно выразить так: с каждым другой должен обращаться именно как с лицом. Для отчуждения в пользу другого требуется моё согласие передать ему вещь и его согласие принять её: это обоюдное согласие, если оно взаимно высказано и

объявлено действительным, называется договором «*растум*»¹.

Таким образом, в основе договора лежит базисная идея для классической философии права – идея свободы, которая является исходным, высшим принципом договора и договорного права. Поскольку рыночный обмен является обменом товарами, который осуществляют их свободные собственники, постольку он и должен строиться в виде отражающих взаимные интересы товаровладельцев актов их свободного и согласованного волеизъявления, в основе которого лежит принцип взаимного признания свободы субъектов рыночных отношений. Этот принцип выражается в том, что участники договорных отношений самостоятельно организуют производство и сбыт товаров, работ, услуг путём заключения и исполнения договоров контрагентами, тем самым определяя характер и содержание отношений, составляющих экономический оборот. Условия договоров в конечном итоге утверждаются самими сторонами и отражают баланс их интересов. Вместе с тем гражданско-правовой договор институционализирует факт согласования контрагентами своих целей и определения необходимых действий по их достижению. Он придаёт результатам этого согласования обязательную для сторон юридическую силу, которая может обеспечить и его принудительную реализацию.

Идея свободы является высшим принципом договорного права. По мере развития права, правовой теории, правосознания участников гражданского оборота развивается и сама форма договора, а идея свободы конкретизируется в ряд других идей договорного права, которые также приобретают зна-

чимось его принципов и с течением времени находят выражение в законодательно закреплённых нормах договорного права. Таким образом происходит эволюция идей-принципов договорного права в форму его норм-принципов. Остановимся на этом вопросе чуть более подробно.

Здесь нельзя не согласиться с мнением, что принцип – это «центральное понятие, основание системы, обобщающее положение, распространяемое на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован»². Само понятие «принцип» происходит от латинского *principium* – начало, первооснова; означает: 1) основное, исходное положение какой-либо теории, учения и т.д.; руководящая идея, основное правило деятельности; 2) внутреннее убеждение, взгляд на вещи, определяющие нормы поведения; 3) основа устройства, действия какого-либо механизма, прибора, установки.

Под принципом права понимается императивная норма, имеющая более высокое значение в правовой системе, нежели иные нормы, поскольку именно он определяет смысл и содержание иных нормативно-правовых актов, именно на него вправе опираться правоприменитель, когда сталкивается с пробелом в праве. В то же время принципы – это идеи, т.е. некие идеальные установки, определяющие смысл и содержание нормативно-правового регулирования тех или иных общественных отношений, но в праве возможны и отклонения от них³.

Единство принципов, определяющих конкретное содержание общественных (в том числе межличностных) отношений, которые являются объектом правового ре-

гулирования, является системообразующим элементом договорного права. Система принципов договорного права основывается на правовой культуре общества, действующем законодательстве, научном мировоззрении⁴. Принципы договорного права и, формируются как элемент права, если понимать последнее предельно широко, как составную часть национальной и мировой культуры. «Право как явление национальной и мировой культуры в присутствующей ему нормативной форме аккумулирует духовные ценности и достижения народа, человечества: права человека, демократию (народовластие), моральные (нравственные) устои общества, социальную справедливость»⁵.

Принципы договорного права отражают глубинное содержание, сущность, функции, формы реализации практики рыночных отношений, они определяют поведение граждан, деятельность законодателя и правоприменителя. Это своеобразный фундамент, на котором базируется договорное право. Принципы – это прежде всего отправные идеи, представляющие собой интеллектуальные и духовные положения, характеризующие содержание, социальное назначение, функционирование и развитие договорного права. В обобщённом виде принципы договорного права можно обозначить как отправные идеи, закреплённые в действующем законодательстве, характеризующие сущность и содержание договорных отношений и определяющие их законодательное развитие, практику применения и отвечающие естественным правам человека.

В юридической литературе принято различать представления

¹ Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика (§§ 4 – 15)

² Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. – М., 1987. – С. 382

³ Существует несколько подходов к установлению сущности принципа права. Суть первого состоит в том, что под принципами права понимаются выраженные в праве основные, исходные положения, характеризующие его содержание и реализацию (см.: Шебанов А.Ф. Советское социалистическое общенародное право. – М., 1963. – С. 48-50). Сторонники второго подхода особо выделяют объективный характер принципов (см.: Братусь С.Н. Предмет и система гражданского права // Правоведение. – 1960. №1. – С. 48

⁴ Словарь иностранных слов. – М., 1980. – С. 409

⁵ Синоков В.Н. Функции права. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 1997. – С. 156

о принципе как идее и как о совокупности норм права⁶. В первом случае принципы являются элементами научного правосознания и выражают сущность исторически установившихся представлений о сущности правовых отношений. Когда идея-принцип, являясь продуктом правовой политики государства и его органов, выражается в логической форме и закрепляется в системе законодательства, она приобретает отчетливо выраженную нормативную природу. Правовая норма выступает общим масштабом, единой мерой поведения людей, она рассчитана на регулирование не отдельного, единичного отношения, а вида отношений. Этим она отличается от актов применения права, договоров, индивидуальных распоряжений. Определение принципов договорного права в качестве его норм (норм-принципов) обуславливает их правовой характер. Такие нормы-принципы имеют юридическую силу. Их присутствие в правовом поле в нормативном виде определяет возможность трансформации идей, обычаев, традиций, ценностей, влияющих на гражданско-правовые отношения, в структурно-интегрированный способ комплексного правового воздействия на процессы соглашения сторон, в основе которых лежат их воля и самостоятельность. Это присутствие также задаёт рамки социально приемлемых возможностей договорной формы взаимоотношений субъектов гражданского оборота.

Развитие и закрепление идей-принципов договорного права в нормы-принципы мы находим уже в римском праве.

Как необходимое следствие идеи свободы в договорном праве закрепляется принцип имуще-

ственной ответственности и обязательности выполнения договора. Поэтому уже в классическом римском праве различаются форма соглашения как простого соглашения волеизъявления сторон и собственно договора как основы возникающих между этими сторонами обязательственных отношений⁷. Гражданско-правовой договор понимался как «согласованное выражение воли двух противостоящих сторон, направленное на установление той правовой связи, которая составляет содержание обязательств»⁸.

Римские юристы выделяли следующие принципиальные элементы договора: согласное выражение воли двух или более сторон, достигаемое в виде соглашения; соглашение должно быть направлено на установление правовой связи в виде обязательств; соглашение должно защищаться правом и не противоречить ему; оно должно выступать в той форме, которую требует право⁹.

В той или иной форме этот, первоначально разработанный в римском праве, принцип свободы договора вошёл во все правовые системы именно в силу его универсального характера, соответствия базовым принципам естественного права и глубокой связи с фундаментальным принципом свободы участников гражданско-правовых отношений.

Общий гражданско-правовой принцип свободы, будучи конкретизирован как принцип свободы договора, проявляется в нескольких различных аспектах:

– как свобода в заключении договора и отсутствие понуждения к вступлению в договорные отношения (см. п. 1 ст. 421 ГК РФ). При этом закон всё же не исключает случаев принудительного заклю-

чения договора, однако лишь в тех случаях, когда это предусмотрено законом непосредственно (например, в отношении публичных договоров или по предварительному договору);

– свобода договора состоит в свободе определения характера заключаемого договора. Современное гражданское законодательство не предусматривает исчерпывающего перечня договоров, что позволяет участникам рыночных отношений гибко приспосабливаться к условиям рынка. Некоторые виды сделок вообще не имеют прямых законодательных «прототипов»¹⁰;

– стороны свободны в заключении смешанных комплексных договоров, которые могут содержать элементы различных разновидностей договора, к которым применяются правила о тех договорах, элементы которых содержатся в нём;

– свобода договора проявляется в свободе определения его содержания. Стороны договора по своей воле определяют его содержание и формируют его конкретные условия, если это не противоречит действующему законодательству.

В российском законодательстве принцип свободы договора в общем виде содержится в п. 2 ст. 1 ГК РФ. В нём определено, что граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своём интересе. Они полностью свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых его условий, если последние не противоречат действующему законодательству.

Принцип свободы договора имеет особенно большое значение для международного коммерческого оборота, поскольку позволяет предпринимателям свободно решать, кому предлагать свои то-

⁶ Ефремов А.Ф. Теоретические и практические проблемы реализации принципов законности в Российском государстве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2001. С. 25–26. Ср.: Греффат Б. О месте принципов в системе современного международного права // Правоведение. – 1969. № 2. – С. 109

⁷ Римское частное право / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М., 1997. – С. 24

⁸ Там же. С. 363

⁹ Новицкий И.Б. Римское право. – М., 1997. – С. 123.

¹⁰ Иванов Е.В. Расчетный форвардный контракт как срочная сделка. – М., 2005. – С. 42-44

вары или услуги, а также предоставляет возможность свободно согласовывать условия отдельных сделок. Данное положение действует, естественно, с учётом тех императивных норм, которые государство может в тех или иных случаях устанавливать для подобного рода сделок.

Экспликацией принципа свободы именно как ведущего принципа гражданско-правовых отношений является также принцип диспозитивности, социальное содержание которого проявляется в свободе субъектов права по распоряжению принадлежащими им правами. В связи с особенностями предмета гражданско-правовых отношений наполняется специфическим содержанием и принцип

диспозитивности. Принцип диспозитивности является важной идеей договорного права. Как норма-принцип эта идея выступает посредством диспозитивных норм, к которым относятся положения, предоставляющие возможность участникам правоотношений по-иному формулировать определённые в них условия. Принято положение, согласно которому, если сами стороны эти условия не выработали, применяется правило, установленное в норме. В целом, к диспозитивным относятся те нормы, которые дают субъектам возможность по своему усмотрению определять условия их взаимоотношений, предоставляя им тем самым свободу в выборе способа деятельности на рынке.

Принцип диспозитивности находится в тесной связи и взаимодействии с такими принципами, как принцип законности, объективности истины, состязательности судопроизводства и т.п.

Выделенные выше идеи-принципы договорного права, и прежде всего – принцип свободы договора, являются общими для всех европейских правовых систем. Однако их воплощение в системе конкретных норм зависит от конкретных исторических условий, традиций, прецедентов, что привело к формированию различных моделей системной взаимосвязи этих норм-принципов, а соответственно – выдвигает достаточно сложную задачу их согласования и унификации.

Д.Б. ГРЫЗЛОВ, проректор Национального открытого института

г. Санкт-Петербург

D. Gryzlov, vice-rector of the National open Institute, St. Petersburg

От расходов к результатам в работе с персоналом From spending results in work with personnel

Аннотация: В статье рассмотрено структурирование затрат организации на работу с персоналом, включая найм и увольнение работников.

Abstract: In the article the structuring costs on work with the staff, including recruitment and dismissal of employees.

Ключевые слова: персонал, затраты, оптимизация структуры, социальный пакет, рынок труда, квалификация, страховые фонды, воспроизводство трудового потенциала.

Key words: personnel, costs, optimization, social package, labour market, skills, insurance funds, the reproduction of the labor potential.

Современное управление персоналом осуществляется на основе интеграции различных областей знаний и профессиональных качеств коллективов. Роль человека в общественно-экономической деятельности постоянно возрастает. В настоящее время затраты на формирование, использование и развитие персонала содержат два подхода – затратный и инвестиционный.

Создание условий для развития персонала организации происходит путём управления финансовыми потоками. Хотя, стоит оговориться сразу, универсальных методов и процедур в управлении персоналом не существует. Поэтому бюджетирование следует считать творческим процессом, в связи с субъективными условиями, а значит, этот процесс внутриорганизационного бюджетирования различен. В предлагаемой методологии бюджетирования затраты на персонал планируются с учётом финансовых ограничений и их оптимизации.

Эффективное управление организацией с учётом финансовых ограничений происходит при условии получения точной информации о текущем и прогнозируемом учёте финансового положения (или состояния) организации.

Инструментом финансовых потоков, позволяющим принимать решение об эффективном управлении, является система учёта, включающая исполнение всей иерархической системы бюджета организации для достижения поставленной цели. Совокупность бюджетов организации (предприятия) образует бюджетную систему. В связи с этим бюджетирование признаётся частью системы управления, с определением, на основе анализа, отклонений фактических показателей от плановых. Система бюджетирования объекта исследования базируется на специальной созданной системе управленческого учёта, с отражением всех форм деятельности организации. При бюджетировании закладываются следующие цели: организация процесса управления с быстрым реагированием на изменения; обеспечение связи между стратегией развития и оперативной деятельностью; эффективное использование ресурсов. Задачами процесса бюджетирования выступают: текущее планирование; обеспечение реальных прогнозов финансово-хозяйственной деятельности, включая координацию работы подразделений; обоснование затрат по направлениям деятельности; оценка и контроль выполнения плана;

выполнение трудовых или коммерческих контрактов; повышение управляемости организации – отклонение фактических данных от плановых со своевременной корректировкой.

Затраты на персонал увязаны с процессом воспроизводства рабочей силы, в который также входят подготовка, обучение, повышение квалификации работников, участие в профессиональных конференциях, выставках, публикации, корпоративные мероприятия. В процесс затрат включены распределение, обмен и воспроизводство трудового потенциала работников, средств и предметов труда. Удовлетворение основных потребностей, связанных с воспроизводством трудового потенциала – это важная определяющая социально-экономических характеристик организаций и государства. Формирование затрат на рабочую силу и их возмещение базируется на системном подходе с определением субъектов отношений, уровней регулирования, аппарата управления, правового обеспечения, принципов взаимодействия и согласования интересов всех субъектов отношений.

Затраты на персонал представляют собой основной источник возмещения совокупных затрат на

воспроизводство трудового потенциала сотрудников, выступающих в виде вознаграждений за выполненную работу и дополнительных расходов на обеспечение персонала.

Затраты работника на собственное развитие и обеспечение определённого им уровня жизни – это косвенные источники возмещения. К прямым источникам возмещения относятся компенсационный пакет работника организации, складывающийся из фонда охраны труда, фонда социального развития, а также дивидендов по акциям, участия в собственности и выплаты в страховые фонды.

Бюджетирование затрат работодателей на персонал состоит из целенаправленного процесса составления и исполнения бюджета по персоналу, обеспечивающего воспроизводство трудового потенциала работников, их эффективность деятельности и конкурентоспособность организации. Для этого определяются задачи бюджетирования; проводится анализ организации и эффективности труда сотрудников, с учётом показателей производительности; направления развития и выявления ограничений по затратам на персонал; мероприятия по оптимизации затрат на персонал.

Бюджетирование затрат организации на персонал базируется на использовании показателей затрат, производительности труда и снижения издержек, а также определении ограничений по затратам. На основе анализа осуществляется оптимизация затрат на персонал посредством выбора наилучших вариантов действий, лучшего варианта использования и введения ограничений для получения наилучшего конечного результата.

Выбор альтернативы между трудом и капиталом устанавливается на основе двухфакторной производственной функции, показывающей различные объёмы труда (Т) и капитала (К), которые объединяются для выпуска продукции или объёма услуг (Q)

$$Q = f(T, K).$$

Общий объём выпускаемой продукции или услуг зависит от спроса на продукт (услугу), от величины труда и капитала в зависимости от цен, технологий, имеющихся в распоряжении организации. Функция формирования персонала организации – это одна из функций, связанная с управлением персоналом, она включает планирование потребности в работниках, их наём и высвобождение.

Планирование потребности в персонале осуществляется на основе данных рынка труда, которое регулирует качественное и количественное соответствие требований рабочих мест компетенции, навыкам, знаниям работников организации. Сбалансированный рынок труда позволяет обеспечить долгосрочное выполнение задач организации. Он формируется на основе расчёта затрат сбалансированного рынка труда. В случае разбалансирования рынка труда организация рассчитывает затраты на найм необходимых работников и высвобождение тех из них, кто является кадровым «балластом». Затраты на наём персонала – это все издержки организации и все затраты, возникшие в результате реализации этих действий. При этом учитываются специфика труда и факторы, влияющие на рынок труда организации. Бюджетирование затрат здесь зависит от мониторинга рынка труда, качества вакансий, их количества, источников найма, их потребности, их критериев отбора, процесса отбора и результата. Расчёт затрат на наём персонала оптимизирует затраты на его формирование и одновременно на управление.

Затраты на высвобождение персонала – это издержки организации на комплекс мероприятий по соблюдению правовых норм и оказанию организационно-психологической поддержки администрации при увольнении работников. Затраты на высвобождение зависят от инициатора и причины

высвобождения, плавности регулирования кадровой текучестью и профессиональных качеств высвобождаемых людей и числа работников. Рассчитывая затраты на высвобождение персонала, организация оптимизирует затраты на его формирование.

Важным моментом является бюджетирование затрат на использование персонала организации, включающее адаптацию персонала и его функционирование. Бюджетирование затрат состоит из текущего планирования во взаимосвязи с производительностью труда и фондом оплаты труда; из координации и коммуникации подразделений при использовании персонала; из адаптации и функционирования персонала; из оценки и контроля планов; из повышения управляемости и исполнения требований законов и контрактов. Бюджетирование затрат на использование персонала включает разработку разделов затрат бюджета, направленных на адаптацию, работу персонала, условия и охрану труда, оплату труда, социальные выплаты, мониторинг затрат, анализ оптимизации затрат.

Управление работой персонала является важной функцией, связанной с управлением и направленной на создание безопасных условий труда, оплату труда, которые позволяют мотивировать и стимулировать производительный труд и социальное развитие персонала.

Факторы, воздействующие на условия труда, можно разделить на три группы: социально-экономические, технические + организационные и естественно-природные.

Затраты на улучшение условий и охрану труда работников формируются за счёт затрат на создание и функционирование системы обеспечения безопасности жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, в том числе установленных конвенцией и рекомендациями Международной организации труда о безопасности и гигиене труда.

Самым важным разделом является бюджетирование затрат на оплату труда персонала с определением величины возмещения этих затрат. Рекомендуется оплату труда исчислять дифференцированно применительно к категориям работников, видам деятельности и географическим условиям нахождения предприятия или организации.

Бюджетирование затрат на социальные выплаты персоналу начинается с составления социального пакета, который выступает средством предотвращения негативных явлений. Социальные выплаты организации закрепляются в положениях о социальных льготах, на их основе формируется фонд социального развития.

В большинстве организаций компенсационный пакет работника складывается из средств разных фондов: охраны труда, социального развития, оплаты труда и средств, не входящих ни в один из этих фондов.

Размер компенсационного пакета работника организации (K_n) определяется как функция переменных: $K_n = f(L, BO, PT, PP, PM)$, где L – личные переменные (потенциал, компетенция), BO – возможности организации, PT – состояние внутриорганизационного и внешнего рынка труда, PP – система государственного регулирования, PM – характеристика рабочего места или выполняемой работы. Основная часть компенсационного пакета работника – заработная плата, включающая та-

рифную часть (оклад), доплаты и компенсации, надбавки, премии.

Функция развития персонала организации включает в себя составные подфункции: оценку персонала, обучение персонала и формирование кадрового резерва, в том числе мониторинг бюджетов затрат и оптимизации затрат.

Оптимизация затрат на персонал возникает при требованиях акционеров, при реструктуризации, при смене собственника, при изменении стратегических планов, при снижении издержек производства.

Общностью всех видов планов является возможность сокращения расходов на персонал, в том числе связанных с уменьшением рынка спроса продукции или услуг, производимых организацией или предприятием.

В.Н. МОКИН, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургский торгово-экономический институт

Т.А. ПЕРЕВЕРЗЕВА, доктор экономических наук, НОИР г. Санкт-Петербург

V. Mokin, doctor of economic Sciences, Professor of the St. Petersburg Institute of trade and Economics

T. Pereverzeva, doctor of economic Sciences, NOIR, St. Petersburg

Рыночные отношения и диверсификация с трансфертным ценообразованием

Market relations and diversification transfer pricing

Аннотация: В условиях рынка – как для сферы производства, так и для сферы обращения – значимыми являются положения о свободе получения образования, выбора профессии, рабочего места; о свободной конкуренции; о свободе ценообразования и о неограниченных возможностях получения высокого заработка из фонда оплаты труда и прибыли предприятия. Все четыре принципа ведения рыночного хозяйства не вызывают сомнений. Однако мы забываем, что они характеризуют в основном устоявшийся, развитый рынок. В условиях развивающегося рынка, который существует в России, эти принципы должны быть трансформированы.

Abstract: In the market for the production and the sphere of circulation – significant are the provisions on freedom of education, choice of profession, the workplace; on free competition; on freedom of pricing and unlimited opportunities for high earnings from the Fund of wages and profits of the enterprise. All four of the principle of keeping the market economy does not cause doubts. However, we forget that they are characterized by mostly well-established, well-developed market. In an underdeveloped market that exists in Russia, these principles must be transformed.

Ключевые слова: рыночные отношения, либеральная экономика, децентрализация государственных полномочий, планирование, холдинги, концентрация капитала, трансфертное ценообразование.

Keywords: market relations, liberal economy, decentralization of authority, planning, holdings, the concentration of capital, transfer pricing.

В условиях рынка – как для сферы производства, так и для сферы обращения – значимыми являются положения о свободе получения образования, выбора профессии, рабочего места; о свободной конкуренции; о свободе ценообразования и о неограниченных возможностях получения высокого заработка из фонда оплаты труда и прибыли предприятия. Все четыре принципа ведения рыночного хозяйства не вызывают сомнений. Однако мы забываем, что они характеризуют в основном устоявшийся, развитый рынок. В условиях развивающегося рынка, который существует в России, эти принципы должны быть трансформированы.

Первое замечание относится к соотношению регулирования и дерегулирования экономических процессов в сферах производства и обращения. Передача государственных полномочий по регу-

лированию экономики в области ценообразования, общественного разделения труда и других полномочий из центра на места в целом является позитивным явлением для формирования либеральной экономики, но при этом децентрализация сама по себе не может служить панацеей от всех бед и её не следует абсолютизировать в качестве универсального решения всех рыночных проблем. Более того, децентрализация подчас не только решает, но и порождает определённые проблемы для местных властей, которым зачастую бывает нелегко сформировать квалифицированный штат сотрудников для осуществления функций, переданных им в рамках децентрализации. Децентрализация также обостряет проблему неравенства в уровнях предоставляемых услуг населению различных районов. Как свидетельствует практика, чем больше децентрализована та или иная

функция, тем больше диспропорции между регионами (районами) наблюдается в её осуществлении. Подобное положение часто усиливает социальную напряжённость в отдельных территориальных образованиях.

Демократизм либеральной экономики не обязательно пропорционален степени децентрализации экономических процессов. В развитой рыночной экономике децентрализация государственных полномочий зачастую определяется не столько теми или иными рыночными демократическими принципами, сколько соображениями административного характера. Может сформироваться ситуация, при которой указанные принципы будут лучше обеспечены в рамках государственного регулирования. Местные ценности могут не совпадать с общедемократическими общегосударственными.

Последние события с обвальным ростом цен на потребительском рынке продовольствия подтверждают высказанное предположение о том, что демократизм рыночной системы не обязательно пропорционален степени дерегулирования экономики.

Как известно, одной из причин роста цен на продовольственные товары называлась отрицательная роль перекупщиков, которые возникли в логистической цепочке продвижения продовольствия от производителей до потребителей. С теоретической точки зрения они вписываются в процессы общественного разделения труда (единичное, частное, общее) и в общеизвестные фазы общественного производства (производство, обмен, распределение, потребление). При этом обмен оказался гипертрофированным. Оптовое звено (перекупщики) стало диктовать свою волю и производителям, и розничной торговле, скупая сырьё по низким ценам у сельскохозяйственных производителей, которые не восполняли их затраты, и с высокими накрутками продавали рознице, которая также отслеживала свои интересы и принимала участие в росте инфляции. Спрашивается, почему существующая рыночная система в России не самоорганизовалась в интересах населения, потребителей? Почему сформировалось общественное «квазиразделение» труда, которое деформировало воспроизводственные процессы? На наш взгляд, «квазиразделение» следует рассматривать как множество участников торгово-производственного процесса, деятельность которых не выражается в реальных продуктах и услугах, а опосредуется формированием стоимостных приращений объёмных показателей, не сопровождающихся адекватными изменениями натуральных показателей.

Что касается ответа на поставленный вопрос, то он может быть следующим. Децентрализация, дерегулирование, передача государ-

ственных полномочий из центра на места не способствует упреждению таких явлений. Естественно, возврат к тотальному, жёсткому планированию, имевшему место в социалистической системе хозяйствования, не представляется возможным в нынешних реалиях развития экономики России. В то же время назрела необходимость поиска новых экономических и административных методов регулирования рыночных процессов, исходя из требования удовлетворения потребностей населения и учёта проявления действия рыночных экономических индикаторов в промышленности, сельском хозяйстве, торговле.

Положение, при котором тридцать процентов валового внутреннего продукта приходится не на промышленность или сельское хозяйство, а на торговлю, является аномалией. Такие условия не способствуют формированию качественного ВВП. В текущих обстоятельствах ВВП в значительной степени создаётся за счёт «квазиразделения» труда. Непаритетное ценообразование, при котором из всех отраслей сельское хозяйство является самой уязвимой отраслью, приводит к тому, что продовольственная безопасность страны оказалась на грани. Например, доля импорта продовольственных товаров в Москве составляет семьдесят процентов. Уже по этому экономическому индикатору можно прогнозировать будущее неадекватное развитие продовольственного рынка требованиям потребителей.

Практика, а не государство, отреагировала на ценовые сдвиги стремлением отраслей-производителей оказаться ближе к первичным денежным потокам, исключив посредников путём создания новых организационно-правовых структур, сочетающих и общее, и частное разделение труда на фоне процессов концентрации производства и капитала.

Рыночные условия создают определённые тенденции разви-

тия. Во всех отраслях усиливаются процессы концентрации капитала, которые происходят как на базе единичного разделения труда, так и на базе общего и частного разделения труда. В рыночных условиях России ожидания монополизации производства и торговли на базе единичного разделения труда сразу были отвергнуты. Данный процесс является слишком длительным. Поэтому концентрация в виде поглощений, слияний, добровольных объединений или приобретения контрольных пакетов акций оказалась более привлекательной из-за своей смежных предприятий для покрытия расходов от основной деятельности. Промышленные и сельскохозяйственные предприятия, которые несут убытки от своей основной деятельности, приобретают или организуют свою торговую сеть, которая даёт им прибыль для поддержания своей основной деятельности. Проявляется и другая тенденция, когда обанкротившиеся сельскохозяйственные и промышленные предприятия теряют свою экономическую независимость и приобретаются или поддерживаются торговыми сетями. Таким образом, можно выделить следующие основные типы диверсификации применительно к нашему исследованию: торговля становится частью какой-либо организационной структуры (концерн, холдинг, финансово-промышленная группа и т.д.), основной формой функционирования которой не является торговая деятельность; торговля сама начинает владеть предприятиями других отраслей или вкладывать капитал в эти отрасли, приобретая акции этих предприятий; краткосрочное объединение интересов торговых сетей или сотрудничество по разовым сделкам на взаимовыгодной основе при сохранении экономической самостоятельности предприятий.

Эти процессы можно проиллюстрировать следующими примерами. Организационные формы

диверсификации на основе частного и общего разделения труда могут быть различными. Сюда можно отнести агропромышленные предприятия, агропромышленные комбинаты, финансово-промышленные группы, холдинги и т.д.

Рассмотрим кратко структурную составляющую указанных объединений, имеющих вертикально-интегрированное формирование. Например, агрокомбинат «Раменский» в Московской области включает 22 сельскохозяйственные организации, 13 обслуживающих, 6 торговых. Агрохолдинг «Малино» в Московской области включает производство сельскохозяйственной продукции в Коломенском районе; хранение, предпродажную подготовку, оптовую торговлю картофелем, овощами в посёлке «Малино»; розничную торговлю продовольственными товарами в Москве.

Наибольших экономических достижений в торгово-производственной деятельности достигают холдинги с хорошей финансовой базой, когда финансовое обеспечение достигается за счёт выпуска облигационных займов, выхода на IPO. К таким холдингам принадлежит «Сибирская Аграрная группа», которая является вертикально-интегрированным холдингом, включающим в себя свинокомплекс с производством свинины до 22 тыс. тонн; три фермы крупного рогатого скота с поголовьем 4,5 тыс. и выпуском молока 25 тыс. тонн в день; два мясокомбината и розничную сеть из 80 специализированных магазинов. Основные рынки сбыта: Томская, Новосибирская, Кемеровская области и Красноярский край. Также компания развивает продажи в Алтайском крае и Иркутской области. Доля «Аграрной группы» на рынке Томской области составляет 40%, в Томске – 78%. Холдинг закрепляет свои позиции по всей территории Сибири и Урала, уменьшая долю импорта в продовольственном секторе. В его секторе функциони-

рования она упала с 50 до 25 процентов. Успешная деятельность такого холдинга и значительные перспективы его развития оказались возможными за счёт поддержки административных структур Сибирского федерального округа и в связи с началом действия национального аграрного проекта.

Опыт функционирования подобных холдинговых структур позволяет сделать ряд выводов и рекомендаций по улучшению их деятельности, особенно в области ценообразования. Менеджмент-холдинг в торгово-производственной деятельности предстаёт классической версией организационной структуры штабного типа. Он является моделью управления большого многопрофильного предприятия с несколькими подразделениями и службами, выпускающими различную продукцию или имеющими разветвлённую географию производства и реализации продукции. Понятно, что компания – учредитель холдинга оставляет за собой право намечать стратегические цели холдинговой структуры. Но могут быть и отступления от такой политики.

При наличии стратегической централизации определённые функции могут передаваться холдинговой структуре (торговле, производству и т.д.). В этом случае потребуется большая координация действий на основе использования экономических методов управления, чем при классической штабной версии. Штабы выступают как выделенные бизнес-единицы с широким кругом обязанностей и полномочий, со своим бюджетом и торгово-производственными планами. В составе крупных предприятий с финансовой моделью управления на основе менеджмент-холдинга бизнес-единицам присваивается статус центров ответственности. В зависимости от того, по какому параметру осуществляется контроль за бизнес-единицами, различают следующие центры ответственности: кост, профит, инвест.

Краткое рассмотрение порядка образования и функционирования центров поможет нам обосновать предложения по улучшению их работы.

В кост-центрах (cost в переводе с английского означает расходы) руководство холдинга контролирует только расходы бизнес-единицы, предоставляя ей право в масштабе сметы расходовать средства по своему усмотрению. При этом все остальные вопросы определяются руководством холдинга. В профит-центрах (profit означает прибыль в переводе с английского) бизнес-единице даётся задание по прибыли. Аналогом профит-центров является широко распространённый в 70-80-е годы в СССР полный хозрасчёт. Руководитель профит-центра уполномочен принимать все оперативные решения, связанные с ценообразованием, созданием продукта. В инвест-центрах руководство холдинга выделяет инвестиции на какие-то целевые программы. Руководитель имеет возможность часть прибыли реинвестировать вновь после предусмотренной выплаты дивидендов владельцам.

Таким образом, менеджмент-холдинги, особенно основанные на финансовой модели управления, в отличие от классической структуры управления, предполагают организацию работы бизнес-единиц на основе использования трёх видов центров ответственности, которые нуждаются в большей координации и регулировании их деятельности на основе применения рыночных экономических методов управления.

Использование центров ответственности в части регулирования работы бизнес-единиц предполагает два варианта их функционирования по выбранным целям развития. Структура бизнес-единиц и соответствующие им центры ответственности остаются стабильными до тех пор, пока не меняется стратегия холдинга. И другой вариант. Бизнес-единицы и соответствующие центры от-

Перераспределение доходов между бизнес-центрами

Показатели	Торговля	Сельское хозяйство	Итого по холдингу
1. Объём продаж (млн. руб.)	600	400	1000
2. Валовые доходы в % к объёму продаж	10	2	6,8
3. Валовые доходы (млн. руб.)	60	8	68
4. Затраты в % к объёму продаж	5	4	4,6
5. Затраты (млн. руб.)	30	16	46
6. Прибыль в % к объёму продаж	5	-2	2,2
7. Прибыль (млн. руб.)	30	-8	22
8. Расчётная рентабельность к затратам	$X/5\%=0,48$ $X = 2,4\%$	$X/4\% = 0,48$ $X = 1,92\%$	$2,2\% / 4,6\% = 0,48$
9. Расчётные валовые доходы в % к объёму продаж	$5\% + 2,4\% = 7,4\%$	$4\% + 1,92\% = 5,92\%$	$2,2\% + 4,6\% = 6,8\%$
10. Расчётные валовые доходы (млн. руб.)	44,4	23,6	68
11. Расчётная прибыль (млн. руб.)	14,4	7,6	22

ветственности находятся в перманентном эволюционном динамическом развитии в зависимости от требований рынка (объединение, исчезновение, появление новых центров). Второй вариант, на наш взгляд, является более предпочтительным. Но реализация его более трудоёмка и должна основываться на других принципах, чем традиционная штабная версия. Во-первых, менеджмент-холдинг должен быть готовым к возможности выделения организационных структур, оформленных в бизнес-единицы, из действующей холдинговой структуры, после чего они в состоянии существовать самостоятельно с присвоенным статусом одного из трёх центров ответственности. Данный принцип вытекает из теоретического посыла, связанного с процессами общественного разделения труда (единичное, частное, общее) и возникающими комбинациями этих процессов в зависимости от требований потребительского рынка. Во-вторых, исходя из требований общей теории систем, мы не должны забывать, что целое, то есть система в виде холдинга, должно превалировать над частями целого – бизнес-единицами, функционирующими на базе выбранных центров ответственности. Это возможно, если будет найден системообразующий фактор целого,

то есть холдинга. Таким системообразующим фактором, на наш взгляд, при функционировании системы с подсистемами в виде центров ответственности, является трансфертное ценообразование. То есть построение системы внутренних цен между бизнес-единицами, основанной на стратегической установке – стабильности ценообразования, исходя из факторов развития внутренней среды системы, обеспечивающей рентабельную работу всех бизнес-единиц на основе использования показателя рентабельности, численного к издержкам производства и обращения по холдингу в целом.

Приведём условный пример перераспределения цен между двумя бизнес-единицами (торговля – сельскохозяйственное производство) в рамках холдинга. Причём сельскохозяйственная деятельность является убыточной.

Следовательно, по фактическим данным реализация продукции сельского хозяйства для холдинга являлась убыточной, но с учётом трансфертного ценообразования данная бизнес-единица становится рентабельной. Холдинг не прибегает к политике роста цен, а производит перераспределение доходов внутри системы по системообразующему фактору в виде расчётной рентабельности к затратам – основного элемента трансфертного ценообразования.

Данный метод позволяет определить предел диверсификации, так как расчётные доходы по бизнес-единицам не позволяют значительно отклоняться от планируемых объёмов продаж, иначе потребуется большая сумма доходов для распределения по сравнению с имеющимися доходами. В то же время перераспределять больше, чем есть, невозможно. В противном случае следует менять диверсификационную политику предприятия.

Задача государственных структур состоит в том, чтобы анализировать хозяйственную деятельность предприятий, особенно крупных сетевых структур в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, через регулирующие ведомства (например, службу федерального антимонопольного комитета) и определять – каким путём они будут развиваться, чтобы своевременно отстаивать интересы населения. Наличие транспарентности в деятельности госорганов, обеспечение своевременного поступления информации по ценовой политике для бизнеса позволяет считать, что предлагаемые методы регулирования направлены не на устранение роли рынка, а на укрепление и развитие рыночных отношений.

О.П. ПУЗАНОВ, кандидат философских наук доцент НОИР г. Санкт-Петербург
O. Puzanov, candidate of philosophical Sciences, associate Professor NOIR, St. Petersburg

Подводные рифы гуманизма Underwater reefs of humanitarism

Аннотация: В статье автор обосновывает свой принцип классификации многочисленных гуманистических концепций, для того чтобы выявить пути создания идеологической модели, в наибольшей степени соответствующей своеобразию развития культурно-исторических и политических традиций российского общества

Annotation: In article the author backs up his principle of classification numerous humanistic concepts, in order to identify ways of creating ideological model most appropriate to the originality of development of cultural-historical and political traditions of Russian society

Ключевые слова: гуманизм, гуманитарный, гуманистические концепции, конфессии, религия, мировоззрение, достоинство, этика, нравственность, культура, наука, человечество, сознание.

Keywords: humanism, Humanities, humanistic concept, denomination, religion, philosophy, dignity, ethics, morality, culture, science, humanity, consciousness.

Понятие «гуманизм» – одно из самых употребительных во всех сферах общественной жизни. О гуманизме, который имеет самые разнообразные идеологические и организационные формы, принято говорить как о торжестве человеческого начала. Существуют концепции и целые теории гуманизации науки, права, образования, государственного управления и т.д. Понятию «гуманизм» и производным от него терминам, как правило, придаётся однозначно положительный смысл. Тема гуманизации и гуманитаризации уже давно прорабатывается многочисленными как светскими, так и религиозными исследователями. Можно говорить о направлении, которое удачно обозначается словами «гуманитаризм», «гуманитаристика».

Начиная с учреждения в 1856 году первого объединения интеллектуалов в Голландии под названием «Восход солнца», прокатилась целая череда организационного оформления гуманизма во многих странах и на международном уровне. Подобные ассоциации, союзы и объединения весьма многочисленны. Всеобщим

авторитетом пользуется «Международный гуманистический и этический союз» (5 млн. членов из 30 стран), который является консультационным органом при ООН. В Российской Федерации в середине 1990-х годов профессорами МГУ им. М.В. Ломоносова и Нобелевским лауреатом академиком В.Л. Гинзбургом было инициировано «Российское гуманистическое общество» (РГО), которое имеет отделения в регионах страны. В Санкт-Петербурге, к примеру, действует «Гуманистический союз молодежи» (ГСМ).

В большинстве случаев при менения на обыденном уровне понятия «гуманизм» и связанных с ним терминов и словесно-понятийных конструкций предполагается сама собой разумеющаяся их «прозрачность» – с точки зрения понимания содержания. Гуманизм воспринимается как система положительных ценностных ориентаций и установок, направленных на наивысший расцвет человеческой личности, что рассматривается как главная цель развития общества. В этом смысле гуманизм уже давно обрёл черты общепризнанного идеала, общепризнанной ценности,

которая ориентирует на создание всех условий для удовлетворения потребностей человека и реализации его творческих возможностей, достижения гармонии в социально-экономической и духовной сферах.

Гуманистические призывы начертаны на самых различных знаменах. Не часто в наши дни можно обнаружить какие-либо светские, философские, политические доктрины, а также общественные движения, не признающие благотворности принципов гуманизма для общества и личности. Гуманистическую риторику используют в разнообразных целях: в Великобритании, например, существует... «Гуманистическая ассоциация геев и лесбиянок». Можно привести множество примеров апелляции к гуманистическим идеям самых одиозных тоталитарных идеологий и политических режимов.

Нередко те, кто выступал от имени прогрессивных идей, указывающих путь к общечеловеческому счастью, приходил к совершенно противоположным выводам. «Гуманистам всех времён, – резонно отмечает А. Разумов, – случалось писать тракта-

ты, превосходящие свирепостью знаменитый «Молот ведьм» [12, 6].

Дело не ограничивалось сочинением и использованием в качестве инструкций одних трактатов. Утверждение «Свободы, Равенства, Братства» – гуманистических идеалов Великой Французской революции – сопровождалось казнями аристократов и их детей.

Победное шествие по планете либерально-демократических ценностей достигается в наше время бомбардировками и оккупациями независимых государств, секретными тюрьмами и пытками радикальных исламистов.

От имени последних не так давно в Интернете кто-то пошутил: «Уничтожим всякого, кто не согласен с тем, что ислам самая миролюбивая и человечная религия в мире».

Даже при поверхностно-первоначальном подходе к рассматриваемому нами феномену, можно убедиться, что «прозрачность» понятия «гуманизм», как в плане его становления в истории культуры, так и в аспекте современного смыслового наполнения, – мнимая. Категория «гуманизм» отражает очень сложный, неоднозначный и противоречивый феномен общественной жизни. Анализ содержания данной категории наталкивается на главную трудность: в зависимости от целей и установок исследователей фигурируют самые различные её толкования.

Существует несколько производных от «гуманизма» понятий, которые широко применяются в современной политике, публицистике, художественной литературе и, разумеется, в социальной философии. Например, в ходу прилагательные «гуманный», «гуманитарный», «гуманитарное». Они употребляются для обозначения самого широкого круга политических и экономических явлений. В качестве

«гуманных акций» могут быть, например, провозглашены свержение тоталитарного режима и бомбардировки государств, в которых нарушаются права человека. Поставка продовольствия, медикаментов, предметов первой необходимости беженцам и жертвам этих же «гуманных» бомбардировок почему-то называется «гуманитарной помощью».

Имея свои смысловые оттенки, в современной литературе широко применяются термины «гуманизация» и «гуманитаризация». Под гуманизацией (человечностью) понимают возвышение нравственных ценностей во всех сферах общественной жизни. О гуманитаризации преимущественно говорят, когда речь заходит о повышении в системе образования и воспитания роли так называемых общественных наук и художественно-эстетических ценностей.

Можно утверждать, что феномен гуманизма, ещё задолго до того, как обрёл свое наименование, во все времена был и остаётся ведущей темой для всех философских систем и концепций.

Глубоко прав С.Э. Крапивенский, утверждая, что сама философия, по сути дела, начиналась с осмысления человеческой жизни, а потому неразрывно связана с гуманизмом. Можно также утверждать, что в определённом смысле все исторические разновидности философских систем – это варианты гуманистических концепций, даже если в их названиях отсутствовал термин «гуманизм». «Сократ и Платон, философы эпохи Возрождения, Ф. Бэкон и Гоббс, Спиноза, французские материалисты XVIII века, представители классической немецкой философии, Маркс и Энгельс, экзистенциалисты – все они в фокусе своего мировоззрения имеют человека как чувствующего, мыслящего и творящего субъекта. Каждый из классиков философии, развивая учение о человеке, по-новому высвечивал

и проявлял какую-то важную для нас грань: то ли отношение человека к противостоящей ему природе, то ли биологическую первоприроду человека, то ли зависимость человека от социальной среды и т.д.» [6, 14].

Проблемы гуманизма исчерпывающе были сформулированы ещё И. Кантом в главных трёх вопросах: 1. «Что я могу знать?» 2. «Что я должен делать?» 3. «На что я могу надеяться?» [5, 661].

В прошлой истории философских учений и в их нынешнем развитии не было, и нет ни одного мыслителя, который бы полностью исключил из сферы своих рассуждений, и так или иначе не отвечал на вопросы, поставленные И. Кантом. Каждый по-своему понимая сущность человека и общества, определяя, что для них хорошо и полезно, а что плохо и вредно, – провозглашал своеобразное понимание гуманизма. [См., напр.: 13; 14].

Не существует гуманизма вообще. Он имеет различные исторические и мировоззренческие формы, каждая из которых базируется на определённых философских предпосылках. Данные формы можно классифицировать по различным основаниям: есть смысл говорить о восточном и западном, материалистическом и религиозно-идеалистическом, рационалистическом и экзистенциальном, а также других вариантах гуманизма. Причём каждая из форм гуманизма может стать предметом самостоятельного большого исследования.

Попытаемся обозначить общие очертания тех версий гуманизма, которые в наибольшей степени могут послужить отправной точкой для осмысления его современного содержания.

Индивидуалистический и коммунальный гуманизм

Историческое развитие общества можно рассматривать как процесс перехода от стадной особи, духовно не отличимой от своих

собратьев, – к человеческой индивидуальности, отчетливо проявившейся в эпоху Возрождения и Нового времени Индивидуализм представляет собой абсолютизацию интересов отдельного человека, который, вследствие этого, понимается как автономное от общества существо. Имея подобный признак, гуманизм западноевропейского толка, преодолев в средние века сопротивление христианства, предопределил колоссальный рост свободы человека, его автономизацию и лёг в основу либерально-демократической доктрины. Индивидуалистический гуманизм уже в эпоху Возрождения проявил свои изъяны. А.Ф. Лосев выделяет так называемую «обратную сторону титанизма» эпохи Возрождения, напомнив, что негативные стороны индивидуалистического гуманизма с огромной художественной силой были отражены в трагедиях Шекспира «Гамлет», «Отелло», «Макбет» и других. «Всякий титан хочет владеть всем существованием, – подчеркивал Лосев, – но в этом стремлении он наталкивается на других титанов, каждый из которых тоже хочет владеть всем. А так как все титаны, вообще говоря, равны по своей силе, то и получается, что каждый из них может убить другого» [8, 604]. Впоследствии подобная «обратная сторона титанизма» получила своё последовательное развитие в европейской культуре и наиболее отчетливо проявилась, например, в ницшеанской идее «сверхчеловека», которому позволено всё.

Коммунальные инстинкты из сознания людей не изгоняются окончательно: история, в конце концов, может быть представлена как диалектическое взаимодействие индивидуального и коммунального.

Коммунальной формой гуманизма, основанной преимущественно на материалистических, а следовательно, атеистических подходах, можно считать, напри-

мер, утопические учения Т. Мора, Т. Каманеллы, а в дальнейшем – социалистические теории А. Де Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна. Традиции последних были продолжены Н. Чернышевским, К. Марксом и Ф. Энгельсом, В.И. Лениным, их последователями, которые полагали, что, только растворившись в интересах и потребностях общества, человек сможет наиболее полно реализовать личные способности. За основу была взята формула: «Свободное развитие каждого возможно при условии свободного развития всех».

Утопический коммунальный гуманизм выражал несовершенство существовавшей социальной реальности и разрабатывал проекты окончательного разрешения всех проблем путем разумной совместной деятельности людей. Подобная коммунальность принимала облик идеальной сельской общины, города, государства, республики ученых и т.д.

Чрезвычайно важно отметить, что утопический коммунальный гуманизм, начиная с эпохи Возрождения, заменил сферу сакрального, божественного на социальное, коллективное начало.

Если индивидуалистический гуманизм на первый план выдвигал приоритеты личности, то гуманизм коммунального типа отдавал предпочтение социуму. К. Маркс и Ф. Энгельс, а в последствии и В.И. Ленин в своих работах неустанно подчеркивали общественную сущность человека. Многочисленные последователи не только теоретизировали, но и воплощали марксистскую теорию гуманизма на практике, тотально и последовательно внедрив ее во все звенья общественной системы.

Рационалистический гуманизм

Существенным свойством европейского гуманизма является его научно-рационалистический характер, абсолютизация разу-

мно, логического начала в человеческом существовании.

«Знание – сила» – этот афоризм Фрэнсиса Бэкона надолго стал одним из принципов личной и общественной жизни. Конечной целью познания было объявлено удовлетворение потребностей человека, являющегося центром природы, которая представлялась «не храмом, а мастерской».

Кульг «мыслящего рассудка» в сочетании с автономизацией человека, утверждённый Возрождением, зашёл настолько далеко, что распространил в качестве критерия принцип удовлетворения потребностей человека, полезности – на нравственную сферу, и нашёл выражение в этике утилитаризма.

Изъян рационалистического гуманизма заключается не в раскрытии силы разума, а в его абсолютизации, что выразилось в распространении суверенитета формально-логического дискурсивного мышления на ценностные основы человеческой жизни.

Был выдвинут принцип рациональной этики – органического единства разума и высокой нравственности, предприняты попытки логического, рационалистического объяснения природы этических ценностей. Логико-практический критерий морали и сегодня в обществе остаётся господствующим.

Мерилом нравственно-психологических достоинств становятся достигаемые полезные, утилитарные результаты: социальные, хозяйственные, научные и т.п. Между тем, нравственность покоится не на разумных аргументах и практических соображениях, а на предельных основаниях человеческого бытия, трансцендентных началах, постигаемых, прежде всего, не логикой, а верой.

Парадокс рационального гуманизма заключается в том, что его идеологи из самых благих стремлений – укрепить нравственность людей путём её рационализации, – в конечном счёте, создавали

условия для вытеснения и разрушения моральных принципов.

Следуя правилам нравственности, достичь практической выгоды можно не всегда. Как доказал И. Кант, верность нравственным предписаниям – это акт веры, а не логически непротиворечивого знания.

Абсолютизация рационалистического подхода к человеку сегодня, как в капле воды, отражается в проблеме эвтаназии. В некоторых странах её правомерность закреплена законом. На первый план выдвигается логическая обоснованность гуманности подобной акции, основанной на утверждении о том, что «смерть не является в данном случае большим злом, чем продолжающееся существование пациента». Между тем существует «логика» морали, которая исходит из самоценности человеческой жизни, побуждает бороться за неё вопреки доводам рассудка и очевидной бессмысленности такой борьбы в безнадежных ситуациях. Доводами науки заменять нравственные нормы и предписания неправомерно.

Гуманизм и религиозная вера

Проблема гуманизма, так или иначе, сопрягается с вопросом отношения к религии. Существует стойкое, идущее от Нового времени определение гуманизма через противопоставление его религиозному мировосприятию и отождествление с секулярной установкой. Действительно, противостояние всему религиозному, сакральному для гуманизма, ставящего во главу угла научно-рациональные основы человеческого бытия, должно было стать необходимостью. Культ разума призван был вытеснить и заменить всё, что по своей природе принадлежало вере.

Начиная с Нового времени, до середины XX столетия десакрализация сопровождалась формированием представлений о человеке как самодостаточном

существо, его независимости от авторитетов вообще и от религии в особенности.

Любая религиозная система базируется на сакральных основаниях; сакральное, священное – это то, что относится к особо ценным идеям, которым люди поклоняются безусловно. Сакральное всячески сохраняется и принимается человеком не путём осознания, усилиями разума, а с помощью веры. Ценность сакрального для верующих является абсолютной, она не обосновывается никакими логическими доводами.

Формула одного из первых христианских философов Тертуллиана «Credo suam absurdum» («верую потому, что абсурдно») – есть, пожалуй, самое последовательное выражение отношения к сакральному. Человек верует во что-то, даже когда это противоречит здравому смыслу, логике, разуму. Сакральное выводится за пределы сферы рационального.

Традиционная европейская парадигма гуманизма исходила в целом из того, что для блага человека и общества необходимо либо вовсе преодолеть влияние религии, либо свести подобное влияние к минимуму.

Подчеркнём, что коммунальный гуманизм марксистского типа был неразрывно связан с крайностями рационализма, причём последовательно материалистического плана, и просто не мог не вступить в тотальный конфликт с религиозным мировоззрением. И здесь можно наблюдать не просто стремление к секуляризации, которая, ограничивая религию, все-таки оставляет ей место в обществе и сознании людей, а последовательный атеизм – отрицание каких бы то ни было сверхъестественных сущностей. Отсюда и утверждение абсолютной самодостаточности человека.

Маркс писал, что его атеизм не сводится к вопросу о наличии или отсутствии Бога, – он состо-

ит в проблеме утверждения самодостаточности человека: «Атеизм, в качестве снятия Бога означает становление теоретического гуманизма. Критика религии завершается учением, что человек – высшее существо для человека» [9, 598].

Коммунально-религиозный гуманизм

Коммунальный гуманизм может основываться на религиозных постулатах, как, например, концепция «соборности», играющая громадную роль в русской православной религиозной философии (С. Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин). Соборность понимается здесь прежде всего как духовное единение людей на основе общих идеалов и ценностей, носящих сверхличностный надындивидуальный характер. Подобное единение ведёт к безграничному совершенствованию человека, вплоть до превращения его в сверхчеловека, который, в отличие от ницшеанского сверхчеловека, действует в союзе с Богом, а не является одиноким героем. Идея соборности предполагает коллективное спасение людей от несовершенства, противоречий и бед земного существования.

Религиозный гуманизм коммунального типа в качестве главного принципа отстаивает идею о том, что ни человек, ни общество в целом сами по себе не могут быть самодостаточными. Для осуществления своей гармоничной, правильной нравственной деятельности они нуждаются в трансцендентной опоре – в Боге.

Идея Бога есть результат сложнейшего осмысления людьми окружающего их мира и самих себя. Это процесс гуманистический по своей сути. В этом смысле богоискательство, неоднократно объявленное несостоятельным и реакционным в трудах марксистско-ленинских философов, является закономерностью развития человеческого духа. В

свое время М. Горький говорил, что идея Бога помогла человеку преодолеть его первобытный зоологический эгоизм, т.е. обрести нравственные ценности. Ленин вступил с пролетарским писателем в ожесточённую полемику, утверждая, что первобытный зоологический эгоизм смирила не идея Бога, а совместная жизнь людей в первобытном стаде. «Бог, есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и классовым гнѐтом, – идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу», – утверждал Ленин в «Письме А.М. Горькому» в ноябре 1913 года [7, 23].

В настоящее время идеологи почти единогласно говорят о необходимости «использовать нравственно-гуманистический потенциал религии». Преобладает утилитарно-прагматический подход к ней. Скорее всего, нужно не «использовать нравственно-гуманистический потенциал религии», а сверять по её проверенным временем нравственным предписаниям все общественные преобразования

Религиозно-индивидуалистический гуманизм

Данная форма гуманизма нашла своеобразное выражение в таком мощном религиозно-идейном движении в Европе, как протестантизм, во многом определившим облик капитализма (М. Вебер). В ходе Реформации происходило освобождение социальной жизни, институтов и личности от власти церкви. Религия становилась частным делом для индивида, который сознательно выбирал религиозную веру без принуждения со стороны церковной организации. Успех человека в земных делах стал считаться знаком расположения к нему со стороны Бога. Протестантизм как бы реализовал на практике формулу раннехристианского философа Августина Блаженно-

го – «Полюби Бога и делай, что хочешь».

Протестантизм расчищал в сознании верующих место для рационалистического, «трезвого» отношения к жизни в условиях товарно-рыночных отношений. Уже в главном принципе протестантизма «solo fide» (спасение только личной верой), провозглашённом Мартином Лютером, можно увидеть основу религиозного индивидуализма, несовместимого с коммунальными концепциями, отстаивающими идею коллективного спасения. Поскольку религия в протестантизме в целом рассматривается как сугубо частное дело и, говоря образно, «приватизируется отдельными личностями», то и секуляризация здесь понимается как эволюция самой религии, её изменение, а не утрата.

Правозащитный гуманизм

Одним из достижений гуманизма в XX веке стало не только теоретическое обоснование, но и юридическое закрепление достоинства и прав личности во «Всеобщей Декларации прав человека» 1948 года. Презумпция достоинства человека – основа гуманизма, который должен базироваться на предположении о том, что все люди – члены одной человеческой семьи, и они наделены не только разумом, но и нравственными принципами и должны поступать в отношении друг друга в духе братства, уважения прав и свобод другого человека. В Декларации закреплены естественные – неотъемлемые, права человека, принадлежащие ему по праву рождения.

Идея равенства людей в их естественном состоянии нашла в XX веке своё относительное завершение в более чем 70 международных правовых документах в области прав человека, принятых международным сообществом в лице Организации Объединённых Наций. Все эти документы в их совокупности сегодня играют

роль критерия справедливости и гуманности того или иного политического устройства страны, подсистем и институтов общества. На весь без исключения современный мир экстраполировано европейское рационалистическое, десакрализованное понимание справедливости, поскольку в качестве основы заложен принцип самодостаточности человека, который «не обязан никакой высшей сакральной (божественной) или светской (государственной) власти за свои права, неотчуждаемые и принадлежащие ему по праву рождения».

Нисколько не умаляя громадного значения международных документов о правах человека и признавая их нравственно-гуманистический потенциал, тем не менее, можно отметить значительную долю их абстрактности и схематизма, не отличимого от незамысловатого силлогизма: «человек произошёл от обезьяны, поэтому все люди братья».

Международные документы по правам человека недостаточно опираются на выработанные человечеством нравственные ценности, без которых закон может быть превращён в сухую логическую схему, способную в некоторых случаях вступить даже в противоречие с подлинным гуманизмом.

«Достижением» правозащитного гуманизма стало изменение традиционно негативного отношения к гомосексуальным половым связям и к другим формам сексуального поведения, до недавнего времени входившим в разряд безнравственных. Это – результат планомерной и многолетней деятельности борцов за права сексуальных меньшинств по изменению общественного мнения в свою пользу. Гомосексуализм в ряде стран легализован на законодательном уровне. Признаётся равноправие между гомосексуальными и гетеросексуальными связями. Ведется борьба за получение однополыми па-

рами государственных субсидий и льгот, причитающихся лицам, состоящим в традиционном браке, права на усыновление и воспитание детей. Сексуальные извращения и «свободная любовь» активно пропагандируются и поощряются.

Права и свободы, разработанные в русле европейской рационалистической традиции, не могут в одинаковой степени обеспечиваться в государствах, принадлежащих иным цивилизационным системам.

Гуманизм как цивилизационное и нравственное самоопределение

Представляется, что отстранение религии от гуманизма, их противопоставление – совершенно неправомерно, поскольку именно религия на протяжении тысячелетий занималась ни чем иным, как определением сущности и назначения человека, и первые гуманистические импульсы были получены именно от религии.

Понимание блага в гуманизме рационалистического типа прочно увязывалось с удовлетворением в первую очередь витальных, а не духовных потребностей. В конечном счете, это касается, прежде всего, развитых стран – возник феномен избыточных потребностей, а соответственно, и самого потребления, что самым пагубным образом сказалось на духовном облике людей.

Идея «ограничения человека» во имя гуманности к нему оказалась близкой прежде всего религиозным философам, обеспокоенным дальнейшими перспективами развития человеческого общества. Христианский теолог И.Б. Мец в этой связи отмечает: «Тут речь идет не о нашем освобождении от бедности, а об избавлении от нашего богатства, от нашего явно избыточного благосостояния; речь идет об освобождении не от того, что нам не достает, но от того, что мы потребляем сверх

меры, о таком потреблении, которое в конце концов привело нас к тому, что мы начали потреблять самих себя; речь идет об освобождении не от бесправия, а от укоренившейся привычки удовлетворять все желания; речь идет об избавлении не от бессилия, а от нашего... всеислия» [10, 108-109].

Приведенной точке зрения было созвучно мнение папы Римского Иоанна-Павла II, который в своем философском труде «Мысли о земном» высказывается против гипертрофированного развития общества: «Подобное сверхразвитие, заключающееся в избыточном наличии у некоторых социальных слоев всякого рода материальных благ, с легкостью превращает людей в рабов «обладания» и немедленного удовлетворения...» [4, 94].

Современный мир представляет собой весьма сложное явление. С одной стороны, нависшая над людьми угроза экологической катастрофы, углубляющаяся экономическая интеграция – объективно ведут к укреплению солидарности стран, народов, религий, всех людей. С другой стороны – у людей разные ценности, связанные с историческими особенностями относительно изолированных различных цивилизаций. Представители данных цивилизаций по-своему смотрят на отношения между людьми, их взаимодействие с окружающей средой. Они отличаются по религиозным представлениям, отношениям между индивидом и группой, гражданином и государством. Главным фактором, разделяющим людей, является не экономика, а культурные традиции, по преимуществу связанные с той или иной религиозной традицией. В стремлении к интеграции людей необходимо опираться не на экономические и политические факторы, а на ценностные механизмы, что равнозначно выработке общечеловеческих

принципов гуманизма. Теория цивилизационных разломов, призывающая мыслить не территориально, а цивилизационно (С. Хантингтон), появилась весьма своевременно [15]. Имеет место разделение мира по культурному принципу. Так ценности западно-христианской цивилизации лежат в основе Европейского Союза. Исламская культура объединяет десять мусульманских стран, входящих в организацию экономического сотрудничества, и т.д.

Интеграция в единое мировое сообщество сопровождается столкновением различных культур, в которых сущность человека понимается по-разному. Диалог культурных традиций проходит через сознание миллионов людей. При выработке единых для всего мирового сообщества ценностей нового понимания гуманизма – необходимо синтезировать достигнутое в разные эпохи разными цивилизациями положительные ценностные результаты.

В условиях многочисленных глобальных угроз по отношению к России анализ категории «гуманизм» не является уделом только любопытствующих учёных. Он не только выявляет и фиксирует установки и ценности уже сложившиеся в мире, но и конструирует контуры таких мировоззренческих ориентаций, которые будут направлять жизнедеятельность российского государства и его граждан в будущем. Подобное конструирование уже нашло выражение в некоторых идеях, которые постепенно внедряются в общественное сознание. В них предпринята попытка найти некий баланс между правами личности и общества, универсальностью и уникальностью русской цивилизации.

Так, Патриарх Московский и всея Руси митрополит Кирилл, считая вопросы, связанные с правами человека, приоритетными для сегодняшней России, утверждает, что при трактовке прав че-

ловека развивается «опасный ультралиберальный тезис, претендующий на универсальность, – когда идея прав человека превалирует над интересами общества». Данный тезис, по мнению представителя Церкви, «стимулирует эгоизм и индивидуализм, угрожает национальной идее и любви в обществе».

Подлинную свободу, не противоречащую самой сути гуманизма, необходимо понимать, прежде всего, как нравственное самоопределение, а следовательно, и самоограничение личности.

Не так давно активно острую дискуссию вызвала выдвинутая российскими политиками идея «суверенной демократии»,

противостоящая по своей сути безудержной вестернизации и евростандартизации общественной жизни. Разработка и утверждение данной идеи возможна только на основе понимания своеобразия отечественных гуманистических традиций. Может это позволит избежать столкновения с подводными рифами гуманитаризма?

Литература:

1. Гуманистический Манифест II // Здравый смысл. – 1996. № 1.
2. Гуманистический Манифест I // Здравый смысл. – 1997. № 3.
3. Девина И.В. Гуманизм и свободомыслие. Научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 1996.
4. Иоанн Павел II. Мысли о земном. – М.: «Новости», 1992.
5. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. – М.: «Мысль», 1964.
6. Крапивенский С.Э. Социальная философия. – Волгоград, 1995.
7. Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому (ноябрь 1913 г.) / Полн. собр. соч., т. 43.
8. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: «Мысль», 1978.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1965.
10. Мец И.Б. Будущее христианства. По ту сторону буржуазной религии // Вопросы философии. – 1990. № 9.
11. Наука и гуманизм – планетарные ценности третьего тысячелетия. Тезисы международной научной конференции. – СПб, 14-18 июня 2000 г. // Специальный выпуск ежеквартальника «Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов». – Сост.: В.А. Кувакин. Общ. ред.: А.Г. Круглов, В.А. Кувакин. – М.: Российское гуманистическое общество, 2000.
12. Разумов А. Историческое сознание – политическая культура // Коммунист. – 1991. № 4.
13. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Сумерки богов. – М.: «Политиздат», 1989.
14. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Бытие и время. – М.: «Республика», 1993.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Д. ГОЧИЯЕВА, аспирант Ставропольского государственного университета
D. Gochiyeva, graduate Stavropol state University

Принцип полного возмещения ущерба в договорном праве стран Европейского союза The principle of full compensation in contract law of the European Union

Аннотация: В статье рассмотрены особенности правового регулирования возмещения ущерба в правовой практике стран континентального права и США.

Abstract: The article considers the peculiarities of legal regulation of compensation in the legal practice of civil law countries and the United States.

Ключевые слова: договорное право, убытки, неустойка, материальное возмещение, правовое регулирование, ущерб, ответственность.

Key words: contract law, damages, penalty, pecuniary compensation, legal regulation, damage, liability.

Практика реализации принципа полного возмещения ущерба в договорном праве зарубежных стран, прежде всего, заключает в себе опыт тонкого и дифференцированного подхода к определению объёма ущерба и к размерам его материального возмещения. И это совершенно оправданно, поскольку полнота возмещения в первую очередь предполагает именно точность в определении его размера. Рассмотрим, как решался этот вопрос в странах, относящихся к романо-германской и англо-саксонской правовым группам

В английском праве вопросы договорного определения санкций за нарушение обязательств строятся на так называемой концепции «правило против неустойки» (rule against penalty). Суть его заключается в том, что английские суды допускают принципиальную возможность возмещения лишь причинённых нарушением гражданско-правового обязательства убытков, отвергая саму возможность взыскания каких-либо штрафов. Между тем стороны вправе в договоре заранее согласовать сумму возможных убытков

от его нарушения. Если при рассмотрении дела суд установит, что определённые сторонами в договоре условия об убытках носят штрафной характер, т.е. направлены на устрашение должника и принуждение его к исполнению обязанности в натуре, такое условие будет признано недействительным. В противном случае, т.е. когда договорные условия об ответственности носят характер спрогнозированных сторонами убытков, последние взыскиваются автоматически, независимо от доказанного размера. Теоретическое обоснование данной концепции видится английскими юристами в том, что принуждение к исполнению должником обязательства в натуре не возможно, в том числе и путём установления в договоре с этой целью штрафной неустойки. Похожее правовое регулирование рассматриваемого вопроса мы можем видеть и в праве США.

Право и доктрина стран континентального права (прежде всего Франции и Германии) в целом в вопросе правового регулирования убытков и неустойки придерживается подходов, выработанных ещё поздним Римским правом. Так, в

соответствии со ст. 1226 Французского гражданского кодекса (далее ФГК) неустойка представляет собой условие договора, по которому должник в целях обеспечения исполнения своего обязательства обязывается себя совершить что-то в пользу кредитора в случае нарушения договора. В случае значительного превышения суммы неустойки по сравнению с действительными убытками суд вправе снизить их размер по собственной инициативе (ст. 1152 ФГК) или по ходатайству сторон (ст. 343 Германского гражданского уложения – далее ГГУ). Если установленная в договоре неустойка значительно ниже размера действительно возникших убытков, кредитор вправе довыискать разницу (ст. 343 ГГУ, ст. 1152 ФГК).

Как можно заметить, подходы англо-саксонского и континентального права к вопросу о соотношении убытков и неустойки, несмотря на кажущееся различие, принципиально схожи. И в той, и в другой правовой системе признаётся возможность снижения или увеличения договорной неустойки до размера причинённых убытков. Разница заключается лишь в том,

что в странах общего права несоизмеримость делает неустойку ничтожной, и кредитору приходится, по сути, предъявлять новый иск, доказывая размер причинённых убытков. Напротив, в странах континентального права суд берёт на себя роль своеобразного «мерила», определяя разумные размеры снижения неустойки либо оценивая доводы кредитора о возможности взыскания дополнительных убытков.

Таким образом, особенно сильно договорной ответственности англо-саксонского права, отличающего его в этом моменте от романо-германского права, является то, что оно носит абсолютно безусловный характер. Данной особенностью и определяется такая отличительная черта принципа полного возмещения ущерба в англосаксонском праве, как его реализация в рамках договорной ответственности безвиновного характера. Для привлечения нарушителя договора к ответственности не требуется наличия вины с его стороны.¹

В других странах отражаются смешанные подходы, зачастую прямо противоречащие изложенным выше «классическим» концепциям. Так, в Бельгии в связи с развитием судебной практики неизменность неустойки в последнее время также ставится под сомнение. Согласно целому ряду решений Верховного суда Бельгии чрезмерная неустойка может быть снижена или даже признана недействительной по причине противоречия основам правопорядка. В соответствии с Гражданским кодексом Италии суд имеет право снизить чрезмерную неустойку. Но при этом, согласно п. 1 ст. 1382 ГК Италии, в отличие от последней редакции ФГК, кредитор не может требовать убытков, превышающих сумму возмещения ущерба, если иное не оговорено в договоре.²

По Гражданскому кодексу Нидерландов сумма возмещения ущерба может быть снижена по ходатайству должника, в случае

если справедливость со всей очевидностью требует этого. Взыскание убытков, превышающих размер неустойки, возможно, если того явно требует принцип полного возмещения ущерба. Таким образом, автоматически дополнительные убытки не взыскиваются, и кредитору требуется доказать явную несоизмеримость неустойки по сравнению с фактически понесёнными убытками, чтобы получить право на взыскание разницы. В Швейцарии, в случае если убытки превышают сумму неустойки, кредитору автоматически причитается разница, что позволяет реализовать принцип полного возмещения ущерба. Подобная возможность признаётся и в ст. 1336 Австрийского гражданского уложения. Важной особенностью Австрийского гражданского уложения является то, что в нём прямо закрепляется ограничение, отсутствующее в тексте других кодификаций, но подразумевающееся в романо-германском праве. А именно: должник не имеет права, выплатив по своей инициативе неустойку, освободиться от основного обязательства, поскольку это будет означать лишь частичное возмещение ущерба, нанесённого кредитору.³

Мы видим, что во всех правовых системах допускается включение в договор условий о размере имущественной санкции за нарушение того или иного обязательства, что должно обеспечивать реализацию принципа полного возмещения ущерба. В странах романо-германской правовой семьи это условие направлено как на полную компенсацию возможных потерь кредитора, так и на принуждение должника к выплате. Возможные злоупотребления сбалансированы за счёт предоставления суду права снижать размер неустойки и взыскивать дополнительные убытки, что в том или ином виде закреплено в праве большинства стран этой правовой семьи. Неопределённость в отношении того, снизит ли суд размер неустойки

или оставит её на согласованном уровне, в данном случае, очевидно, намного менее проблемна, чем в англо-американском праве, где над кредитором висит угроза полной отмены условия о согласованной санкции.

В странах англо-американского права широкое распространение получило применение оговорки о заранее оценённых убытках, которая выполняет функцию полного покрытия убытков кредитора и тем самым несёт в себе возможность достижения точного определения количественных параметров ущерба, подлежащего возмещению. Общим для практически всех правовых систем является признание за судом права снизить размер согласованной в договоре санкции в целях предотвращения возможных злоупотреблений со стороны кредитора, включения в договор неразумных и необдуманных положений, а также ограничения возможного чрезмерного давления сильной стороны договора на слабую. Такой подход не противоречит принципу полного возмещения ущерба. Он лишь позволяет сбалансировать его «количественное измерение».

В странах романо-германского права в большинстве случаев признаётся возможность требовать дополнительные убытки в сумме, превышающей размер согласованной санкции. При этом, согласно французскому подходу, такое дополнительное взыскание возможно только в случае существенного превышения фактических убытков над согласованной неустойкой. В соответствии же с немецким подходом дополнительные убытки взыскиваются автоматически, что согласуется с требованиями полного возмещения ущерба.

Вместе с тем, и с романо-германским, и с англо-саксонским подходом в гражданско-правовом законодательстве и в практике согласуется возможность предоставления сторонам прав заранее предусмотреть в договоре условия определения размера убытков. При

этом суду предоставляется возможность снижения договорных убытков при условии, если виновный сможет доказать их меньший размер по сравнению с установленными в договоре. Полагаем, что соответствующие положения было бы целесообразно включить и в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Основное различие в правовом регулировании гражданско-правовой ответственности в двух правовых системах сосредоточилось в настоящее время на вопросе о допустимости так называемых «заранее определённых убытков», т.е., по сути, возможности для сторон заранее в договоре определить размер убытков, взыскиваемых при нарушении договора, или закрепить в договоре порядок определения последних. Общемировой тенденцией в данном вопросе признаётся возможность закрепления

в договоре «заранее определённых убытков». Это нашло свое отражение в Принципах международных коммерческих договоров 1994 года (принципы УНИДРУА) и «Единых образных правилах о договорных условиях о согласованной сумме, причитающейся в случае неисполнения обязательства», утвержденных Генеральной ассамблеей ООН в 1984 году. Более того, законодательство такой классической предстательницы континентального права, как Германия, следуя вышеуказанной тенденции, закрепило на законодательном уровне институт «заранее определённых убытков».

Что же касается России, то надлежит признать, что институт «заранее определённых убытков» не закреплён в действующем законодательстве. Наиболее близко к указанному институту в принципиальном плане подходят прави-

ла об исключительной неустойке, предусмотренные в абз.2 п.1 ст. 394 ГК РФ. Согласно положениям данной статьи договором или законом могут быть предусмотрены случаи, когда вместо взыскания убытков допускается лишь требование о присуждении определённой стороной неустойки. Вполне логично предположить, что исключительная неустойка представляет одну из форм проявления в отечественном законодательстве института заранее определённых убытков, ведь стороны, действуя разумно и добросовестно, при определении размера исключительной неустойки будут, скорее всего, исходить из предположительного размера убытков от неисполнения обязательства. Однако на практике лица, участвующие в гражданском обороте, крайне редко включают в договоры условие об исключительной неустойке.

Т.А. СМІРНОВ, кандидат философских наук, Норильский индустриальный институт
T. Smirnov, PhD, Norilsk industrial Institute

Роль института семьи в социализации личности The role of the family in the socialization

Аннотация: Семья и семейная среда – это сложная динамическая система, состоящая из множества различных и непохожих друг на друга явлений и процессов, совершающихся как в сфере материального, так и идеального бытия. В условиях, когда семья и семейная среда всё больше подвергаются испытанию со стороны внутренних и внешних её деструкторов, научное сообщество должно знать и понять, что охранять, оберегать среду семейную, семью так же необходимо, как и природу, воздушную, водную и иную среду.

Abstract: Family and family environment is a complex dynamic system, consisting of many different and different from each other phenomena and processes occurring in the material and ideal existence. In conditions, when the family and family environment is increasingly tested by internal and external it destructors, the scientific community needs to know and understand what to protect, to preserve the family environment, the family is as important as nature, air, water and other environment.

Ключевые слова: институт семьи, социализация личности, традиции, общество, социальные и семейные ценности, преемственность, страты, общество, семейная среда.

Keywords: the institution of the family, socialization, traditions, society, social and family values, continuity, strata, society, family environment.

Социально-экономические и политические преобразования, продолжающиеся в России уже более двадцати лет, породили многочисленные проблемы социального, экономического, политического, социально-психологического характера. Очевидно, что ускоренные процессы стратогенеза в переходных условиях и миграции значительных групп населения из одних стратовых ниш в другие, которые мы могли наблюдать в России в 90-е годы, не могли не иметь результатом деформацию процессов социализации личности, являющихся базовыми в опосредствовании отношения личности и общества. Резкое и достаточно быстрое изменение социального статуса не было согласовано с изменением системы ценностей и идеалов, которая обладает большей степенью устойчивости для личности, чем её положение в обществе¹. Для многих людей разрывалась ткань

устоявшихся социальных связей, включая личные и семейные, привязанности, микросреду, опосредующую влияние более широкой социальной среды. Результаты процессов адаптации человека к социуму (как институционализированные, так и неинституционализированные) были для многих девальвированы.

Сказанное характерно и для западных стран в связи с трансформацией социально-стратовой структуры, обусловленной глобализацией. Однако последствия этих процессов для десоциализации личности с последующей криминализацией социальных страт в государствах Западной Европы и Северной Америки несопоставимы с тем, что мы имели в России. Во-первых, несопоставимы сами масштабы стратогенеза. Во-вторых, институты гражданского общества, адекватные реалиям демократии и рыночной экономики, в России находились в зачаточном

состоянии, а институты, сохранившиеся от предшествующей эпохи, уже не могли в полной мере выполнять функции институтов социализации.

Особенности стратификационных процессов для России определяются тем, что последствия от вхождения в мировое сообщество наложились на социальные результаты разрушения Советского Союза. В свою очередь последнее само стало одним из факторов, сделавших возможным и частично обусловившим процессы взаимозависимого и многофакторного мира. Думаем, не будет ошибкой сказать, что социальная структура в России, в государствах постсоветского пространства и в государствах Восточной Европы в эпоху глобализации претерпела гораздо более глубокие изменения по сравнению с западным обществом (хотя сказанное вовсе не означает, что данные последствия были результатом только или преимуще-

¹ Глубокая ломка основ общественного строя означает крах прежних ценностей, пересмотр взглядов на очень многие проблемы и жизненные отношения. (Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам. Т. 2. – М., 2002. – С. 166.)

ственно глобализационных процессов).

В итоге три основных элемента обеспечения социализации личности (система ценностей, институты социализации, процесс социальной адаптации и способы институционализации его результатов) последовательно теряли свою эффективность. В условиях глубокой аномии, поразившей российское общество, стал характерен отрыв личности от ценностно-нормативной системы общества и государства, привыкание к отрицательной оценке своего поведения и места в обществе, использование социально-психологических механизмов самозащиты, активность в ситуации совершения преступления, совершение агрессивных действий без достаточно обоснованных внешних поводов.

Важно отметить, что в последнее время стали заметны и определённые положительные тенденции: рост рождаемости, особенно в благополучных регионах, возрождение семейных традиций, восстановление отношения к семье как к социальной ценности, в том числе и у молодёжи. Стабилизация социального института семьи как одного из ключевых звеньев в системе социализации личности начинает заметно способствовать развитию гражданского общества. Но пока это – именно тенденции. Прогнозирование ситуации, определение приоритетных направлений социальной работы требует более внимательного, с позиций достижений социально-философской и социологической науки последних лет, исследования особенностей реализации семьёй и семейной средой своих социализаторских функций в современном обществе.

Семья и семейная среда – это сложная динамическая система, состоящая из множества различных и непохожих друг на друга явлений и процессов, совершающихся как в сфере материального, так и идеального бытия. В условиях, когда семья и семейная среда всё больше подвергаются испытанию

со стороны внутренних и внешних её деструкторов, научное сообщество должно знать и понять, что охранять, оберегать среду семейную, семью так же необходимо, как и природу, воздушную, водную и иную среду. Поскольку все люди, так или иначе, родились и живут в семье, семейной среде по воле судьбы. Семейная среда состоит из людей, вещей и их отношений между собой. В любом обществе всегда имеется некоторый процент людей, стремящихся сознательно, а иногда и несознательно, нередко вынужденно загрязнять семейную среду и вносить в неё нежелательный диссонанс. В качестве примера можно сослаться на такое социальное явление, как преступность. Она может быть большей или меньшей, качественно разнородной и неодинаковой по формам проявления, но одно ясно, что уже в семье, семейной среде возникают её проявления.

Изменчивость и устойчивость семьи зависят от определённых условий и различных факторов: материальных, духовных, социальных и т.д. Например, сексуальная революция и свободная любовь вряд ли будут способствовать устойчивости семьи. И вместе с тем семья не остаётся одной и той же. Существуют законы и правила, по которым живёт семья и её среда: от древних форм брака и семьи к современным меняется также и семейная среда. Из субъекта хозяйствования семья и семейная среда превратились в течение продолжительного времени в объект государственной и иных видов политики. Семейная среда имеет две стороны – материальную и духовную. Материальная сторона определяет условия жизни людей, к ним относятся дом, в котором живут люди, хозяйственная деятельность (скотоводство, земледелие и т.д.), потребности людей, земля, географические, климатические и иные объективные условия. Духовная сторона включает в себя сознание и волю людей, стремления, влечения, восприятия, представле-

ния, их отношение к обществу, друг к другу, своим родным и близким, мировоззрения, индивидуальное и общественное сознание.

Семейная среда – это исторически развивающиеся окружающие человека и других людей, связанных узами родства, материальные и духовные условия его существования. Семейная среда (микросреда) включает непосредственное окружение человека – семью, близких, дальних родственников, оказывает решающее воздействие на формирование и развитие личности. В то же время под влиянием деятельности людей семейная среда изменяется, и в процессе этих преобразований изменяются сами люди. Материальные и духовные основания семейной среды передаются из поколения в поколение. Семейная среда с необходимостью включает в себя уклад семьи, образ жизни семьи, стиль семейной жизни.

Семейная среда – это духовные и материальные основания, без которых невозможно бытие семьи. Семейная среда – это душа семьи. Душа немислима без любви, верности, дружбы, понимания милосердия, строгости и честности. Душа подчиняет себе семью, как и семья подчиняется душе, наполняется любовью, верностью, искренностью, дружбой, без этого немислимо никакое соединение людей.

Семья, включая личность в систему общественных отношений, наделяя её при этом социальными характеристиками, тем самым воспроизводит себя. Таким образом, понятие социализации отражает взаимодействие индивида и семьи, в результате которого семья «производит» индивида как личность, а личность, в свою очередь, «производит» общество. Следовательно, социализация в семье представляет собой необходимое условие существования человеческого общества, предстаёт одной из атрибутивных характеристик общественного развития.

Социализация личности выступает в качестве процесса формирования культурно и нравственно

зрелого члена общества, личности, способной ориентироваться в социуме и действовать с полным осознанием ответственности за свои поступки. Социализация личности должна рассматриваться как процесс социального становления человеческого индивида, формирования и развития его социальной сущности, позволяющей выступать ему в качестве действительного субъекта регулирования социальных и государственных отношений. Поэтому поиск путей совершенствования процесса социализации непосредственно направлен на формирование устойчивой семейной среды.

Семья, являясь одним из основных институтов социализации личности, представляет собой универсальный – самодостаточный, саморегулирующийся и самовоспроизводящийся способ организации социального взаимодействия и социальных связей.

Семью следует рассматривать как совокупность социальных отношений, которые люди воспроизводят и преобразуют, но которые реально не существовали бы, если бы они этого не делали. Семья существует в человеческой деятельности, но эта деятельность всегда выражает или использует ту или иную социальную форму. Это следует понимать так, что любая семья есть форма, в которой люди сознательно преобразуют свои социальные условия существования таким образом, чтобы максимизировать возможности для развития и проявления своих способностей. Люди воспроизводят или преобразуют семью. При этом сама форма семьи всегда выступает для индивида, как объекта социализации, как нечто предзаданное, человеческая практика может только видоизменить её. И совокупность таких человеческих практик поддерживает жизнь семьи как соци-

ального института или изменяет этот институт. Нельзя разрушить одну форму семьи и на её место поставить другую. История существования человечества и есть процесс приспособления, изменения, преобразования. Каждое действие есть процесс производства чего-то нового, новое действие; но в то же время каждое действие существует в его продолженности из прошлого, предоставляющего средства для его начинания. Для индивида, таким образом, семья – это основной и непосредственно преднаходимый им мост, связующий прошлое и настоящее, основное средство социальной трансляции традиций на индивидуальном уровне.

В заключение отметим, что выполнить эту миссию семья может, только воспроизводя региональные особенности и национальные традиции, доминирующие в обществе, а также развиваясь в соответствии с духом этих традиций.

Л.Ю. БЕЛЯКОВА, кандидат педагогических наук, доцент НОИР г. Санкт-Петербург
L. Belyakova, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor NOIR Saint-Petersburg

Свобода и условия её ограничения в гражданском обществе эпохи глобализации Freedom and its limitations in civil society in the era of globalization

Аннотация: Становление гражданского общества и дифференциация его институтов от институтов государственного управления открыло новые возможности для реализации интересов и свобод личности. В свою очередь свобода стала трактоваться как основной (а зачастую и единственный) фундамент легитимизации институтов гражданского общества и норм права. Человек, его права, свободы и их гарантии были провозглашены высшей ценностью всего человечества. В наше время наиболее влиятельные политико-правовые концепции так или иначе апеллируют к идее свободы. Основные расхождения возникают прежде всего вокруг вопросов конкретной реализации свободы личности в социуме.

Abstract: The formation of civil society and the differentiation of its institutes and institutes of public administration has opened new opportunities for the realization of the interests and freedoms of the individual. In turn, the freedom was interpreted as the primary (and often sole) basis for the legitimization of civil society institutions and the rule of law. Man, his rights, freedoms and their guarantees have been proclaimed as the highest value of all humanity. In our time the most influential political and legal concept one way or another appeal to the idea of freedom. The main differences arise primarily around issues specific implementation of individual freedom in society.

Ключевые слова: гражданское общество, свобода, конституция, плюрализм равенство, законы, благо общество, гражданские права, привилегии, ограничения, запреты, нравственность, гуманные принципы, правовая безопасность.

Key words: civil society, freedom, Constitution, pluralism, equality, laws that benefit society, civil rights, privileges, restrictions, prohibitions, morality, principles, legal security.

Приоритет идеи свободы отражает один из основополагающих документов международного права – Всеобщей Декларации прав человека.

Всеобщая Декларация прав человека явилась основой для многих важнейших юридических актов, в т.ч. Конституции Российской Федерации. Основной закон нашей страны провозгласил реализацию прав и свобод граждан Российской Федерации высшей целью государства. Государство гарантирует права и свободы граждан, закреплённые в Конституции страны, законах и предусмотренные международными обязательствами. Ограничение прав и свобод допускается только в случаях, установленных законом.

В современном мире правовое государство ориентировано на

обеспечение свободы для реализации творческих начал личности (инициативы). Действенность же правовых механизмов, обеспечивающих свободу личности, базируется на следующих принципах:

1. Государство как субъект власти в обществе обособлено от общества.

2. Объективно существует гражданское общество.

3. Гражданское общество стремится сдерживать и влиять на государство.

Выработано право, которое носит общечеловеческий (общественный в широком смысле) характер; его нормы, принципы и ценности формируются как государством, так и гражданским обществом; оно признано и обеспечивается мерами как государства, так и гражданского общества.

Однако существование этих четырёх базовых условий ещё не является гарантией того, что развитие общества будет направлено на совершенствование механизма обеспечения прав и свобод личности. Тем не менее, это является теоретической предпосылкой для существования потенциала свободы.

В гражданском обществе традиционно особое значение имеют либеральные ценности. Поэтому гражданское общество, отстаивая эти ценности, оказывая влияние на государство, стремится к предотвращению неограниченного расширения государственной власти и к приданию государственной власти и государству положительных черт и функций. Гражданское общество отстаивает базу для своего полноценного существования и борется

за независимость от государства своих институтов. Основными направлениями усилий является свобода создания и деятельности различного рода общественных организаций и объединений, свобода предпринимательской деятельности, значит, рыночное, не государственное, а общественное управление экономикой. Гражданское общество стремится обеспечить свободу слова, которая возможна только в случае независимости от государства средств массовой информации и гарантированного доступа всех граждан к общественно и лично значимой информации. Гражданское общество отстаивает право каждого гражданина и народа в целом участвовать в деятельности государства, политической деятельности, что должно способствовать укреплению демократии. Общим ориентиром развития правового государства, по мнению социологов и политологов, может быть такое состояние социума, когда:

- свобода государства как субъекта сочетается с такой же свободой всех граждан, и в этом смысле все субъекты социального действия равны;

- мера оценки результатов реализации этой свободы является единой и одинаковой в отношении всех субъектов, и положительное социальное действие одобряется и поощряется обществом, а отрицательное не одобряется и запрещается для всех, в т.ч. и государства.

Но достижение равенства свобод всех субъектов общества фактически означает ограничение государства. И в этом смысле борьба гражданского общества против привилегий «власть предержащих» означает борьбу за свободу, равенство и справедливость.

Среди разных форм ограничения государства особое место отводится правовому ограничению. Правовое ограничение государства означает, в первую очередь, распространение обязательного действия

права на государство и, во вторую очередь, закрепление в праве таких норм и принципов, которые обеспечивают равенство государства и личности. «Понятие правового государства выражает связанность государства правом, прежде всего демократической конституцией и правовыми законами, изданными на основе конституции. Особую роль в этой связанности государства играет заложенная во всяком истинном праве нравственная идея свободы и иные гуманные принципы»¹. Мы разделяем точку зрения Соколова А.Н. в том, что правовому государству присущи, прежде всего, следующие черты:

- гарантия свободы отдельного человека (личности и объединений людей);

- правовое равенство, т.е. законы должны иметь одинаковую для всех силу действия и все граждане должны быть одинаково равны перед законом;

- требование правовой безопасности, соизмеримости государственного действия;

- в выработке основ государственно-правовой политики исключаются принципы, характерные для патернализма в его «жестком» (по терминологии Дж. Файнберга) варианте.

К этим принципам мы бы добавили принцип сохранения социального доверия. Это выражается, например, в том, что государство обязано возмещать убытки, причинённые им, чтобы сохранять доверие к себе. Также, с нашей точки зрения, важным является запрет обратной силы закона, требование чёткости законов и запрет чрезмерности, требование соразмерности, умеренности. Государство имеет право вмешиваться в свободу личности только в случае действительной необходимости в том объёме, в каком вмешательство не будет превышать соразмерности отношений к преследуемой цели. Но мы разделяем точку зрения тех граждан, которые считают, что

только правовое государство способно оградить личность от вмешательства общества (тоталитарного или тотального), и в этом проявляется основная положительная историческая роль государства как общественного института.

Итак, мы можем сделать первый вывод о том, что в условиях правового государства свобода государства сочетается со свободой личности. А, говоря о творческой реализации свободы государства во благо всех, можно уже говорить о социальном государстве, т.е. государстве, направляющем свою деятельность и обязанном направлять свою деятельность во благо всего общества в целом и каждого в отдельности.

Для современной науки характерен такой подход к пониманию общественного и государственного регулирования, согласно которому результат государственного управления заключается не столько в установлении запретов для обеспечения общественного и государственного интересов, сколько в обеспечении прав и свобод граждан. Этот подход предполагает создание таких условий вокруг сферы свободы личности, при которых эта свобода никем не нарушается, а творческая деятельность личности могла бы быть реализована, достигла своих результатов. Общество, в числе функций которого имеется такое социальное действие, стремится к реализации потенциала любой личности, к достижению успеха каждым человеком.

Идея гражданского общества на протяжении последних десятилетий расширялась и углублялась, дополняясь идеями демократии, основанными на политическом плюрализме, консенсусе и социальном партнёрстве, ограничении государственной власти установленными правовыми нормами, индивидуальной свободы человека. Широкое распространение получила теория плюрализма, согласно которой основная задача совре-

¹ Соколов А.Н. Идея правового государства Германии и механизм ее реализации: Автореферат дис. докт. – Харьков, 1992. – С.15

менного демократического государства – достижение общегражданского консенсуса путём учёта и координации множества интересов и потребностей различных групп населения, снятие или смягчение противоречий, поиск гражданского согласия. Государство при этом воспринимается не как безликое коллективное сообщество людей, в котором была бы растворена индивидуальность, а как сообщество свободных индивидов, объединяющихся на солидарной основе. Однако, как показывает практика, государственные институты не всегда являются эффективным инструментом демократизации гражданского общества, поскольку их усиление нередко приводит к росту бюрократизации и усилению власти государства.

Несмотря на то что понятие «гражданское общество» давно стало для многих западных правоведов, социологов и политологов олицетворением идеальной модели развития западных обществ, до сих пор не существует его общепринятой единой теории. Это объясняется отсутствием в социальной действительности завершённого, поддающегося унифицированию экономических, социальных, политических, моральных параметров, нормального состояния гражданского общества. Иными словами, не существует в чистом виде обществ, соответствующих изложенным моделям.

В связи с этим ряд авторов подчёркивает ограниченность обеих моделей и традиций, выдвигая идею укрепления границ между различными сферами гражданского общества без стремления регулировать то, что в них происходит. Государство должно всячески ограничивать воздействие экономического неравенства на политическую систему². Зрелое гражданское общество сокращает количество функций, закреплённых за государством, до минимума, сохраняя за ним наиболее важные: обеспе-

чение правопорядка и безопасности личности, охрана окружающей среды и т.д.

Существенным элементом гражданского общества является верховенство права. Это шире, чем идея правового государства. Соотношение личного, частного и общественного в гражданском обществе должно быть уравновешено, ибо концепция гражданского общества подразумевает и автономию определённых общественных сфер. Автономия общества является важным элементом гражданского общества, означающим самостоятельность и самодеятельность различных общественных сфер и ассоциаций экономики. Роль государства по отношению к этим общественным агентам должна сводиться к установлению самых общих рамок в виде закона, регулирующего «правила игры», которых необходимо придерживаться, чтобы сохранить права и свободы для всех членов общества. Экономический, социальный, политический и культурный плюрализм, являющийся основой гражданского общества, устанавливается на основе автономии общественных факторов, прав и свобод человека и гражданина. Автономия различных сфер общества подразумевает, что они могут самоорганизовываться в соответствующие ассоциации, демократическая внутренняя жизнь которых имеет большое значение для гражданского общества.

Существующие ныне в российском обществе многочисленные самостоятельные ассоциации, общества, организации, движения создают неплохие предпосылки для дальнейшего развития гражданского общества. Однако опыт развития трансформирующихся обществ, в т.ч. и России, свидетельствует о том, что появление добровольных ассоциаций, направленных против господства государства, нередко приводит к соперничеству друг с другом за право представлять народ. Результатом

этого, например, было превращение в составную часть государственной власти казачества. Бесспорен также и факт, что в борьбе за народную поддержку приобретали значительное влияние движения, выступавшие с националистическими лозунгами. Это вело к негативным последствиям, блокирующим и вытесняющим гражданское общество, когда вместо формирования различных демократически ориентированных движений, инициатив, партий, идей возникают противостоящие друг другу демократические и национальные идеи и движения, причём сегодня в России национально ориентированные субъекты (движения, партии, идеи) полностью доминируют над демократическими.

Это обстоятельство объективно работает против самой идеи гражданского общества, которая по определению не может быть реализована в политических границах закрытого национального государства. Гражданское общество в полном смысле этого слова должно быть открытым обществом. Подчёркнуто национальное общество, как правило, закрытое и авторитарное общество.

Важным элементом гражданского общества является «гражданская культура», т.е. демократическая или партиципативная политическая культура. В России преобладает авторитарный менталитет, проявляющийся в авторитарной политической культуре. Консенсус по поводу основных социальных ценностей, без чего невозможно развитие гражданского общества, подлинная интеграция людей в общество до сих пор не достигнута. На этой основе возникла ситуация аномии, когда одна ценностно-нормативная система разрушена, а другая ещё не сформировалась.

Это привело к ситуации, когда значительное число граждан ощущает отчуждение от социальных процессов, социальную неустре-

² См. Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. -1992. №4

бованность. В обществе нет устоявшейся политической системы, нет чёткой экономической политики, нет общей идеологии, нет общепринятой системы ценностей³. В этих условиях проявляется новая тенденция, характеризующаяся комбинацией элементов новой партициптивной культуры с элементами старой традиционной авторитарной культуры. Первая идея о преимущественно номинальном участии граждан в управлении, которая всё более размывается в пользу господствующих элит. Этому способствует насаждение идеи о необходимости предоставления реальных рычагов государственного управления избранным и подготовленным и идея рациональности как формы легитимной основы (М. Вебер). В условиях нарастания анонии усиливаются авторитаристские настроения, способствующие потребности в сильном лидере, в авторитарном государстве.

Эта постоянно присутствующая в российском обществе опасность значительно возрастает в настоящее время, когда вместо дихотомии «гражданское общество – (политическое) государство» всё чётче прослеживается дихотомия «элита – масса». Возникает вопрос: в какой мере концепция гражданского общества, как идея гармоничных отношений автономных частей социальной общности, и государства вписывается в нашу действительность, где политическую жизнь характеризуют авторитарность и приливы националистических и популистских волн?

Современное российское общество является квазигражданским, структуры и институты которого, обладая многими формальными признаками образований гражданского общества, выполняют противоположные функции. Это способствует развитию пессимизма в оценке перспектив развития гражданского общества в современной России.

Для реального разблокирования и развития гражданского общества в России необходимо наличие ряда факторов и выполнение многих неизбежных условий и предпосылок. Длительное подавление элементов гражданского общества определило неуправляемый, нередко разрушительный характер демократических преобразований в России, ориентированных по преимуществу на уничтожение созданных ранее социальных институтов как сферы «несвободы» и поощрение стихийных тенденций общественного развития – «свободы», что в условиях неупорядоченности правовой составляющей приводит к хаотическому развитию, которое усилено эффектом поликультурности, поликонфессиональности и полиэтничности.

Тем не менее, позитивная цель социальной регуляции также имеет свою цену, которая может оказаться чрезмерно высокой в том случае, когда за стабильность платится свободой и правами человека. «Насильственные окопы не умертвят в человеческом разуме духа независимости, но также недостаточно дать ему свободу для того, чтобы установить равновесие; надо, чтобы он правильно употребил данную ему свободу», – писал Э. Дюркгейм⁴. Успешно функционирующее общество по-своему парадоксально, поскольку «сопрягает», по меньшей мере, три разных момента: свободу индивидов, общественную стабильность и социальное регулирование, которое обеспечивает сосуществование первого и второго.

В принципиальном плане решение социальных дилемм достигается в состоянии (траектории) динамического равновесия общества. Динамическое же равновесие обеспечивается действием значительного числа факторов: экономических, политических, научно-технических, социокультурных,

правовых и др. Становление в России демократической и правовой государственности требует, в первую очередь, создания условий для полноценной реализации прав и законных интересов личности, повышения самостоятельности и автономии гражданского общества. Однако идея социального управления неизбежно приводит к постановке вопроса о необходимости ограничения прав и свобод личности и о возможности органичного (регулируемого государством) включения личности в социум.

Любые субъективные права, как отмечал ещё Б.Н. Чичерин, имеют свой предел, свои границы, что подчёркивается и в теоретическом их определении («мера свободы» или «мера свободного поведения»). Границы («мера») свободы и прав опять же устанавливаются государством, которое обязано признавать, соблюдать и защищать их именно в этих границах.

Совершенно очевидно, с другой стороны, что границы прав личности, вводимые государством, не должны быть произвольными. Любая деятельность государства, связанная с использованием методов властных предписаний, ограничений и запретов, должна иметь свои пределы, границы. Но где пролегают последние, и как их установить?

Понятно, что для любого действия, в т.ч. действия, которое влечёт ограничение конституционных прав, необходимо, прежде всего, наличие определённой ситуации, конкретных жизненных обстоятельств, которые потребность в данных ограничениях делают их общественно необходимыми. К фактическим основаниям, которые предусмотрены практически всеми конституциями, включая российскую (ст. 56), относятся вызванные внешними или внутренними факторами чрезвычайные обстоятельства, требующие введения различных (для каждой страны) форм

³ Панина Н.В. Аномия в посткоммунистическом обществе. Куда идет Россия. Социальная трансформация постсоветского пространства. -М.,1996. – С.455

⁴ Дюркгейм Э. Социологический этюд. – СПб., 1998. – С.191

чрезвычайного положения (война, внутренние беспорядки, эпидемии и т.п.). В Конституции России (ч. 3, ст. 55) закреплён перечень таких целей, который является исчерпывающим: ограничение конституционных прав в иных целях недопустимо. Их всего пять: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны и безопасности государства. Как видно, легальные цели допустимых ограничений конституционных прав носят преимущественно охранительный характер, они призваны обеспечить защиту важнейших частных и общественных благ.

Современные теоретические подходы к проблеме свободы и её ограничений характеризуются рядом существенных особенностей. Преодолена малоперспективная сосредоточенность на критике абстрактного гуманизма, происходит перенос акцента с идеологизированного конституирования структуры общества и сопровождающей его системы запретов на изучение обусловленности свободы и культуры. Характерны в этом отношении работы В.М. Баранова, Ю.И. Гревцова, Д.И. Луковской, Д.А. Керимова, В.С. Нерсисянца, И.Ф. Покровского, Л.С. Явича и др. Авторы сходятся в том, что необходимость создания условий для положительной свободы личности и её самореализации, выбор ею своего места в обществе связаны прежде всего с раскрепощением личности. И вместе с тем для исследователей очевидна необходимость совершенствования механизма социальной защиты свободы.

С одной стороны, это может порождать патерналистско-иждивенческие установки и, в силу этого, генерировать силовой способ решения возникающих социальных проблем и конфликтов, а с другой, оставляет человека беззащитным перед лицом волюнтаризма. Особенностью современного этапа в исследовании проблемы свободы, ограничений и запретов

является также отказ многих авторов от нормативного подхода, при котором личность ассоциируется лишь со сферой высоких духовных качеств и моральных максим. В настоящее время можно констатировать усиление интереса к разработке проблем, связанных с признанием приоритета индивидуальной свободы, социальной защиты личности. Причём одними из главных признаются проблемы свободы выбора и проблемы становления институтов гражданского общества.

Вместе с тем можно сказать, что вопросам запретов, ограничений свободы в научных исследованиях не уделяется должного внимания. Зачастую вся проблема сводится лишь к идеологической интерпретации запретов, связанной с политическим режимом. При этом остаются в стороне вопросы действия «механизма» запретов, типов запретов, источников их формирования. Поэтому мы специально остановимся на данных вопросах в процессе нашего исследования.

Мы полагаем, что абсолютная свобода не может быть осуществима по разным причинам. Свобода, будучи ничем не ограниченной, означает отсутствие какого бы то ни было объединения. Если нет принуждения, то общество может рассчитывать лишь на удачную координацию целей и интересов. Поэтому нельзя уйти от банальности, что принуждение необходимо, и что оно является ограничением свободы. (В этом смысле возникает вечный вопрос о свободе и необходимости).

Свобода также не может быть осуществима по причине того, что допускает свободу абсолютного равенства. Хотя это допущение и носит логический характер, но оно тем самым запрещает свободу. С другой стороны, само абсолютное равенство невозможно, поскольку может полагать равенство в абсолютной свободе. Специфика правовой формальности обусловлена тем, что право выступает как фор-

ма общественных отношений независимых субъектов, подчинённых в своём поведении, действиях и взаимоотношениях общей норме. Правовая форма, демонстрируя формальный характер равенства, всеобщности и свободы, предполагает и выражает внутреннее сущностное и смысловое единство правовой формальности, всеобщности, равенства прав граждан.

Необходимая внутренняя взаимосвязь правового равенства и всеобщности правовой формы очевидна: правовая мера всеобща лишь в тех пределах и постольку, пока и поскольку она остаётся единой (и, следовательно, равной) для различных объектов измерения (регуляции), в своей совокупности образующих сферу этой всеобщности, т.е. круг различных отношений, измеряемых общей (единой) мерой. Всеобщность эта, следовательно, относительна – она ограничена пределами действия единой меры в различных отношениях. Само равенство здесь состоит в том, что поведение и положение субъектов данного общего круга отношений и явлений подпадают под действие единой (общей, равной) меры.

Такая формальность – внутренне необходимое, а не случайное свойство всякого права. Форма здесь не внешняя оболочка. Она содержательна и единственно возможным способом, точно и адекватно выражает суть опосредуемых данной формой (т.е. охватываемых и регулируемых правом) отношений – меру свободы индивидов по единому масштабу. Своим всеобщим масштабом и равной мерой право измеряет, «отмеряет» и оформляет именно свободу индивидов, свободу в человеческих взаимоотношениях – в действиях, поступках, словом, во внешнем поведении людей. Дозволения и запреты как раз и представляют собой нормативную структуру и оформленность свободы в общественном бытии людей, пределы достигнутой свободы, границы между свободой и несвободой на

соответствующей ступени исторического развития⁵.

В этой связи представляется важным вопрос о соотношении свободы и своеволия, обусловленного факторами девиантного поведения. Поэтому внутренний механизм реализации прав и свобод личности необходимо исследовать исходя из принципов социологии, психологии, как общей, так и социальной, педагогики. Указанное различие важно методологически, поскольку, признавая двойственную природу своеволия, можно говорить о вероятностном характере его действия. Возникает вопрос о гарантии. Но оказывается, что ничто не гарантирует того, что свободная личность сделает правильный выбор. Можно говорить лишь о вероятности. Если формальная свобода, как своеволие, является негативной, то вступает в действие закон, ограничивающий этот негативизм. Но в то же время это ограничение не устанавливает запреты на самоизъявление. Оно является упорядочиванием, создающим условия для регулирования взаимности достижения интересов, а не взаимодействия, и налагаемые ограничения лишь служат тому, чтобы сохранились условия существования свободы. Поэтому свобода в обществе предполагает твёрдые гарантии режима законности.

В рамках режима законности запрет есть принцип и способ задания направленности действия. Совокупность негативных предписаний – это система запретов, говорящая о том, что делать не следует. Цель запрета состоит в предупреждении нежелательного события. Если бы предполагаемое зло с необходимостью следовало за нарушением запрета, то последнее было бы уже не запретом, а предписанием морали или суждением здравого смысла. Запреты – это принципы, упорядочивающие общественную жизнь. Утверждение их было сделано явно в интересах человеческого общежития, на иных условиях невозможного.

На этой основе можно провести различие между произвольными запретами и правовыми. Оно заключается в том, что первые основываются на отсутствии права самостоятельного выбора стратегии поведения, и поэтому отношения приобретают вид «командных». Упорядочивание их приводит к иерархизированной системе с порождаемым ею принципом «уравниловки», исходным и определяющим методом которой является дозволение. В правовых и педагогических науках исходным является запрет, выражающий саму суть права, состоящую в том, чтобы исчерпывающе прямо запретить всё негативное с целью признания и взятия под свою защиту всего остального. Благодаря этому право проявляет себя как форма, представляющая максимально возможную меру свободы и защищающая интересы членов общества. Поскольку категория «отрицательной» свободы не может быть частью принципа рациональности, то принцип прав человека не вытекает из принципа рациональности, и в то же время он не есть принцип норм. Он определяет ограничивающее условие возможной рациональности демократического консенсуса.

Очевидно, что на рубеже XX и XXI столетий в цивилизованном мире уже не возникло сомнений относительно ценности, значимости, престижа такого феномена, каким являются права и свободы человека. Их признание и соблюдение стало символом справедливости во внутренних делах государств, а также в межгосударственном общении, в рамках которого сам термин «права и свободы человека» выступает ключевым. Это закономерно и объяснимо, поскольку они воплотили универсальные общечеловеческие категории добра, справедливости, свободы, равенства, демократизма, милосердия, утвердив приоритетную роль личности в общественных отношениях. Именно в таком

качестве они предстают сегодня и в обозримой перспективе, своим глубоким гуманистическим содержанием призваны оказывать ещё большее влияние на мировой прогресс во всех его проявлениях. Всемирная история представляет собой прогрессирующее движение к всё большей свободе всё большего числа людей. Историческое развитие свободы и права в человеческих отношениях представляет собой, таким образом, прогресс равенства людей в качестве свободных личностей. Первоначально несвободная масса людей постепенно в ходе исторического развития преобразуется в свободных индивидов.

Между тем повсеместно довольно широко распространены представления о противоположности свободы, справедливости, равенства. Они обусловлены во многом теми негативными явлениями, которые мы наблюдаем в обществе. Но если речь действительно идёт о свободе, а не о привилегиях, произволе, деспотизме, то она просто невозможна без принципа и норм равенства, без общего правила, единого масштаба и равной меры свободы, т.е. без права, вне правовой формы. Свобода не только не противоположна равенству, но, напротив, она выражена лишь с помощью равенства и воплощена в этом равенстве. Свобода и равенство неотделимы, они взаимно предполагают друг друга. С одной стороны, исходной и определяющей фигурой свободы в её человеческом измерении является свободный индивид; с другой стороны, эту свободу индивидов можно выразить лишь через всеобщий принцип и нормы равенства этих индивидов в определённой сфере и форме их взаимоотношений.

Осмысление сущности свободы по-прежнему остаётся важной и актуальной задачей, стоящей сегодня перед современной юридической наукой. К ней обращались и всегда будут обращаться российские и зарубежные правоведы.

⁵ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 1997. – С. 22-24.

С.Ф. АНИСИМОВА, старший преподаватель Северо-Западной академии государственной службы
S. Anisimova, senior lecturer at North-Western Academy of state service

Применение детского труда как социальная проблема

The use of child labour as a social problem

Аннотация: В статье анализируются проблемы, влияющие на применение детского труда в экономике. Автор рассматривает основные виды и формы детского труда в практической деятельности, даёт определение понятиям «полезный труд», «детский труд» на основании правовых документов в этой сфере. Устанавливаются социальные последствия ранней трудовой занятости детей.

Abstract: The article analyzes the problems affecting the use of child labour in the economy. The author considers the main types and forms of child labour in practice, defines the concepts of «useful work», «child labor» on the basis of legal instruments in this field. Are the social consequences of early employment of children.

Ключевые слова: детский труд, бедность, социальная напряжённость, неполная семья, феминизация бедности, реализация прав и свобод, социальные гарантии, социально-экономическое благополучие, социальное неравенство.

Keywords: child labour, poverty, social tensions, incomplete family, the feminization of poverty and the realization of rights and freedoms, social security, socio-economic well-being, social inequality.

Бедность как социальный феномен является реальным фундаментом для развития социальной напряжённости. В самом худшем положении в нашей стране с точки зрения социальной защищённости находятся неполные семьи с детьми. Неполные семьи составляют 15% всех домохозяйств и 19% всех семей с детьми в возрасте до 18 лет, а в Петербурге и Москве на их долю приходится одна четверть¹. Нужно отметить, что подобная ситуация начала складываться ещё до середины 80-х годов прошлого века. Уже тогда неполные семьи относились к категории домохозяйств, которые в большей степени подвержены риску бедности: их уровень бедности в 2 раза превышал средний по стране. А развитие и упрочение такого положения в последующий период привело к возникновению нового социального феномена – феминизации бедности, которое породило социальное неравенство среди детей.

У детей из разных по социально-экономическому положению семей отсутствуют равные возможности в реализации основных прав и свобод, потенциальных способностей и интересов, а следовательно, у них не имеется равных стартовых возможностей развития личности и последующего достижения должного уровня социально-экономического благополучия на основе трудовой деятельности.

Среди этих проблем всё более значимыми для общества и государства становятся те, что связаны с детским трудом, ценностной ориентированностью детей на труд и подготовкой детей к будущей профессиональной жизни. Проблема социализации является для таких подростков одной из основных, и её решение во многом определяет их дальнейший жизненный путь. При этом можно выделить две группы трудностей, возникающих перед ними:

– социально-инструментальные, связанные с формированием

определённых социальных навыков, прежде всего с умением конструктивно общаться с разными группами людей и в разных ролевых позициях;

– собственно психологические, заключающиеся в формировании адекватной «Я-концепции» и внутренней позиции, что позволит определить наиболее приемлемые сферы самореализации и обеспечит удовлетворение своим статусным местом в системе межличностных отношений.

Дж. Арнет показывает, что изменения поведения, наблюдающиеся в связи с глобализационными процессами, заметнее всего сказываются на молодёжи и подростках: речь идёт о закреплении деструктивного поведения и хаосе идентичностей². Идентификационный хаос, угрожающий массовой деструкцией идентичностей, согласно Томлинсону, имеет место, когда разрыв с традиционными практиками и мировоззрением приводит к утрате

¹ Феминизация бедности. Всемирный банк. – М., 2000. – С. 10-12.

² Arnett J.J. The psychology of globalization // Am/ Psychol. – 2002/ #57/ – P/774-783

культурных смыслов и эрозии традиции³.

Ситуация сбоя в наследовании культурного опыта, которая связана с нарушениями в цепи преемственности поколений, прежде всего сказалась на базовой ступени нашего эволюционного воспроизводства, которым является детство. Во всех моделях социализации детей и подростков подготовка к активной трудовой деятельности рассматривается как основное условие успешной социализации. Уважительное отношение к труду является основополагающей социокультурной традицией в России.

В настоящее время проблемы сохранения традиции уважительного отношения к труду, профессионализму, рабочему человеку становятся весьма актуальными. Разрушение системы трудового воспитания детей, которая была одной из лучших в мировой педагогической практике, привело к порождению иждивенчества, бродяжничества, попрошайничества. Эти явления были практически искоренены на уровне социального бытия практически сразу после Великой Отечественной войны. Масштабы развития этих негативных явлений в последние годы сравнимы с масштабами эпидемии. При этом детский труд рассматривается как крайне негативное социальное явление, как противоправный вид деятельности, законодательно запрещённый для данной категории граждан (детей).

Автор разделяет точку зрения специалистов в том, что со всех точек зрения (медицинской, социальной, экономической) ранняя трудовая занятость во вредных и опасных видах деятельности негативно влияет на развитие детей. При этом следует учитывать, что детский труд традиционно считается как результатом, так и одной из причин бедности. Работающие

дети не посещают школу и рискуют своим здоровьем. Без образования им сложно вырваться из нищеты. Доходы, которые могут быть получены в результате ликвидации детского труда, во много раз превышают необходимые для этого затраты. Экономические потери, которые общество несёт, принуждая детей к труду, к 2020 году могут составить 5,1 трлн. долларов. А расходы на борьбу с детским трудом достигнут лишь 760 млн. долларов⁴. Актуальность проблемы детского труда в современной социально-экономической ситуации требует научного анализа, как в правовом, так и в социально-педагогическом аспектах.

Понятие «детский труд» в документах и специальной литературе, издаваемой Международным бюро труда⁵, определяется как «оплачиваемая, так и не оплачиваемая работа и деятельность, которые в психическом, физическом, социальном или моральном отношении сопряжены с опасностью для детей или причинением вреда детям. Это именно такой труд, который лишает детей возможности учиться в школе, либо заставляет их, помимо школьных занятий и домашних обязанностей, загружать себя дополнительной работой, выполняемой в других местах, работой, которая закрепощает детей и отрывает от семьи. Под детским трудом понимается такая работа, выполнение которой вредно и опасно для ребёнка и запрещено международным и национальным законодательством»⁶.

По методологии МОТ детский труд разделяется на полезный и вредный. В содержание понятия «детский труд полезный» входит следующее: выполнение детьми и подростками работ, которые не влияют на их здоровье и развитие, а также не препятствует получению образования. К таким видам

работ относят помощь ребёнка родителям по дому или в семейном хозяйстве, зарабатывание карманных денег после школы или во время школьных каникул.

Все это, как полагают эксперты МОТ, способствует развитию ребёнка и благосостоянию семьи, помогает ему получить навыки и опыт, которые потребуются в будущем для того, чтобы стать полноценным членом общества. В этом случае речь не идёт об ограничении детского труда. С нашей точки зрения, в этом существует явное противоречие, которое требует более подробного рассмотрения, в первую очередь, в общественно-политических и юридических аспектах.

Подрастающее поколение, как социально-демографическая группа, в аспекте трудовой деятельности рассматривается как трудовые ресурсы и находится на стадии трудового и социального самоопределения. Эта группа, с одной стороны, имеет очевидные достоинства перед другими группами: восприимчивость в приобретении новых умений и навыков, высокую обучаемость, стремление к новизне, наибольшую продолжительность предстоящей трудоспособности. С позиций же работодателя эта группа менее привлекательна. Основными ограничениями в привлечении к труду подростков и детей выступают физические и психологические особенности состояния здоровья и возрастного развития. Также существенным недостатком в ряде случаев является отсутствие квалификации, производственного опыта, законодательные предписания по найму на работу и организации трудовой деятельности этой возрастной группы.

Несмотря на явные ограничения, использование детского труда распространено во всём мире. В настоящее время число работающих

³ Феминизация бедности. Всемирный банк. – М.2000. – С.10-12

⁴ Углубленный анализ положения работающих детей // Бюллетень. – Международная организация труда, 2006

⁵ Исполнительный орган МОТ

⁶ Action against Child Labour. – ILO Geneva, 2000. – P.4

детей в мире составляет 250 млн. человек. Это дети в возрасте от 5 до 14 лет, главным образом из развивающихся стран. Почти половина из них (около 120 млн.) ежегодно трудятся полный рабочий без выходных. Примерно 50-60 млн. (свыше 20%) – дети в возрасте от 5 до 11 лет, и работают они, как правило, во вредных условиях труда (принимая во внимание их возраст и незащищённость)⁷. Многие дети работают на чрезвычайно опасных рабочих местах, на вредном производстве, таком как строительство, рудники, карьерные работы и сельское хозяйство.

В экономически развитых странах детский труд также применяется. Самые высокие показатели, по оценке МОТ, в Италии и в Англии, где трудовой деятельностью занято 40% детей, причём большинство незаконно. В США в 2002 году работало более 5 млн. подростков в возрасте 12-17 лет. В настоящее время в США около 2/3 учащихся старших классов средних школ работают более 5 часов в неделю в течение всего учебного года, а часть из них более 20 часов в неделю⁸.

Дети часто используются для оказания бытовых услуг, при этом они не только выполняют изнурительную домашнюю работу, но и нередко подвергаются сексуальной эксплуатации. Большинство детей работают за очень низкую плату целый день. Многие дети заняты в теневом секторе или на улице. Работая здесь, они не только не получают образования, но даже лишены минимальных условий безопасности труда.

В России, по данным тех же исследований, основное применение детский труд находит в неформальном секторе экономики. Официальное трудоустройство практикуется достаточно редко, т.к. жёсткие требования Трудового кодекса не позволяют заключать трудовые контракты с гражданами

до 14 лет. Детский труд в России используется примерно на тридцати видах работ в таких сферах, как:

- автотранспорт (мытьё машин, помощь на автозаправках и в автомастерских, охрана машин и др.);
- торговля (фасовщик, помощник продавца, продавец-лоточник, разнорабочий, грузчик, уборщик торговых мест и т.д.);
- рекламная деятельность («сэндвичмэн», курьер, расклейщик, разносчик и т.д.);
- индивидуальная трудовая деятельность (рабочий в мастерских по ремонту обуви, мебели, изготовлению фарфоровых изделий, пошиву игрушек, в мелких типографиях и т.д.).

Кроме этого дети активно заняты на разовых работах, например:

- сбор макулатуры, пустых бутылок, банок, коробок и т.п.;
- услуги населению (подвозка дров, мойка окон, уход за детьми и пенсионерами, выгул собак, стрижка газонов и т.д.);
- сезонной формой занятости является сбор и продажа грибов и ягод, урожая из подсобного хозяйства, цветов и т.п.

По данным МОТ, работодатели выделяют следующие основные виды работ, на которые они принимают детей: уборка торговых мест (39,5%), торговля с лотков (38,3%), перевозка и погрузка товаров (30,9%), охрана товаров (6,2%), мойка машин (6,2%), подсобные работы в гаражах (4,9%) и т.д. Традиционно миллионы детей, как и члены их семей, заняты сельскохозяйственным трудом: сельские дети постоянно, а городские в период каникул.

Как наёмных работников детей часто используют на плантациях и фермах, в домохозяйствах семей. В сельском хозяйстве широко практикуется детский труд на малых предприятиях, в фермер-

ских хозяйствах с официальным оформлением. Однако какого-либо контроля за объёмами труда и сложностью выполняемых детьми работ и реальной оплатой труда не осуществляется, так же как и соблюдение норм охраны труда и техники безопасности⁹. В российской провинции участились случаи, когда дети отработывают долги родителей. Законодательство Российской Федерации не предусматривает защиту детей, находящихся в долговом рабстве.

Согласно ст. 2 п. 3 Конвенции МОТ №138 «О минимальном возрасте для приёма на работу», этот возраст не должен быть ниже возраста завершения обязательного школьного образования. Советский Союз ратифицировал эту Конвенцию в 1979 году¹⁰, установив минимальный возраст приёма на работу равным 16 годам, что и было отражено в прошлой редакции КЗоТа. В современной России, являющейся правопреемницей СССР, труд детей в промышленности и сельском хозяйстве до достижения ими возраста завершения обязательного образования также законодательно запрещён и, что немаловажно, порицаем общественным мнением. Однако в 1995 году Россия пересмотрела положение о минимальном возрасте приёма на работу, понизив его до 15 лет.

Это норма вступила в противоречие с положениями Конвенции № 138 (п. 2 ст. 2), позволяющей лишь повышать минимальный возраст приёма на работу. Введённый в действие с 2002 года Трудовой кодекс РФ предусматривает возможность трудоустройства детей, достигших 14 лет, на лёгкие работы, при условии посещения детьми учебных заведений и выполнения работы в свободное от учёбы время.

Данное положение в целом соответствует Конвенции МОТ №138 (п.1 ст. 7). Однако на практике

⁸ Углубленный анализ положения работающих детей // Бюллетень. – Международная организация труда, 2006

⁹ Углубленный анализ положения работающих детей // Бюллетень. Международная организация труда, 2006.

¹⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 05.03.79 N 8955-1X «О ратификации конвенций Международной организации труда».

возраст 14 лет всё чаще рассматривается как минимальный возраст приёма на работу. Об этом свидетельствуют как опросы экспертов, так и анализ ведомственных документов. Необходимо подчеркнуть, что в России возраст окончания основного общего образования – 15 лет, что, в частности, вытекает и из Конвенции МОТ № 138. Если социально незащищённый ребёнок начинает работать с 14 лет, то вероятность получения им основного общего образования крайне мала.

В условиях отсутствия чётко заявленной официальной позиции по этому вопросу раннее трудоустройство детей всё чаще воспринимается общественным мнением как вполне приемлемый, а возможно, даже и желательный путь решения проблемы социально незащищённых детей. Общество приучается видеть в раннем трудоустройстве детей выход из создавшейся ситуации, постепенно привыкая к эксплуатации детского труда. Такое отношение к судьбе социально незащищённых детей нарушает их конституционное право на получение основного общего образования. Таким образом, незаметное и пока в значительной степени не осознаваемое российским обществом нарушение трудового законодательства в отношении детей фактически выливается во вполне очевидное нарушение права ребёнка на получение образования.

Практически всеми специалистами (педагогами, психологами, социологами, медиками) признаётся, что именно семья и школа выступают в качестве основных социальных опор для ребёнка, а в более широком смысле – в качестве гаранта соблюдения его основных прав. В тех же ситуациях, когда семья ослаблена затяжной или хронической безработицей, вну-

трисемейными конфликтами, алкоголизмом или иным асоциальным поведением родителей, именно школа призвана стать опорой для ребёнка. Толкая детей к раннему труду, общество тем самым выбивает из-под них эту последнюю опору, что ведёт к катастрофическим социальным последствиям в положении этих детей и грубейшим нарушениям их прав.

Необходимо предусмотреть новые правовые аспекты, которые бы несли жёсткое наказание за привлечение детей к неразрешённым видам деятельности. На наш взгляд, наиболее жёстко должно наказываться привлечение детей к производству и контрабанде наркотиков, азартным играм, попрошайничеству. Законодательство по борьбе с привлечением детей к незаконным видам деятельности должно предусмотреть необходимые правоохранительные механизмы, включая уголовно-правовые и иные санкции в отношении тех лиц, которые используют или привлекают детей для участия в таких видах деятельности. Причина социальных девиаций, связанных с детским трудом в России, по нашему мнению, кроется не только в несовершенстве законодательства, но и в ослаблении роли государства в трудовом воспитании детей и развитии трудовых ресурсов. Проблематика трудового воспитания детей оказалась в настоящее время практически исключена из научных исследований и из системы образования и воспитания. Вместе с тем негативные последствия влияния «теневой экономики» на пересмотр такой ценности, как «труд», и многолетние упущения в вопросах трудового воспитания детей на уровне государства, общества, семьи, снижение ответственности взрослых за детский труд становятся всё более очевид-

ными. Осознание всеми кругами общества принципиальной неприемлемости детского труда должно способствовать выработке непримиримого отношения к нему со стороны органов власти, ответственности, закладыванию основы для выработки общегосударственных и региональных программ по искоренению детского труда.

К сожалению, на практике при разработке программ специалисты сталкиваются с распространённым мнением о том, что для борьбы с детским трудом ничего нельзя сделать, поскольку детский труд является результатом и проявлением бедности и может быть искоренён только после искоренения самой бедности. Единственное, что необходимо и возможно сделать, согласно данному убеждению, это привлечь нарушителей к ответственности, а детей отправить обратно в школу. Сторонники другой точки зрения считают, что в основе скорейшего искоренения наихудших форм детского труда должно лежать законодательство, провозглашающее полное искоренение детского труда в качестве конечной цели политики государства, а также недвусмысленно определяющее и запрещающее наихудшие формы детского труда в приоритетном порядке. В законодательстве необходимо также предусматривать адекватные санкции в отношении нарушителей и соответствующую компенсацию жертвам нарушений, должны быть указаны меры за неисполнение законодательства. Автор выражает надежду на то, что детский труд, долгое время окружённый молчанием, безразличием, попустительством властей и социальной апатией, приобретёт цивилизованные формы, и станет одним из основных вопросов на повестке дня российского и мирового сообщества.

М.А. ГАСАНОВ, вице-президент Санкт-Петербургской ассоциации философии права
 M. Hasanov, Vice-President of the St. Petersburg Association of philosophy of law

Основные признаки и составляющие национальной идеологии в многонациональном государстве начала XXI века

The main features and components of the national ideology in the Plurinational state at the beginning of the XXI century

Аннотация: Рост националистических проявлений в их различных формах тесно связан с нарастающей этнодифференциацией современного мира, тенденцией к появлению всё новых и новых этнокультурных, этнотерриториальных, автономных и национально-государственных образований в составе существующих государств, а затем – и к возникновению на политической карте мира новых национальных государств. В ходе охвативших мир процессов модернизации и особенно постмодернизации, наряду с интеграцией народов и наций, совершенно отчётливо идёт «дробление» человечества на всё большее число этнокультурных и национальных сообществ.

Abstract: The growth of nationalist manifestations in different forms is closely linked with increasing to differentiate of the modern world, the tendency to the emergence of new ethno-cultural, ethno-territorial, Autonomous and national-state formations within existing States, and then later to the emergence on the world political map of new national States. During the global processes of modernization and especially post modernization, along with the integration of peoples and Nations, clearly is «crushing» of humanity on an increasing number of ethno-cultural and national communities.

Ключевые слова: национальная идеология, национализм, этнополитический феномен, национально-государственные образования, политика, национализм, глобализация, общественное сознание.

Keywords: national ideology, nationalism, ethno-political phenomenon, the national-state formations. politics, nationalism, globalization, and social consciousness.

Национальная идеология, в широком понимании, теснейшим образом связана как с общественной психологией, правосознанием в целом, так и с её видами – социальной и национальной или этнической психологией (психологической антропологией). Основными компонентами общественной психологии являются потребности и интересы, социальные чувства и эмоции, настроения, массовидные явления психики (нравы, обычаи, привычки и т.д.), ценностные ориентации, жизненные установки, идеалы, воззрения, убеждения, являющиеся стимулами и мотивами деятельности¹. У разных социальных групп и этносов все эти компоненты имеют

свои социальные и этнические различия.

Основные признаки и составляющие национальной идеологии народов России позволяют чётко отграничить её от такого явления, как национализм, хотя некоторые исследователи и пытаются отождествлять эти две категории, что, конечно, неверно. В отечественной этнологии и нациологии не сформировалось чёткого и однозначного отношения к национализму: в многочисленных научных работах, посвящённых изучению этого явления, его характеризуют или как закономерное проявление этничности и свойственного ей здорового этноцентризма, присущего любому этносу, или как весьма от-

рицательное явление, отражающее устремления этнократии к национальному лидерству и узурпации власти в своих национальных анклавах путём разжигания чувства национальной исключительности и враждебности к другим народам.

Наличие положительной мотивации межнационального взаимодействия (по существу – отсутствие комплекса национальной неполноценности) – основное, но недостаточное условие нормального состояния этой сферы психической жизни нации. Необходимо ещё и операциональный компонент – навыки и привычки межнационального взаимодействия. Прежде всего, следует избавиться от привычки видеть в каждом врага, по-

¹ Левыкин И.Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С. 72

тенциального поработорителя или, наоборот, бескорыстного друга.

Сегодня всем нужны взвешенные взаимовыгодные отношения с равноправными партнёрами, умеющими отстаивать свои и уважать чужие интересы.

Национализм как этнополитический феномен активно изучается отечественной и зарубежной наукой. Этот интерес стимулируется стремлением выработать способы противодействия националистическим, экстремистским проявлениям тех процессов национального возрождения, которые охватили сегодня многие, отстававшие ранее в своём национальном развитии, народы, проживающие как в высокоразвитых, так и в отсталых странах мира. Зачастую эти естественные и здоровые в своей основе процессы приобретают гипертрофированную форму, сопровождаются всплеском националистических настроений и ксенофобией, завышенными ожиданиями экономических и политических преимуществ, которые якобы можно получить, предъявив «исторический счёт» другим народам, проживающим на той же территории. В результате многим начинает застилать глаза националистический угар, появляются национальные лидеры и формируются этнократические кланы, паразитирующие на национальных чувствах людей и обретающие в экстремистских националистических движениях и организациях свою главную опору.

В качестве ответной реакции возрастают проявления национализма и со стороны высокоразвитых наций, в них начинают усиливаться общественные и политические силы и движения, пытающиеся использовать «великодержавный» национализм и разжигание вражды между народами в собственных интересах.

Рост националистических проявлений в их различных формах тесно связан с нарастающей этно-

дифференциацией современного мира, тенденцией к появлению всё новых и новых этнокультурных, этнотерриториальных, автономных и национально-государственных образований в составе существующих государств, а затем – и к возникновению на политической карте мира новых национальных государств. В ходе охвативших мир процессов модернизации и особенно постмодернизации, наряду с интеграцией народов и наций, совершенно отчётливо идёт «дробление» человечества на всё большее число этнокультурных и национальных сообществ.

Сейчас в мире имеется почти 200 национальных государств, это вдвое больше, чем в начале прошлого века. Бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали прогнозирует возникновение в ближайшее время ещё до 400 различных национальных образований, которые могут сформироваться в независимые национальные государства. Лавров С.Б. указывает на следующие три, лежащие на поверхности, причины подобного национального взрыва: это дискриминация коренного населения (такого, как индейцы и эскимосы в США, аборигены в Австралии и Новой Зеландии); нерешённые проблемы сохранения языковой и культурной самобытности этнических меньшинств в ряде полиэтничных стран (например, шотландцы и валлийцы в Великобритании, франкоязычное население в Канаде, корсиканцы во Франции); массовые миграции рабочей силы в США и Западной Европе, создающие большие слои и очаги иноязычного населения (так, в ФРГ число иностранцев достигло 6,5 млн. человек, в Швейцарии они составляют около 15% общей численности населения)².

Однако названные причины того «вызова этничности», который наблюдается сейчас в мире, далеко не единственны. В. Иор-

данский указывает ещё на ряд факторов, порождающих столь бурно развивающиеся в современном мире процессы национального самоопределения и дифференциации³. В первую очередь это демографический взрыв в Азии, Африке и Латинской Америке, сопровождающийся «выбросом» оттуда «избыточных» людских масс. К этому добавляется проблема голода в слаборазвитых странах, конфликты из-за земли, весьма часто принимающие форму этнических столкновений. В итоге происходит ожесточённая межнациональная конкуренция в данном регионе за землю, экономическое благоденствие и политическое господство.

Продолжающийся процесс «старения» европейских наций порождает среди них страх угасания, поглощения чужеродными этносами. Стремительность расселения на Европейском континенте арабов, индо-пакистанцев, турок, выходцев из Юго-Восточной Азии, стран Африки и Карибского бассейна такова, что их ассимиляция отстаёт от темпов этого процесса, а европейцы не успевают к нему адаптироваться.

Кризисная экологическая ситуация в ряде регионов, порождаемые ею социальные болезни также стимулируют межнациональные столкновения и конфликты, разъединяют и ожесточают друг против друга народы.

Существенным фактором роста национальной разобщённости являются иррациональные сдвиги в общественном сознании, обусловленные отставанием его развития от научных и научно-технических достижений, неприятием и непониманием их, перенесением этого неприятия на этносы, являющиеся их основными носителями. Национальный иррационализм, стремящийся болезненно укрепить национальную идентичность как обострённую форму защиты от непонимаемых и непринятых

² Лавров С.Б. Глобальные проблемы современности. Ч.2. – СПб.: Из-во СПбГУ, 1995. – С.52

³ Иорданский В. Глобальный этнический кризис или сумерки разобщённости//Мировая экономика и международные отношения. – 1993. № 12. – С.81-93

культурно-мировоззренческих нововведений, порождает невежественную шовинистическую агрессивность, провоцирует национальные столкновения и отчуждения.

Стремление мобилизовать этнопсихологические резервы самозащиты зачастую выносит на поверхность национальных движений забытые мифы и предрассудки, стимулирует болезненную реанимацию давно утративших значение исторических фактов, которым, помимо объективной научной оценки, начинают придавать идеологизированный смысл некой этнополитической актуальности. История этносов мифологизируется, начинает трактоваться односторонне, отзвуки конфронтаций многовекового прошлого переносятся на сегодняшний день.

Помимо этого, трудности решения собственными силами соци-

альных и экономических проблем порождают стремление создать образы национальных врагов, на которых списываются недостатки собственного национального бытия. Неоднородность социального развития зачастую обретает оттенок этнической конфронтации, социальное недовольство канализируется в сферу межнациональных отношений.

Очевидно, что рост этнодифференциации и этнического плюрализма происходит параллельно с теми процессами региональной интеграции и роста локальной цивилизационной солидарности, которыми сопровождается современный этап мирового развития с глобализацией всех сопутствующих ему проблем. Интеграционные и дезинтеграционные явления, как на уровне локальных цивилизаций, так и в общемиро-

вом масштабе, являются противоречивыми друг другу, но неизбежными сторонами такого развития. Они отражают дальнейшую интеллектуализацию и усложнение мирового развития в эпоху модернизации и постмодернизации, всё большую вовлечённость в него различных духовных и материальных компонентов, композиций и структур, одни из которых агрегируются, а другие – ещё более дробятся, взаимодействуя между собой по самым различным срезам, пересечениям и связям. При этом наиболее сильно дезинтеграционные явления наблюдаются в сфере индивидуальных, групповых и национальных предпочтений. Последние, в частности, и стимулируют рост национализма, являющегося сегодня главной угрозой существования многонациональных государств.

В.А. СИБИРЕВ, кандидат экономических наук, НОИР г. Санкт-Петербург
V. Sibirev, candidate of economic Sciences, NOIR, St. Petersburg

Воспроизводство общественных отношений в виртуальной среде The reproduction of social relations in a virtual environment

Аннотация: Виртуальное пространство всё сильнее вторгается в реальную жизнь. Современный Интернет преобразуется, в нём появляются новые черты, становятся доступны новые возможности, а что-то безвозвратно уходит. За последние шесть-семь лет Интернет очень сильно изменился. Сегодня это совсем не такой мир, каким его творили основатели. Виртуальная реальность начинает оказывать всё большее воздействие на объективные процессы. Восприятие событий, происходящих в сети, отлично от чтения книг, эти события воспринимаются как жизненные ситуации.

Abstract: The virtual space is increasingly intrudes into real life. The modern Internet is being transformed, in it there are new features become available, new opportunities, and something is irrevocably. Over the last six or seven years, the Internet has changed dramatically. Today it is not such a world, how it worked founders. Virtual reality is beginning to have an increasing impact on objective processes. The perception of events occurring in the network, different from reading books, these events are perceived as life situations.

Ключевые слова: Интернет, виртуальное пространство, невербальное общение, анонимность, коммуникационная система, блогосфера, мировоззрение.

Keywords: Internet, virtual space, nonverbal communication, anonymity, communication system, the blogosphere, and worldview.

Коммуникация в сети имеет ряд особенностей, которые и делают её столь привлекательной для пользователей. Прежде всего, это анонимность, отсутствие невербальных средств общения, добровольность и желательность контактов, стремление к эмоциональному наполнению текста. Несмотря на то что иногда возможно получить некоторые сведения социально-демографического характера и даже фотографию собеседника, они не достаточны для реального и адекватного восприятия личности. К тому же достоверность этих сведений всегда ставится под сомнение, поскольку зачастую наблюдается укрывание или презентация ложных сведений. В любом случае, в Интернете не существует механизмов провер-

ки личности вашего собеседника. Как пишет П. Келли, «в Интернете никто не знает, что Вы собака».¹

Анонимность общения в Интернете обогащает возможности самопрезентации человека, позволяя ему не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет. В то же время в результате физической непредставленности партнёров по коммуникации друг другу теряет своё значение целый ряд барьеров общения, обусловленных их внешним обликом: полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью, а также коммуникативной компетентностью человека, а точнее, невербальной частью коммуникативной компетентности.²

В Интернет-коммуникациях теряют своё значение невербальные средства общения. Физическое отсутствие собеседников приводит к тому, что чувства можно не только выражать, но и скрывать, так же как и можно выражать чувства, которые человек в данный момент не испытывает. Такое странное сочетание практически полной анонимности (которая в реальности создавала бы барьеры в общении) и эмоциональной насыщенности сообщений легко объяснимо с той точки зрения, что цель коммуникации в Интернет – это своего рода презентация, но не реальных личностей, а образов, созданных этими личностями. В этом случае физическая непредставленность человека в текстовой коммуникации, вообще анонимность даёт

¹ Kelly P. Human IdentityPartI: Who are you? /www-home.calumetyDrku.ca/pkelly/Www/id1.htm.

² Reid, Elizabeth M. Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities./www.fun91.k^kko.hoas.fi/~donwulff/irc/cult-form.html.

уникальную возможность создавать о себе любое впечатление по своему выбору. «В виртуальной среде вы вообще можете быть кем хотите, выглядеть как угодно, быть существом любого пола по выбору, словом, у вас нет ограничений характерных для материального мира»³.

Многие исследователи (Рейд, Келли) пишут о том, что создание виртуальных личностей носит компенсаторный характер и является следствием недостаточного реального общения. В некоторых случаях это, несомненно так, однако это лишь одна сторона проблемы. Во всех интерактивных формах общения есть вполне благополучные люди с достаточным кругом общения в объективной действительности. Очевидно, огромная популярность общения в Интернет имеет своей причиной уникальные возможности коммуникации, которые трудно реализовать в повседневной жизни.

Итак, виртуальная коммуникация в её интерактивных формах практически полностью сводится к созданию пользователем своего виртуального образа и его последующей презентации. Ресурсы сети предоставляют любому пользователю право создать свою виртуальную личность, а также всевозможные средства её сотворения. Эта тенденция чётко прослеживается и отмечается многими исследователями (В.Ю. Нестеров, А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская, Л.М. Тирапольский).

Иванов Д.В. теоретически обосновывает популярность интерактивного общения в Интернете. По его мнению, тенденция виртуализации является основной чертой современного общества и охватывает все сферы общественной жизни и социальные институты. В своей

работе «Виртуализация общества» Иванов говорит о преобладающем развитии не информационных (что было бы естественно для «информационного общества»), но симуляционных технологий, технологий замещения реальности, к которым и относится Интернет. «В результате наращивания оперативной памяти и быстродействия компьютеров, а также создания нового программного обеспечения возникают не только качественно новые формы передачи и обработки данных но в первую очередь достигается всё большее сходство между работой на компьютере и управлением реальными объектами, а также сходство коммуникаций в режиме online с общением в реальном пространстве-времени.

Настигающие одна другую волны так называемых инноваций – новые более мощные процессоры или более совершенные операционные системы – не вносят никаких принципиальных изменений в функционирование персонального компьютера или сети Internet... Всякий раз прирост технического потенциала компьютера расходуется в большей мере на совершенствование визуальных и звуковых эффектов, чем на развитие функций»⁴.

Отголоски этой идеи встречаются достаточно часто, например, в статье М. Эпштейна «О виртуальной словесности»: «Есть мощные средства для передачи, но передавать-то особо и нечего. Объём мыслей по сравнению с предыдущими веками если и увеличился, то не в тысячи же и миллионы раз, как мощность средств коммуникации, а хорошо, если в 1,3 или в 1,7 раза...»⁵. В той же статье Эпштейн перестраивает крылатую фразу М. Маклюэна «The Medium is the Message» (Средство

есть сообщение) в более сильную формулу, характеризующую постмодерн: «The Medium exceeds the Message» (Средства перерастают сообщение). «Мощность передачи превосходит её содержание. В этой разности потенциалов, в усилении средств над сообщением и возникает цитатно-пародийная стилистика постмодерна – как стыдливое осознание растущей условности, отнесенности всех сообщений»⁶.

Иванов Д.В. обращает внимание и на специфику интерактивной коммуникации. «Взаимодействие есть, но ему недостаёт привычной социальности, общества как среды взаимодействия. Так общество в традиционном его понимании замещается киберпротезом...»⁷. «Виртуальные сообщества/тусовки симулируют непосредственность присутствия в общении и социальную близость общающихся людей. Столь интенсивное в последние годы использование технологий виртуальной реальности имеет социальный смысл – замещение социальной реальности её компьютерными симуляциями»⁸.

Интернет симулирует реальное пространство, но в то же время это пространство начинает жить своей жизнью с её специфичными законами, а не является всего лишь слепком привычного для нас физического мира. На мой взгляд, в этом смысле очень интересной является проблема определения меры объективности «киберпротезов» (Д.В. Иванов). Очевидно, что сама по себе виртуальная реальность противоречит по своим свойствам реальному миру, тем не менее, Интернет-коммуникация может быть признана объективно существующей по своим социальным последствиям.

Несмотря на виртуальный характер общения, переживания

³ Kelly P. Human identity Part 1: Who are you?//www-home.caiumet.yorku.ca/pkelly/www/id1.htm/

⁴ Иванов В.В. Виртуализация общества. – СПб., 2000. – С.14

⁵ Эпштейн М. О виртуальной словесности/vrn.fio.ru/19/3/308/4.htm

⁶ Там же с. 5

⁷ Иванов В.В. Виртуализация общества. – СПб., 2000. – С.15

⁸ Там же с. 14

участников могут быть вполне реальными, если в качестве критерия берётся степень эмоциональной вовлечённости. Спортивные болельщики или «геймеры», например, чрезвычайно вовлечены в игру и часто испытывают более сильные эмоции по поводу искусственно созданных ситуаций, чем в обыденной жизни. В психологической плоскости переживания участника виртуальной коммуникации мало отличаются от эмоций, испытываемых им в жизни, грань между Интернетом и жизнью размыта. При этом участник всегда ощущает относительную безопасность своего положения. Он может в любой момент безболезненно выйти из ситуации и вернуться в неё вновь под другим именем, в другой роли, не неся на себе груз прошлого, вины и не опасаясь последствий своих поступков. Тем не менее, возможность всегда начать участие «с чистого листа» не отменяет ответственности участника за свои высказывания, поскольку, оставляя старый образ и беря новый «ник», участник теряет и весь накопленный им авторитет.

В виртуальной коммуникации наряду с эстетическим присутствует и этический элемент. Каждое высказывание участника в какой-либо форме общения – это поступок. Участие в виртуальном диалоге является частью обыденной жизни самого человека, частью его бытия. Восприятие событий, происходящих в сети, отлично от чтения книг, эти события воспринимаются как жизненные ситуации. Поэтому возможно, что изменения, происходящие с пользователем, изменят в чём-то и самого человека – изменят в большей степени, чем чтение им художественной литературы.

Виртуальная реальность начинает оказывать всё большее воздействие на объективные процессы. Данный феномен изучается

в рамках концепции социальных сетей. Одной из наиболее интересных и масштабных работ, анализирующих глобальные трансформации в обществе в терминах сетевых структур, стала работа М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура».

Сеть как система децентрализованного управления приобретает всё более важное значение. По сетевому принципу фирмы строят свои как внутренние, так и внешние связи, причём подобные процессы протекают в разных культурных и национальных контекстах. Сети превратились в основную организационную форму постиндустриального, или информационного, общества. Следовательно, сети рассматриваются как институты, содействующие развитию ряда областей; при этом Интернет трактуется как сеть сетей, единая коммуникационная система, являющаяся основой глобализации мирового хозяйства.

Таким образом, сетевой подход касается всех сфер жизни общества, в том числе и Интернета. Это связано с появлением «массовых индивидуальных коммуникаций» (Mass Self Communication)⁹. За короткое время произошёл головокружительный рост новых форм коммуникации. В техническом отношении эти новые средства индивидуальной коммуникации подкреплены развитием Интернета. Одним из ключевых сервисов в социальных сетях Интернета является блог, или веблог. Под этим словом скрывается сервис, позволяющий вести личный дневник, записи в котором располагаются в обратной хронологической последовательности. В большинстве блогов можно оставлять комментарии к каждой дневниковой заметке. В совокупности блоги образуют блогосферу. Основное содержание сетевых дневников составляют регулярно обновляемые записи, изо-

бражения, мультимедийные презентации и т.п. Разделяются блоги по авторскому составу – личные, групповые (корпоративные, клубные) или общественные (открытые), а также по содержанию – тематические или общие.

Виртуальное пространство всё сильнее вторгается в реальную жизнь. Современный Интернет преобразуется, в нём появляются новые черты, становятся доступны новые возможности, а что-то безвозвратно уходит. За последние шесть-семь лет Интернет очень сильно изменился. Сегодня это совсем не такой мир, каким его творили основатели. Это мир, где, по оценкам Forrester Research, одни лишь американцы в 2006 году потратили на покупки около 220 млрд. долларов. А в 2011 году россиянами было потрачено на онлайн-покупки в Интернете более 254 миллиардов рублей. Мир, где стало возможным найти любую информацию из всего, что было создано за многие века существования гуттенбергова станка. Мир, о котором говорят, что он вернул людской жизни социальное измерение, заново связав людей в «глобальную деревню». Мир, где нельзя скрыть правду, потому что каждый стал журналистом и откровенно выносит сор из любой избы, включая свою собственную. Мир, где без малейших усилий можно найти своих двойников – людей, подобных тебе во вкусах и мировоззрении. Мир, в котором есть свои божественные монстры и своя чума. В палитре сотен разнообразных деталей, преобразивших мировую сеть, можно выделить пять трендов¹⁰.

Их влияние ощущается уже сегодня, а со временем они, возможно, способны и вовсе изменить Интернет до неузнаваемости. Впервые, мировая сеть дала рождение грандиозным по своим масштабам поисковым порталам, но с собой они принесли море рекламы

⁹ Кастельс М. Новые индивидуальные масс-медиа // Свободная мысль. – 2006. № 5. – С. 65

¹⁰ Скрипников С. Жадная паутина // Эксперт. – 2007. №19.

и поисковый спам – и сеть стала превращаться в рекламную свалку. Во-вторых, Интернет становится более социальным за счёт бума пользовательского контента и появления систем анализа поведения в сети. В-третьих, утвердились новые технологии распространения контента – через файлообменные сети, популярность которых пугает традиционные медиаконцерны, и те разворачивают масштабные войны с пиратством в Интернете. В-четвёртых, налицо тенденция к замещению привычных и дорогих

программ вроде Microsoft Office бесплатными сетевыми сервисами, и возглавляет эту тенденцию Интернет-гигант Google. Наконец, всё более значимым становится исход миллионов людей в виртуальные вселенные и одновременно – экспансия виртуальных экономик в реальные миры.

Переход приложений в сеть затронул не только разработчиков «серьёзного» софта. Нечто схожее происходит и в мире игр: бурный рост широкополосного доступа дал рождение настоящим

виртуальным мирам.

Мировая сеть всё сильнее наступает на реальность, виртуальность тонкими ручейками просачивается сквозь открытые шлюзы Интернета в реальный мир. Привычные программы, которые раньше можно было носить на дисках, растворяются в сети вместе с компьютерами. Незаметно, но неизбежно всё больше людей «исчезают» в сети. Молодёжь вместо общения выбирает блогосферу. И люди всё глубже погружаются в эту мультимедийную сеть.